Жорес Трофимов

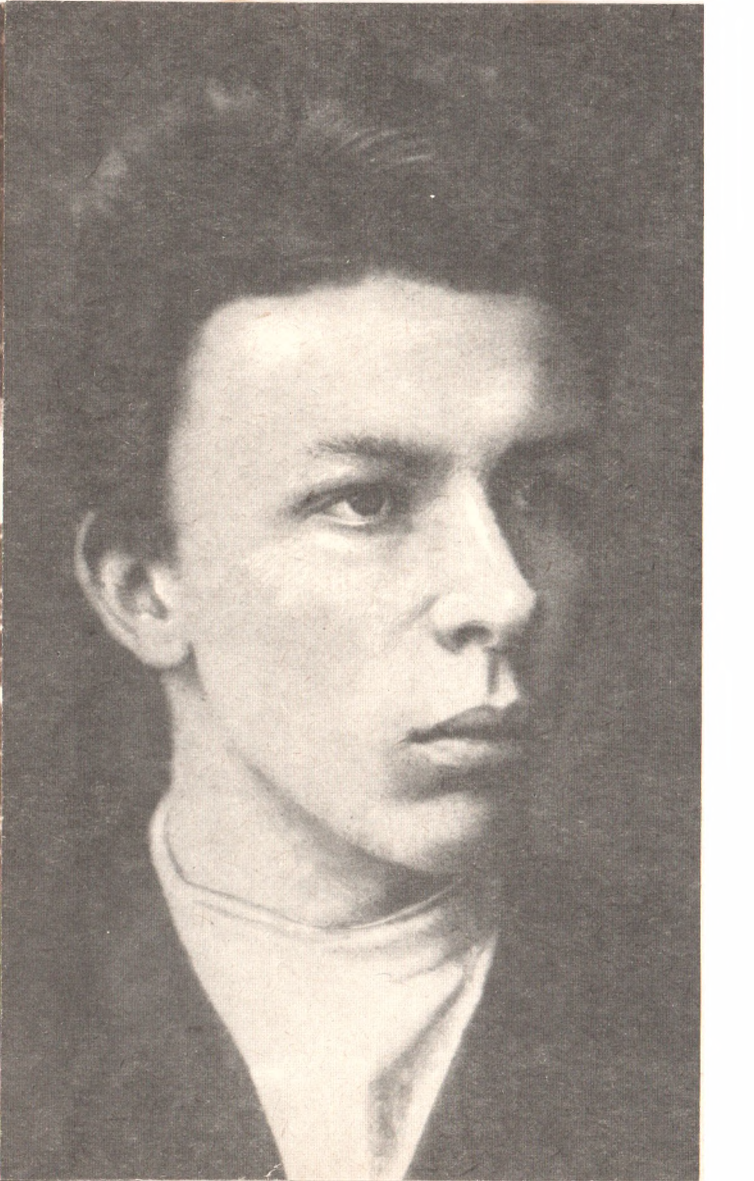

СТАРШИЙ БРАТ ИЛЬИЧА

Документальное повествование об Александре УЛЬЯНОВЕ

32

СТАРШИЙ БРАТ ИЛЬИЧА

Жорес Трофимов

СТАРШИЙ БРАТ ИЛЬИЧА

Документальное повествование об Александре УЛЬЯНОВЕ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1988

9(с)16
Т76

Рецензент старший научный сотрудник ИМЛ
К. Ф. Богданова

Художник **И. К. Михайлин**

Т $\frac{0102030000-010}{М-105(03)88}$ 1—88
ISBN 5—268—00313—5

ОТ АВТОРА

> Это были (Александр и Владимир Ульяновы.— *Ж. Т.*), несомненно, очень яркие, каждая в своем роде, но совершенно различные индивидуальности. Обе они горели сильным революционным пламенем. Гибель старшего, любимого брата, несомненно, разожгла его ярче в душе младшего.
>
> *А. И. Ульянова-Елизарова*

Александр Ильич Ульянов прожил яркую, хотя и очень короткую жизнь — всего лишь 21 год, оставив неизгладимый след в истории русского освободительного движения. Приняв участие в подготовке покушения на Александра III, он погиб вместе с товарищами на эшафоте в Шлиссельбургской крепости 8 (20) мая 1887 года. За столетие, прошедшее со времени казни героев смертельной схватки с самодержавием, не померкли вдохновенные слова клятвы их единомышленников — студентов Петербургского университета: «Мы скажем всей России: смотри, как умеют бороться и умирать твои революционеры! Мы глубоко запечатлели их славные имена в своих сердцах и будем воспитывать на их примере себя и лучших детей земли».

Невозможно переоценить и то глубокое и разностороннее влияние, которое Александр Ульянов оказал на Владимира Ильича, брата Дмитрия и сестер. Кристальная честность и удивительная

скромность, редкая щедрость души и бескорыстие, доброта и справедливость, железная сила воли и непоколебимая твердость характера, обязательность и принципиальность, презрение к мещанским идеалам благополучия и отвращение к карьеризму, материальной наживе, исключительная деликатность в отношениях со всеми окружающими и подлинный демократизм в общении с простым людом, огромное трудолюбие и неуемная жажда знаний, последовательность и целеустремленность, любовь к науке и природе — трудно перечислить все те благородные качества, которыми обладал Александр Ильич и становлению которых в своих близких он способствовал своим примером.

Александру Ильичу были присущи черты героя-революционера: горячая любовь к родине, ее многострадальному и талантливому народу, жгучая ненависть ко всем видам эксплуатации, угнетения, неравенства и деспотизма, презрение к либеральному пустозвонству, жадные поиски правильной революционной теории и решимость отдать все свои силы и знания, а если потребуется, и жизнь ожесточенной борьбе за торжество гуманистических идеалов.

Жизнь и героическая борьба Александра Ильича с ненавистным самодержавием за счастливое будущее своей отчизны стали одним из важнейших истоков формирования общественно-политических взглядов и гражданских идеалов Владимира Ильича, других членов замечательной семьи Ульяновых — семьи революционеров.

Естественно, что этот светлый образ влечет к себе пристальное внимание многих литераторов, историков, художников, артистов. В своих книгах,

посвященных детству и юности Владимира Ульянова, его отцу и матери, немало страниц я посвятил и Александру Ильичу, его участию в освободительном движении и покушении на жизнь царя, отражению этих событий в Симбирске и в семье Ульяновых весной 1887 года.

Как и другие мои книги, эта тоже строго документальна: в ней нет ни одного вымышленного лица, адреса или события. Важнейшим источником являются воспоминания и статьи Анны Ильиничны, Дмитрия Ильича и Марии Ильиничны Ульяновых, а также сборники «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.» и «Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др.», подготовленные усилиями Анны Ильиничны и вышедшие в свет в 1927 году. Неоценимое значение имеют гимназические сочинения Александра Ильича, его письма к родным, прокламация «17 ноября в Петербурге», показания на следствии, речь на суде, а также восстановленная им по памяти в Петропавловской крепости «Программа террористической фракции партии «Народная воля».

После казни Александра Ильича жандармы уничтожили его записные книжки, выписки из журнальных статей и то, что особенно нас интересует,— письма родителей, Владимира и Ольги, приходившие из Симбирска в 1883—1887 годах. Совершенно неизвестна для нас и переписка Анны Ильиничны тех лет, когда она ближе других членов семьи находилась к Александру Ильичу.

Разыскивая в архивах, музеях и библиотеках Поволжья, Москвы и Ленинграда документы и материалы о семье Ульяновых, я выявил несколько таких, которые позволили уточнить или полнее

представить некоторые моменты из жизни и деятельности Александра Ильича. Прослежена, в частности, работа нелегального кружка в Симбирской классической гимназии, руководимого товарищем Александра Ильича В. Аверьяновым; уточнены обстоятельства борьбы старшеклассников вместе с Александром Ильичом против учителя-латиниста А. П. Пятницкого; внесена ясность, у какого именно Чугунова Александр Ильич приобрел книги и оборудование для занятий химией, и что доктор И. С. Покровский, у которого Александр и Анна Ульяновы доставали запрещенные сочинения Д. И. Писарева и В. Г. Белинского,— это сын публициста А. Д. Улыбышева; стала известна судьба выпускников гимназии 1883 года и установлена бо́льшая их часть на групповой фотографии этого класса; имеется полное представление о М. Ф. Щербакове, ставшем впоследствии советским профессором-естественником, проживавшим в 1882—1883 годах вместе с Александром Ильичом в его комнате; найдена заявка на оборудование и материалы для домашней лаборатории, составленная Александром Ильичом 22 января 1882 года для петербургского магазина[1].

При изучении состава Поволжского студенческого землячества в Петербурге неожиданно выяснилось, что в 1883/84 учебном году однокурсником Александра Ульянова был Михаил Чернышевский — младший сын великого революционера-демократа[2]; поиск показал, что книга «Memorabilia», которую Александр Ильич выслал из Петербурга Владимиру, это не что иное, как «Вос-

[1] См.: Трофимов Ж. Ульяновы: Поиски, находки, исследования.— Саратов, 1978.— С. 112—113.

[2] См. там же.— С. 161—166.

поминания о Сократе» Ксенофонта[1], удалось найти описание золотой медали, которой был награжден Александр Ильич за победу на научном конкурсе студентов университета[2], а также установить фамилии двух помощников Александра Ильича в печатании «Программы террористической фракции партии «Народная воля»[3].

Материалы о результатах этих и других поисков вошли в книгу, насколько позволил ее объем.

И еще одно пояснение. Отличительная особенность этой книги выражена в самом ее названии. А именно: автор стремился строить свое документальное повествование так, чтобы, использовав все имеющиеся материалы, показать взаимоотношения в большой и дружной семье Ульяновых и прежде всего — братьев Александра и Владимира.

---

[1] См.: Трофимов Ж. Ульяновы: Поиски, находки, исследования.— С. 167—171.

[2] См. там же.— С. 201.

[3] См. там же.— С. 209—210.

РАННЕЕ ДЕТСТВО

1

Александр Ильич Ульянов родился 31 марта (12 апреля по новому стилю)[1] 1866 года в Нижнем Новгороде в семье старшего учителя математики и физики губернской гимназии Ильи Николаевича и его жены Марии Александровны. Он был вторым ребенком; старшей сестренке Ане не исполнилось еще и полутора лет.

Семья жила на третьем этаже здания гимназии, выходившего главным фасадом на Благовещенскую (ныне Минина и Пожарского) площадь, невдалеке от старого кремля и знаменитого своей красотой волжского откоса, с которого открывались бескрайние дали. Казенная квартира давалась не всем учителям. Илья Николаевич получил ее за то, что по совместительству с преподаванием заведовал физическим кабинетом гимназии. Кроме того, он являлся еще и секретарем соединенного педагогического совета гимназии и дворянского

---

[1] В дальнейшем все даты даются по старому стилю.— *Авт.*

института и, наконец, учителем физики и математики женского училища 1-го разряда.

Не случайно Илье Николаевичу пришлось взять на себя такую большую нагрузку: на одно жалованье трудно было молодой семье обзавестись даже скромной обстановкой, иметь подобающий положению гардероб, питаться и удовлетворять самые необходимые культурные потребности. Но он не роптал на трудности и по праву считал себя самым счастливым человеком.

Илья Николаевич был сыном крепостного крестьянина, с трудом ставшего астраханским мещанином — портным. Только благодаря своему изумительному трудолюбию и самоотверженности старшего брата Василия, ставшего после смерти отца кормильцем семьи из шести человек, Илья смог окончить гимназию, причем первым в истории астраханской гимназии с серебряной медалью.

Немало невзгод пришлось испытать и во время учения в Казанском университете, ибо стипендии студентам из «податного состояния» не давали и приходилось в основном перебиваться частными уроками. Но он все-таки закончил университет, причем со степенью кандидата математических наук. Занимаясь в студенческие годы в обсерваториях, он овладел теорией и практикой ведения астрономических и метеорологических наблюдений.

Крымская война, крестьянские волнения, статьи Белинского и Герцена в передовых журналах, рукописная запрещенная литература — все это волновало Илью Николаевича, и в студенческих кружках он отводил душу откровенными разговорами по злободневным вопросам жизни, заучивал некрасовские стихи, пел с товарищами запрещен-

ные песни. Особенно любил строки петрашевца А. Н. Плещеева:

> По духу братья мы с тобой,
> Мы в искупленье верим оба,
> И будем мы питать до гроба
> Вражду к бичам страны родной.

Вот таким, одушевленным лучшими идеями, при содействии гениального математика Н. И. Лобачевского Илья Николаевич отправился в 1855 году на службу в Пензенский дворянский институт преподавать математику и физику. Здесь он с успехом вел свои любимые предметы, заведовал физическим кабинетом, библиотекой и метеостанцией, руководил землемерной практикой на землемерно-таксаторских курсах, написал несколько научных работ.

Все острые вопросы эпохи падения крепостного права волновали Илью Николаевича и его ближайших товарищей педагогов-демократов В. И. Захарова и В. А. Ауновского. Ответы на них пензенские просветители искали прежде всего в статьях Добролюбова и Чернышевского и чутко реагировали на все прогрессивные веяния. Они создали воскресную школу для детей ремесленников, проводили литературные вечера, на которых читались и свежие номера герценовского «Колокола».

В ноябре 1861 года из села Кокушкина Казанской губернии к жене инспектора дворянского института Анне Александровне Веретенниковой приехала ее младшая сестра Мария Александровна Бланк. Веретенниковы, жившие в самом здании института, были людьми хлебосольными, любителями литературы и музыки. В их семье и произошло знакомство Ильи Николаевича и Марии Александровны.

Мария Александровна была невысокого роста, стройная. Очень красивым и одухотворенным было ее лицо: правильные, тонкие черты, выразительные карие глаза, открытый и приветливый взгляд. Во всем ее существе чувствовалась большая нравственная сила. На импровизированных вечерах у Веретенниковых она вдохновенно играла на рояле, вместе с сестрой декламировала Пушкина, Лермонтова, Гейне, а иногда и пела негромким, но приятным голосом.

Детство и юность Марии Александровны были нелегкими. С трехлетнего возраста она вместе с четырьмя сестрами и братом осталась без матери и воспитывалась отцом-доктором и тетушкой. В Кокушкине, где после выхода отца на пенсию она жила с 12 лет, не было даже школы. Но жизнь в захолустье не помешала ей стать всесторонне образованной девушкой. Под руководством родных Машенька основательно изучила русскую и всеобщую историю, математику, хорошо знала отечественную и западноевропейскую литературу, овладела немецким, французским и английским языками, игрой на фортепьяно, пением по нотам, научилась искусству кройки, шитья и вязания, познала основы садоводства и огородничества, умела оказать первую медицинскую помощь.

Илья Николаевич ей сразу понравился: покоряли его доброта, скромность, готовность прийти на помощь нуждающемуся, безупречная честность как человека и гражданина. Это был высокообразованный и талантливый преподаватель, чуждый карьеризма и стремления к материальной наживе, не жалеющий сил и времени для безвозмездного труда во имя общественной пользы. К лету 1863 года их взаимные симпатии переросли в столь

глубокие чувства, что они решили навсегда связать свои судьбы.

В связи с закрытием дворянского института Илья Николаевич получил назначение в Нижегородскую гимназию. Готовилась в июльские дни к отъезду и Мария Александровна. Она договорилась с сестрой Софьей, жившей в Самаре, что они вместе будут сдавать в тамошней гимназии экстерном экзамены на право первоначального обучения детей русскому, немецкому и французскому языкам, а также математике.

15 июля Мария Александровна успешно сдала экзамены в Самаре и получила желанное «Свидетельство» на звание домашней учительницы. В следующем месяце невдалеке от Кокушкина состоялось ее бракосочетание с Ильей Николаевичем, и тут же молодая чета переехала в Нижний Новгород.

Здесь, как и в Пензе, Илья Николаевич приобрел весьма высокий служебный авторитет. Вот что говорилось в официальной характеристике той поры: «Ульянов, снискавший себе известность отличного педагога, по достоинству занимает принадлежащее ему место между лучшими преподавателями. Его мягкое и симпатичное обращение с воспитанниками, всегда ровный и благоразумный такт привлекают к нему учеников и заставляют охотно заниматься. Самое его преподавание отличается ясным и толковым изложением и тем терпеливым вниманием, которым он слабых и менее развитых учеников доводит до полного усвоения преподаваемого...»[1] Сами же ученики очень люби-

---

[1] Анисенкова А., Балика Д. И. Н. Ульянов в Нижнем Новгороде.— Горький, 1969.— С. 49.

ли своего доброго худощавого учителя, с высоким лбом, ласковыми карими глазами и картавинкой в выговоре.

35-летний отец и мать, которой исполнился 31 год, любившие детей, естественно, были очень рады рождению сына. Но через 5 дней после его появления на свет в безоблачное, приподнятое настроение родителей внезапно влилась извне тревожная струя. В Нижний Новгород поступило телеграфное сообщение: 4 апреля 1866 года в Петербурге какой-то «молодой человек в простом платье стрелял из двухствольного пистолета в государя императора»; а в середине месяца стало известно и имя неудачно покушавшегося: Дмитрий Владимирович Каракозов, «уроженец села Жмакино Сердобского уезда Саратовской губернии, православный, русский, из дворян, вольнослушатель Московского университета».

Из всей читающей нижегородской публики эта информация едва ли не больше всех взволновала Ульяновых. Илья Николаевич знал Дмитрия Каракозова еще в те годы, когда тот с двоюродным братом Николаем Ишутиным квартировал в Пензе у своего учителя В. И. Захарова, где одно время жил Илья Николаевич. Конечно, жаль было этого юношу. О себе лично Илья Николаевич особенно не беспокоился: если Каракозов под угрозой пыток и припомнит какие-либо подробности из тех разговоров, которые в 1860—1861 годах велись в доме Захарова вокруг статей из «Современника» и «Колокола», то их к делу о покушении на царя приобщить будет трудно. А вот друг, Владимир Иванович Захаров, может пострадать: в последние годы он встречался с Каракозовым, Ишутиным и другими своими революционно настроенными вос-

питанниками в Москве и здесь, в Нижнем. Опасения Ильи Николаевича подтвердились: власти обнаружили, что истоки «преступных замыслов» Д. Каракозова и других активных членов революционной организации, руководимой Н. Ишутиным, берут начало в Пензе и Нижнем Новгороде. В результате В. И. Захаров, уже проживавший в качестве управляющего имением в селе Каменке Курмышского уезда Симбирской губернии, попал под гласный надзор полиции как «образователь красных пензяков».

К делу все-таки подшили и шесть документов с упоминанием фамилии Ульянова, но только как учителя или знакомого будущих членов революционной организации. Проводившиеся же в Нижнем допросы, обыски и репрессии, к счастью, не коснулись самого Ильи Николаевича и его семьи. И связанные с этими событиями волнения постепенно улеглись.

А Саша подрастал. Это был красивый мальчик: кудрявая белокурая головка, черные брови и большие черные глаза. «Особенно хороши были глаза и их выражение, привлекавшее обычно все сердца и поражавшее своей недетской глубиной».

Когда Саше минуло два года, родители решили познакомить с детьми астраханских родных. Илья Николаевич еще был загружен занятиями, и Мария Александровна ранней весной отправилась сама с ребятами по Волге к бабушке Анне и дяде Василию, продолжавшему работать приказчиком в купеческой фирме. Бабушка и дядя с радостью возились с малышами и, как находила мать, слишком баловали их.

А лето Саша и Аня провели в Кокушкине у дедушки Александра Дмитриевича. Здесь в июле у

Саши появилась еще одна сестренка — Оленька.

В Нижнем Новгороде Саша прожил только первые три с половиной года. Поэтому у него в памяти могли остаться только смутные и отрывочные детские впечатления. Ане же хорошо запомнилась их квартира из четырех в ряд идущих комнат с самой лучшей из них — детской, площадь перед зданием гимназии с бассейном посередине, с мелькающими над ним деревянными черпалками на длинных ручках и окружающими его бочками водовозов.

Саша пока еще беззаботно бегал с Аней у знаменитого нижегородского откоса, по аллеям, разведенным по крутому склону к Волге. Однажды он упал и покатился с откоса, напугав мать. У сестры навсегда осталась в глазах картина: «Мать, закрывшая от страха глаза рукой, быстро катящийся вниз по крутому зеленому склону маленький комочек, а там, на нижней дорожке, некий благодетель, поднявший и поставивший на ноги брата, воспрепятствовав ему тем совершить еще один или два рейса, до следующих узеньких дорожек»[1]. Что ж, с кем не бывает подобного в раннем детстве?

Умные и ласковые родители внимательно и с большим тактом относились к детям. Мать была прекрасным «педагогом в душе». Удивительно гармоничная натура, она, по словам старшей дочери, с большой твердостью и силой характера соединяла кротость и чуткость, ровный, приветливый и веселый нрав, покорявший всех, особенно своих детей, «в которых вкладывала все силы, которых окружала самоотверженной любовью без баловства

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.: Сборник/Сост. А. И. Ульянова-Елизарова.— М.; Л., 1927.— С. 33—34. (В дальнейшем Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.)

и потаканья, внимательным и чутким надзором без излишнего стеснения их свободы»[1].

Воссоздавая картины их с Сашей счастливого детства, Анна Ильинична писала: «Помню зимние вечера, игру матери на фортепиано, которую я любила слушать, сидя на полу подле ее юбки, и ее постоянное общество, ее участие в наших играх, прогулках, во всей нашей жизни... Особенно ясно запечатлелась ее игра с нами в нашем зальце и одновременно столовой, на стульях, изображавших тройку и сани. Брат сидел за кучера, с увлечением помахивая кнутиком, я с мамой сзади, и она оживленно рисовала нам, краткими понятными словами, зимнюю дорогу, лес, дорожные встречи. Мы оба наслаждались. Ясно вставали перед глазами описываемые ею сцены. Мое детское сердчишко было переполнено чувством благодарности к матери за такую чудную игру и восхищения перед ней. Могу с уверенностью сказать, что никакой артист в моей последующей жизни не пробудил в моей душе такого восхищения и не дал таких счастливых, поэтических минут, как эта бесхитростная игра с нами матери. Объяснялось такое впечатление, кроме присущего матери живого воображения, несомненно, еще и тем, что она искренно входила в нашу игру, в наши интересы, умела для того, чтобы доставить нам радость, увлечься и сама, а не снисходила до игры»[2].

Прекрасным семьянином был отец, и при всей своей занятости находил время для детей. Он очень искренне вел себя с ними, умело и в то же время очень естественно удовлетворяя их растущую любознательность. Таких малышей, как

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 34.
[2] Там же.— С. 35—36.

Аня и Саша, он не боялся допускать в свой кабинет с физическими приборами и прочими ценными и интересными вещами. Наверное, настоящим волшебством казалось им зрелище, когда отец вытачивал на токарном станке шахматные фигуры. И не случайно одними из любимейших игрушек ребят были магнит, загадочно притягивающий железные предметы, и натертая сукном палочка сургуча, на которую прилипали мелкие бумажки.

Летом 1869 года Саша вновь бегал с Аней на кокушкинском приволье. Но вдруг неожиданно резко все веселье в доме прекратилось. Это было первое большое горе в их семье, о котором одна из взрослых двоюродных сестер так сообщила 18 июля своей подруге в Саратов: «У Ильи Николаевича и тети Маши умерла на днях их меньшая дочь Оля... Болезнь и смерть Оли как будто с корнем истребили в Кокушкино веселость и наложили какую-то тяжесть на всех его обитателей. Я была свидетельницею последних страданий Оли и ревела как сумасшедшая, да и всем невыносимо жаль этого милого ребенка. Невозможно смотреть хладнокровно на то, как убивается тетя о потере своей крошки. Илья Николаевич мужчина, а так плакал»[1].

После возвращения из Кокушкина родители объявили ребятам, что они всей семьей скоро будут переезжать в другой город. Когда в сентябре Аня с Сашей пытались помогать упаковывать свои игрушки и книжки для далекого путешествия на пароходе в загадочный Симбирск, они не могли понимать причины этого переезда. Но потом, когда

[1] Трофимов Ж. Ульяновы: Поиски, находки, исследования.— С. 80.

они поймут ее, будут восхищаться и гордиться благородными мотивами, побудившими отца и мать оставить их обжитую казенную квартиру и отправиться в другой город, заранее зная, что там придется скитаться по частным квартирам, а главное — иметь дело не с более или менее благоустроенными гимназиями или дворянскими институтами, сравнительно обеспеченными учениками, а с самыми захудалыми сельскими школками, разбросанными в сотнях «медвежьих углов» громадной, чуть ли не с европейское государство Симбирской губернии. Главной причиной этого решения было желание отца отдать свои силы просвещению народных масс, работать «для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов»[1]. Он ехал на открывшуюся должность инспектора народных училищ Симбирской губернии, дающую ему широкое поле деятельности.

22 сентября Ульяновы отплыли на пароходе от нижегородской пристани, а через два дня Саша и Аня, стоя на палубе рядом с родителями, рассматривали живописно раскинувшийся на высоком правом берегу Волги Симбирск.

2

Жилье для Ульяновых подыскали знакомые еще по Пензе и Нижнему Новгороду Владимир Александрович Ауновский и его мать Наталья Ивановна. Дом стоял на Стрелецкой улице, протянувшейся вдоль самой бровки коренного берега Волги

[1] Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых.— М., 1978.— С. 231.

от центра города до Завьяловской площади. Это был флигель, который стоял во дворе хозяйского дома А. С. Прибыловской, находившегося почти в конце улицы. Квартира на втором этаже флигеля (нижний был нежилым) состояла из гостиной, столовой, спальни и кабинета отца.

Здесь 10 апреля 1870 года родился первый брат Саши и первый симбирянин в их семье — Владимир. С появлением маленького Володи, при частых поездках отца по селам, матери стало трудно, поэтому тетушка Анна Александровна Веретенникова прислала на помощь сестру своей няни вдову-солдатку Варвару Григорьевну Сарбатову.

Обычно здоровый, Саша однажды заболел какой-то опасной болезнью, сопровождавшейся воспалением желудка. И старшая сестра писала в связи с этим: «Помню какие-то красивые привезенные ему игрушки, к которым я, ничего не понимая, стала тоже тянуться и которые он с большой кротостью уступил мне. Помню потом просветлевшее лицо матери, когда она водила и поддерживала его, выздоравливающего,— приходилось снова учить его ходить»[1].

Илья Николаевич не имел служебного кабинета, а посетителей приходило немало, да и увеличившейся семье стало тесновато во флигеле. Поэтому осенью сняли квартиру побольше, в двухэтажном доме А. С. Прибыловской, выходившем фасадом на улицу, с видом на Волгу, где в следующем году родилась сестренка Саши Оля.

Двор Прибыловской был так заполонен хозяйственными постройками, что детям негде было играть. И вскоре, когда подвернулся случай, Ульяновы перебрались на верхний этаж стоявшего по

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 35.

соседству, у Завьяловской площади, деревянного дома, принадлежащего жене унтер-офицера Д. Ф. Жарковой.

Вспоминая об этой, третьей за два с небольшим года проживания в Симбирске квартире, Анна Ильинична писала: «Дом этот был тогда последним по Стрелецкой улице, упиравшейся в площадь с тюрьмой, которая выходила главным фасадом на так называемый «Старый венец»,— высокий берег Волги со сбегавшими вниз фруктовыми садами. В противоположность «Новому венцу»,— части нагорной набережной в центре города, с бульваром из неизбежной акации, с беседкой и музыкой, по праздникам служившему местом прогулки чистой публики,— «Старый венец» был совершенно дикой окраиной города. Здесь стояла лишь пара скамеек над обрывом к Волге; по праздникам звучала гармоника, земля усердно посыпалась скорлупами подсолнечников и семечками рожков... И публика веселилась почти непосредственно под завистливыми взорами обитателей тюрьмы. Бледные, обросшие, какие-то дикие лица глядели из-за решеток, слышалось лязганье цепей»[1].

Понятно, что мать отпускала Аню и Сашу рыться в «песке» вблизи тюрьмы, как говорится, скрепя сердце. Но оттуда можно было любоваться чудным видом на Волгу с ее зелеными островами и пароходами, радоваться пению птиц в садах на косогоре. Но нет-нет да и раздавались лязг цепей или грубые окрики, которые заставляли Аню и Сашу вздрагивать и оглядываться на тюрьму и ее обитателей. «Вместе со страхом перед этими людьми,— вспоминала Анна Ильинична,— наши дет-

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 37.

ские души охватывало и чувство глубокой жалости к ним. Помню его отражение в глубоких глазах Саши. И сейчас еще стоит перед моим взором одно худое тонкое лицо с темными глазами, жадно прильнувшее к решетке окна»[1].

В сопровождении старших Аня и Саша иногда ходили гулять в Карамзинский садик, с памятником знаменитому историку в центре. Там были аллейки акации и сирени, пара клумбочек. Но ходить здесь полагалось чинно, а поэтому детям было неинтересно. Невдалеке был еще один казенный садик — Николаевский, но он был запущен, и туда даже заходили коровы, возвращавшиеся с пастбища.

Родители очень рано начали приобщать детей к грамоте. Анна Ильинична впоследствии рассказывала: «Читать мы учились по звуковому методу. Меня мать начала, играя, учить с 5 лет,— помню наклеенные на картон буквы, из которых я составляла слова,— брат выучился подле меня самостоятельно, и отец рассказывал потом, как он — четырехлетний — раскладывал на полу газету и читал лежа на ней»[2].

Письму, музыке, пению и начаткам немецкого и французского языков Аню и Сашу также учила мать, но заботы о младших детях и хозяйстве мешали регулярно готовить их к поступлению в гимназии, и с осени 1873 года отец пригласил для занятий с Аней и Сашей молодого учителя приходского училища Василия Андреевича Калашникова.

Учитель детям понравился. Они внимательно слушали его объяснения, охотно и старательно вы-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 38.
[2] Там же.— С. 36.

полняли все задания. Заниматься с такими умными и прилежными детьми, по словам Калашникова, было истинным удовольствием, и он даже не заметил, как подошла весна, а вместе с нею и конец учебного года. Анна Ильинична признается, что учитель, нахваливая их, имел в виду главным образом Сашу, с детства очень добросовестно и серьезно относившегося к своим обязанностям.

Чтение открыло новый этап в жизни Саши. Прошло то время, когда, рассматривая картинки, надо было томительно ждать, пока родители, освободившись от дел, почитают сказку. Теперь ему становилось подвластно все печатное богатство, которым отец регулярно пополнял детскую библиотеку. Он выписывал такие журналы, как «Детское чтение», «Семья и школа», покупал новые книжки и приносил их из Карамзинской общественной библиотеки, одной из лучших в Поволжье. Особой популярностью в семье пользовалась хрестоматия «Русские поэты в биографиях и образцах» Н. В. Гербеля, знакомившая с творчеством Жуковского, Пушкина, Языкова, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, Минаева, всего — со 129 авторами. Этот сборник Саша, Аня, а за ними и младшие не только читали и перечитывали. Вошло в обычай к именинам родителей и праздникам самостоятельно выучить какие-нибудь стихи из него, переписать их покрасивее и вложить в конверт в качестве подарка. Примечательно, что Саша, которому шел восьмой год, однажды выбрал глубоко патриотическое стихотворение «Иван Сусанин» К. Ф. Рылеева. И Ане запомнилось, как «с большой силой выражения» он декламировал отрывок, где народный герой в ответ на угрозы захватчиков смело заявляет:

— Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!

И выбор стихотворения, и вдохновенное его чтение уже были рождены самым серьезным отношением Саши к тому, что он делает. Для него это было глубоко продуманным **поступком.** Ведь Саша был не из тех мальчуганов, которые, заучив первый попавшийся стишок, спешили продекламировать его перед рукоплескавшими слушателями. Саша был впечатлителен и вдумчив, с ровным, несколько замкнутым характером. С раннего детства, еще в Нижнем Новгороде, он привык играть, как правило, только с Аней. И потом, в первые годы жизни в Симбирске — тоже, так как у приходивших в дом знакомых или не было детей вовсе, или они уже выросли.

Только тогда, когда подросли Володя, а затем и Оля, круг его общения с детьми расширился.

Его спокойствие и рассудительность стали притягательной силой для всех. Саша отличался «какой-то особенной чистотой,— восхищалась Анна Ильинична.— Характерно, что я — вспыльчивая и при постоянной хвори довольно капризная в детстве,— не помню ни одной ссоры с ним. Не помню его ссор и с другими братьями и сестрами или с товарищами. Он и ссора, стычка,— это как-то не вязалось вместе. Какое-то особенное внимание и чуткость к личности другого было у него с детства»[1].

Летом 1874 года Ульяновы раньше обычного вернулись из Кокушкина в Симбирск — Саше 7 августа предстояло сдавать вступительные экза-

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 35.

мены в приготовительный класс гимназии. Он их не боялся, ибо по всем предметам (закону божьему, русскому языку и арифметике) его уже проверили учитель Калашников и отец, постоянно интересовавшийся его занятиями. А 4 августа в семье Ульяновых произошло важное событие: родился мальчик, которого назвали Дмитрием.

Родители волновались за Сашу в те дни, когда он сдавал экзамены, но он оправдал их надежды: получил высшие баллы и стал первым в семье гимназистом.

Почему же Саша, а не старшая — Аня? Илья Николаевич стоял за раннее определение мальчиков в гимназию, чтобы они прошли там весь курс и тем самым привыкли к труду и дисциплине. Учитывалось и то обстоятельство, что классическая гимназия была бесплатна для сыновей чиновников министерства народного просвещения со стажем работы 10 и более лет.

С Аней дело обстояло иначе. За учение дочереи в Мариинской женской гимназии (другой в Симбирске не было) приходилось платить, и немало. К тому же Аня часто болела и по складу своего характера не была готова к занятиям в обществе незнакомых людей. Она упросила мать проходить программу младшего класса дома.

19 августа, затянутый в узкий мундирчик с подпирающим голову стоячим воротником и в фуражке с кокардой, Саша зашагал по Стрелецкой в сторону Карамзинского садика, за которым и находилась гимназия.

В МЛАДШИХ КЛАССАХ

Симбирская классическая гимназия, одна из старейших в России, была единственным средним учебным заведением губернии. Она существовала уже 65 лет и по-прежнему теснилась в двухэтажном каменном здании, построенном еще в XVIII веке. К моменту поступления Саши обстановка в гимназии сложилась крайне неблагоприятная. Общие недостатки, присущие всем классическим гимназиям,— засилье латыни и греческого, зубрежка и муштра, отрыв изучаемого от реальной жизни — в Симбирской гимназии усугублялись в результате того, что уже более 10 лет ею руководил, выражаясь словами Анны Ильиничны, «невежественный, совершенно дореформенный директор Вишневский»[1].

Иван Васильевич Вишневский был одиозной фигурой. Не окончив даже курса духовной семинарии, он, благодаря связям, сумел устроиться

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 46.

учителем латинского языка в Пензенский дворянский институт, где «прославился» не как преподаватель, а как старший надзиратель, руководивший жестокой поркой воспитанников по субботам. Илье Николаевичу и его друзьям удалось выжить Вишневского из института. Но этот горе-педагог стал... директором Симбирской гимназии, где тоже прослыл как грубиян, религиозный ханжа и взяточник. Это о нем поэт-искровец Дмитрий Минаев писал в сатирической поэме «Губернская фотография»:

А вот Вишневский, точно старый
Педагогический нарост,
И всею проклятый Самарой
Бюрократический прохвост.

Под стать директору подбирались и педагоги, по фамусовскому принципу «все больше сестрины, свояченицы детки».

Лучшим, по крайней мере, очень чистой личностью, был старик латинист С. М. Чугунов, совершенно ушедший от жизни в науку. Гимназисты, по словам Анны Ильиничны, часто пользовались его глухотой и на вопрос учителя: «Какой падеж стоит?» — выкрикивали лишь конец: «и-ительный», а тот добродушно подтверждал: «Да, да, творительный» или «винительный»[1].

Среди преподавателей были и другие, знавшие свой предмет. Это выпускник Казанского университета молодой кандидат математических наук А. Ф. Федотченко и знакомый Ильи Николаевича по нижегородской гимназии словесник М. П. Мальцев. В какой-то мере благодаря им Саша полюбил

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 46.

математику и русский язык, по которому он один среди «приготовишек» имел отличную оценку. Примечательно, что при окончании первого класса он единственный из 48 учеников был удостоен первой награды — книги и похвального листа. Об этом сообщили 19 июня 1876 года «Симбирские губернские ведомости».

Это был большой успех юного гимназиста. Радовались родители, Аня, да и Володя, уже научившийся читать, мог сам убедиться, что любимый старший брат учится очень хорошо.

Саша был недоволен бестолковым преподаванием, громоздкими домашними заданиями, многие из которых требовали зубрить наизусть.

Анна Ильинична писала: «С грустью и возмущением рассказывал он мне иногда о некоторых грубых проделках товарищей, о солдатски грубом и часто несправедливом отношении учителей, но больше мы по его мрачному виду могли догадываться, что в гимназии было опять что-то неприятное»[1].

Скрытые и явные стычки между учениками и их наставниками происходили чуть ли не ежедневно. Победа оставалась на стороне сильных, безжалостно применявших такое оружие, как колы и двойки. Угрожающе росло число исключенных и второгодников и в тех классах, где занимался Саша: большинство его соучеников были старше его на 2—3 года, а некоторые — и на 4—5 лет.

У Ани были свои сложности в гимназии, куда она поступила на год позже Саши, сразу в шестой класс, минуя самый младший — седьмой. Не

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 48.

успела она освоиться там, как выяснилось, что программу этого класса знает хорошо, и ее перевели в пятый. Но это был уже слишком резкий скачок, и только благодаря помощи отца ей удалось войти в нормальный ритм занятий. С третьего класса Аня успевала почти на одни «дюжинки» (высший балл в Мариинской гимназии — 12), изучая при этом не один новый язык, как большинство ее соучениц, а два — немецкий и французский, как Саша.

Изучая со второго класса два языка вместо одного, как многие товарищи, Саша брал на себя значительную дополнительную нагрузку. Большую помощь в этом, конечно, оказывали лингвистические навыки, привитые матерью. В древних же языках можно было при необходимости опереться на отца, который хорошо знал латынь. И хотя греческого в свое время в гимназии он не изучал, начал осваивать его вместе с Сашей, когда у мальчика в третьем классе прибавился этот, самый трудный в гимназическом курсе предмет.

Восхищаясь помощью отца в учении, Анна Ильинична писала: «Помню, что он подолгу толковал мне написанную варварским языком грамматику Говорова и имел терпение просматривать в планах или в готовом виде все мои сочинения... Едва только вернется он, бывало, из разъездов и сядет усталый за самовар, как мы уже окружим его, и он расспрашивает нас о занятиях, обо всем из нашей школьной жизни. И ничем нельзя его было порадовать так, как нашими успехами... И все в нем: его речь, сама его личность, проникнутая верой в силу знания и добро в людях,— действовало, несомненно, развивающим и гуманизирующим образом и на детские души, и мы рано

научились признавать необходимость и важность знания».

Саша и Аня, а позже и младшие, твердо усвоили, что дело для отца — «это нечто высшее, чему все приносится в жертву. Его оживленные рассказы об успехах строительства в его деле,— вспоминала Анна Ильинична,— о новых школах, возникающих в деревне, о борьбе, которой это стоило,— и с верхами (власть имущими, помещиками) и с низами (темнотой и предрассудками массы), живо впитывались детьми»[1]. Следуя добролюбовским заветам, Илья Николаевич стремился выработать у них сознательное отношение к тому, чему и как учили в гимназиях.

Уроки отца не прошли бесследно. Саша из класса в класс шел первым учеником, хотя и не налегал на зубрежку. Анна Ильинична подчеркивала: «...у брата были большие математические и рассудочные способности. Он не схватывал легко памятью, хотя бы ненадолго, чтобы протрещать бойко урок,— особенно то, что было для него неинтересно, бессмысленно, что ему претило. У него была не специфическая память первого ученика, дающая часто возможность проходить блестяще курс, хотя и не знать ничего основательно. Но обдуманное, усвоенное он удерживал в памяти очень прочно и основательно»[2].

Уже в младших классах Саша много и серьезно читал. Отец внимательно следил за непрограммным чтением, знакомил с произведениями выдающихся писателей и тем самым прививал вкус к литературе гражданского звучания. Беседовал с

[1] Ульянова-Елизарова А. И. В. И. Ульянов (Н. Ленин).— М., 1934.— С. 14.

[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 50.

Сашей на злободневные общественные темы. И не случайно мальчик рано полюбил именно демократическую поэзию. В одиннадцатилетнем возрасте, третьеклассником, Саша выучил из отцовской книжечки «Стихотворения» Н. А. Некрасова «Песню Еремушке» и «Размышления у парадного подъезда», обратив на них внимание и старшей сестры. «Мне их папа показал,— сказал он,— и мне они очень понравились». И не охотник до декламации вообще, Саша эти любимые свои стихотворения читал с большой силой выражения»[1].

Да, по складу своего характера Саша был сдержанным в проявлении чувств, но отнюдь не каким-то «книжным человеком» и «сухарем». Он был очень цельной натурой и так же всецело, как занятиям и чтению, отдавался в часы досуга ребячьим играм, причем был их организатором. Характерно, что одной из первых была игра «в школу», в которой участвовали и только что постигшие грамоту Володя и Оля. Такая игра была естественна для семьи, в которой не было дня, когда бы отец, мать и их знакомые не говорили о новостях народного образования. К тому же у детей, поощряемых родителями, для этой игры дома было все необходимое: кубики с азбукой, счетные палочки, грифельные доски, глобусы, картины «трех царств природы», разные коллекции и гербарии. Роль учителей играли Саша и Аня и, видимо, так интересно, что Володя и Оля, несмотря на их живой характер, охотно изображали прилежных учеников.

Не только в этой «школе», но и в повседневной жизни Саша для младших был высшим авторитетом, предметом горячей любви и подражания.

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 53.

Анна Ильинична вспоминала: «О чем бы в те годы ни спросили Володю, он отвечал неизменно одно: «как Саша». Помню, как мы трунили над ним, как ставили его иногда в намеренно неловкое положение, ничто не помогало. И если с годами подражание брату утратило такой смешной характер, то во всем основном, по мере сил, Володя, как и все мы, старался «равняться по Саше». Его пример и влияние в семье не может быть переоценено»[1].

Саша в свою очередь по-братски заботился о Володе. Когда настало время, он принял и живейшее участие в обсуждении на семейном совете вопроса об учении Володи в гимназии. Прочувствовав на себе всю тяжесть царивших в ней порядков — гнет зубрежки и муштры,— с одной стороны, и грубых проделок великовозрастных старшеклассников над новичками и младшими — с другой, Саша решительно заявил, что «не следует отдавать Володю в приготовительный класс, а надо подготовить его к первому»[2]. Родители прислушались к его мнению, и Володя овладевал программой приготовительного класса дома, сначала со старшими, а потом, недолго,— под руководством опытных народных учителей В. А. Калашникова, И. Н. Николаева, а затем — В. П. Ушаковой.

Семья в это время насчитывала вместе с няней Варварой Григорьевной девять человек. Самой младшей теперь была полугодовалая Маняша.

В августе 1878 года, сменив шесть частных квартир — на Стрелецкой, Московской и Покровской улицах, Илья Николаевич и Мария Александровна наконец-то приобрели на знакомой уже

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 40—41.

[2] Там же.— С. 48.

Московской улице деревянный дом, одноэтажный с фасада и с антресолями под крышей со стороны двора. Внизу дома разместилась гостиная, кабинет отца, столовая, комнаты матери и няни, а также прихожая и кухня.

Антресоли — полуэтаж с низким потолком — были разделены на две части. С «переднего» входа в дом наверх вела крутая лестница в левую их половину. Здесь, на лестничной площадке с окном, была устроена комнатка для Володи, через которую проходил в свою Саша. В правой половине антресолей такая же лестница с «черного» входа вела в детскую, предназначенную для троих младших, а рядом Анина комнатка, отделенная от Сашиной тонкой перегородкой. У них был общий балкончик, удобный для общения летом.

Саша и Володя оказались обособленными на своей половине. Теперь большая часть времени братьев протекала на глазах друг друга. Саша уже привык без всяких напоминаний со стороны родителей усидчиво и тщательно готовить уроки, поддерживать у себя чистоту и порядок, и это не могло не влиять на младшего. Только после того, как все задания были сделаны, принимались за чтение или гуляли и играли.

Благотворное влияние Саши сказалось на вступительных экзаменах Володи, который в августе 1879 года, невзирая на свой юный возраст — 9 лет и 4 месяца (по уставу требовалось быть не моложе 10 лет) — был принят в первый класс классической гимназии. Отныне Саша на уроки ходил вместе с Володей, а иногда получалось, что и домой они возвращались вместе, оживленно обсуждая злободневные вопросы школьной и городской жизни или играя на ходу «в синонимы».

С наступлением зимы, когда рано темнело, уроки все готовили в столовой, освещавшейся висячей керосиновой лампой. Для Саши и Ани соседство Володи и Оли за общим столом нередко мешало серьезным занятиям: средняя пара раньше справлялась с заданиями и начинала шалить все больше и громче. Но, наконец, настал такой момент, когда мать, уступив настойчивым просьбам старших, разрешила им заниматься наверху, в своих комнатах: Ане — со свечой, а Саше — с керосиновой лампой. Всегда дисциплинированный, он быстро взрослел, и в конце концов мать разрешила заниматься вместе с ним под одной лампой и Володе, не опасаясь, что ребята затеют возню и устроят пожар.

В субботние вечера, когда не надо было готовить уроки, все обычно собирались в столовой или гостиной: слушали рассказы отца о посещении народных школ, наслаждались игрой матери на рояле, подпевали ей, декламировали стихи, составляли ребусы, шарады, устраивали викторины, читали вслух. А Саша придумал еще одно очень интересное и содержательное развлечение — семейный рукописный журнал, который одно время выпускался дома, по субботам, поэтому и назывался «Субботник». «Каждый из нас,— вспоминала Анна Ильинична,— должен был за неделю написать что-нибудь на свободно выбранную тему; и все эти листки передавались Саше, который вкладывал их без всяких изменений в приготовленную им обложку, добавлял что-нибудь от себя. И вот номер был готов и читался вечером в присутствии отца и матери, принимавших самое живое участие в нашей затее, к которой они отнеслись чрезвычайно сочувственно.

Помню их оживленные, довольные лица; помню какую-то особую атмосферу духовного единения, общего дела, которая обволакивала эти наши собрания»[1].

Саша был первым партнером отца по шахматам. Лет восьми-девяти научился играть и Володя, проявлявший способности к мудрой игре. Обычно братья играли любимыми фигурами, выточенными отцом. Зимой 1879 года Илья Николаевич познакомил Сашу, Аню и Володю с «четвертными шахматами», или, как их еще называли, русскими с крепостями. Фигуры четырех цветов располагались на специальной 192-клеточной доске, и четверо игроков делились на две пары. Игра была интересной. От сражавшихся она требовала, «не жалея живота своего», помогать напарнику и поэтому как нельзя лучше развивала чувство товарищества.

По примеру отца, Саша увлекался работами по дереву — выпиливанием лобзиком, выжиганием. Дощечку для хлеба с тонкой резьбой он подарил матери, и она сохранила ее. Вместе с Володей мастерили книжные полки, игрушки для маленьких и к новогодней елке.

С наступлением летних каникул начиналась прекрасная пора самого разнообразного отдыха. Саше вместе с другими старшими отец устраивал увлекательные прогулки на пароходе по Волге; не раз всей семьей выезжали в Кокушкино, где на приволье купались в Ушне, ходили за грибами и ягодами. «После майской маеты с экзаменами лето в Кокушкине казалось чем-то несравненно красочным и счастливым,— писала Анна Ильинична.—

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 51.

Особенно, кажется мне, любил его Саша, находивший там столько простора для рано проявившейся в нем склонности к естественным наукам. Там занимался он разного рода коллекционированием,— помню особенно прекрасную коллекцию птичьих яиц, собранную им там и пополняемую в Симбирске»[1].

Не менее сильные впечатления, чем наблюдения за природой, оставляла в сознании Саши окружающая деревенская жизнь. Глубокое сочувствие и доброе отношение к сельским труженикам шли от отца и матери, которые всегда охотно откликались на просьбы кокушкинских крестьян, оказывали им посильную помощь. У Саши и Ани появился любимый собеседник в соседней деревне, охотник и рыболов Карпей, талантливый самородок, которого за поэтический вид и колоритную речь, блиставшую остроумием и меткими сравнениями, Илья Николаевич называл поэтом и философом.

Раз Саша и Аня поехали вдвоем на лодке. Пошел дождь. Беспокоясь за здоровье простуженной сестры, Саша поспешил причалить у соседней деревни и укрыться у Карпея. На этот раз крестьянин рассказал им, как был очевидцем следования по этапу в Сибирь партии еврейских мальчиков. Яркое воспоминание Карпея стало для Саши одним из фактов, пробудивших в нем смутное недовольство существующим строем[2].

Старшая сестра вспоминала, как поразил их и рассказ студентки-кузины о сельской учительнице, «своей приятельнице, идейной народнице, которая, очевидно, не ограничивалась преподаванием

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 43—44.

[2] См. там же.— С. 44—45.

грамоты ребятам, а собирала по вечерам крестьян, читала, беседовала с ними, сильно подняла их сознательность и вызвала большую любовь среди них к себе. В результате донос, обыск, допросы крестьян и удаление, кажется, даже арест учительницы к общему горю всей деревни.

Помню горячий, возмущенный тон рассказчицы,— продолжала Анна Ильинична,— рисуемый ею идеальный образ учительницы, с подчеркиванием, что ничего антиправительственного в ее деятельности не было; помню отца,— молчаливого, сосредоточенного, с опущенной головой»[1].

Но Илья Николаевич по своей натуре был оптимистом и в том же Кокушкине, во время прогулок по полям, он по-прежнему часто напевал плещеевскую «По духу братья мы с тобой». Саша и Аня чувствовали, что эта песня, в которую отец вкладывает всю душу, является для него чем-то вроде клятвы: «Будем мы питать до гроба вражду к бичам страны родной». Дети любили ее и подпевали отцу. «Помню, что раз и по возвращении в Симбирск,— писала Анна Ильинична,— на нашем дворике, я напевала ее,— мне было тогда лет 13—14,— и что мать подозвала меня и сказала, что я не должна здесь, в городе, петь эту песню, так как могу повредить отцу,— враги у всех есть, скажут: «Вот какие запрещенные песни распеваются на дворе директора народных училищ»[2].

А служебное положение Ильи Николаевича и без того становилось весьма трудным.

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 55.
[2] Там же.— С. 54.

НА ПОРОГЕ ЮНОСТИ

Саша уже заканчивал четвертый класс, когда весной 1879 года на смену проворовавшемуся Вишневскому прибыл из Вятки Федор Михайлович Керенский, обладавший университетской подготовкой и считавшийся умелым организатором. Новый директор заменил слабых преподавателей, но и при нем остались такие, которые изводили учеников зубрежкой грамматических премудростей древних языков, грубо обращались даже со старшеклассниками. Резко повысились требования к успеваемости, ужесточились наказания за нарушения устава, а также контроль за гимназистами во внеучебное время. Значительно возросла плата за обучение, что легло тяжким бременем на малоимущие семьи.

Сам Керенский, взявшийся за преподавание словесности, латыни и логики, уроки вел со знанием дела, но грешил большим формализмом: чистота тетради и гладкие формулировки для него зачастую были важнее, чем глубина знаний и самостоя-

тельность суждений ученика. Как преподаватель и директор он был требователен и очень скуп на оценки, а на экзаменах — до бессердечности жесток. Достаточно сказать, что весной 1880 года в пятом классе, где учился Александр Ульянов, во многом благодаря директору из-за неуспеваемости по древним языкам на второй год осталось 18 мальчиков[1].

Саша и Володя учебный год завершили успешно — первыми учениками, Аня этой весной окончила Мариинскую гимназию с большой серебряной медалью. Увлеченная подвижническими усилиями отца по подъему образования детей бедноты, она мечтала о работе народной учительницы. Однако в 16 лет это было еще недоступно, и она пока знакомилась с практикой работы в городских школах, помогала матери по хозяйству, занималась с Митей и Маняшей, много читала.

К этому времени они с Сашей прочли всех русских классиков. «Отец рано дал их нам в руки,— вспоминала Анна Ильинична,— и я считаю, что такое раннее чтение сильно расширило наш горизонт и воспитало наш литературный вкус. Нам стали казаться неинтересными и пошлыми разные романы, которыми зачитывались наши одноклассники»[2].

В 1880 году Илья Николаевич приобрел для дома четырехтомное издание сочинений Н. А. Некрасова. Рассказывая, каким успехом в семье пользовалось это собрание, Анна Ильинична писала: «Мы... читали и перечитывали его. Особенно увлекались мы тогда «Дедушкой» и «Русскими женщинами»,— вообще интерес к декабристам был

---

[1] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 282, л. 23.

[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 59.

большой»[1]. Нередко даже напевали «что-нибудь из Некрасова», качаясь с Сашей на качелях во дворе своего дома.

К числу любимых писателей относился и И. С. Тургенев. Очень пришелся по душе Саше Базаров в «Отцах и детях». «Помню еще,— писала Анна Ильинична,— как он указал мне у Тургенева на повесть «Часы».— «Так, безделка,— сказал он,— но очень симпатичные характеры».

Показательно для Саши в юношеском возрасте его сочувствие цельным, мужественным, проникнутым чувством собственного достоинства натурам, каковыми были Давид и его невеста в повести «Часы»[2].

Этим, очевидно, объясняется и то, что в «Войне и мире» Л. Толстого ему больше всех героев понравился Долохов, пленивший его силой, смелостью и независимостью своего характера. Когда Анна указывала на злобность Долохова, Саша подчеркивал его доброе отношение к матери.

Все братья и сестры считали самого Сашу эталоном поведения. Даже Аня, которая была старше Саши, боялась, по ее чистосердечному признанию, потерять свой авторитет в его глазах каким-нибудь поступком, очень дорожила его мнением и всегда стремилась знать его суждения по всем интересующим ее вопросам.

Как-то Аня задала вопрос Саше: «Какие самые худшие пороки?» Саша, которому было тогда лет одиннадцать, ответил: «Ложь и трусость»[3].

Скромный, немногословный, даже замкнутый и застенчивый на вид подросток презирал нереши-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 57.
[2] Там же.— С. 59.
[3] Там же.— С. 41.

тельность, малодушие, боязнь сделать смелый честный поступок, отступление перед злом и несправедливостью, предательство товарищей, родины, своих принципов.

И Саша был верен своим взглядам в повседневной жизни. Самый младший в классе, но завоевавший положение самого авторитетного, любимого и чуткого товарища, никогда не отказывавшего в совете и помощи, Саша в то же время был человеком, на которого можно было положиться, «как на скалу во всех коллективных протестах»[1]. Когда еще при Вишневском велась острая борьба гимназистов против учителя латинского языка А. П. Пятницкого, «карьериста и пройдохи», к тому же мучившего учеников излишним пристрастием к грамматическим тонкостям своего предмета, Александр Ульянов принимал в ней самое активное участие до тех пор, пока горе-учитель, уже при Керенском, не был переведен в Саратов. Один из преподавателей симбирской гимназии, кстати, тоже возмущавшийся неблаговидными поступками Пятницкого, в частном разговоре выразил удивление и неодобрение, что Ульянов, самый преуспевающий и дисциплинированный гимназист, пользующийся уважением среди учителей и, казалось бы, лично не заинтересованный в схватке с латинистом, поставил на карту «свою карьеру первого ученика»[2]. Что казалось непонятным чиновнику-обывателю, было органично присуще нравственному облику Александра.

А облик честного и смелого, скромного и сильного Саши был так притягателен... Уже Володино

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 63.
[2] Там же.

бесхитростное «как Саша» было проявлением полного доверия брату, признанием абсолютной правильности его слов и действий. Детское чутье, не признающее фальши, определило для себя идеал. И не обманулось: брат доказал верность своим принципам не только всей своей жизнью, но и смертью... Но это будет потом.

Сам же Саша ни в гимназии, ни тем более дома, не прилагал каких-либо усилий, чтобы нравиться или стать лидером. Наоборот, чрезвычайно скромный и строгий к себе, как и отец, он замечал все хорошее, поучительное у других и искренне радовался этому.

Многое из того, что ему было по душе, как бы само собой перенималось близкими. И его интерес к общественным вопросам, горячее сочувствие народам, боровшимся за свою свободу, независимость, ликвидацию рабства и тирании передавались Ане, Володе, Оле. Когда, например, по почину Саши затевали в столовой игру «в солдатики» самодельными, склеенными из бумаги фигурками, то играли так, что у каждого была достойная уважения «армия»: у Саши — бойцы легендарного Джузеппе Гарибальди, сражавшиеся против австрийских захватчиков, у Ани и Оли — испанские стрелки, отстаивавшие родину от наполеоновских полчищ, а Володино войско состояло из борцов за уничтожение рабства в Северо-Американских Соединенных Штатах. И конечно, не без влияния Саши у Володи и Оли настольной книгой стала повесть Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома»[1].

Очень благотворным было влияние Саши на

---

[1] См.: Ульянов Д. И. Очерки разных лет: Воспоминания, переписка, статьи.— М., 1984.— С. 52.

круг чтения Ани и Володи. Вслед за ним они привыкали читать «Исторический вестник» (этот журнал Саша выписал сам), «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русские ведомости» и другие журналы и газеты, которые отец получал на дом.

Уже лет с четырнадцати большое место в чтении Саши стала занимать публицистика и социально-экономическая литература. В числе этих книг Александра особо заинтересовала изданная в Петербурге в 1874 году двухтомная «История умственного развития Европы» американского профессора Д. В. Дрэпера, имя которого встречалось в тургеневской повести «Дым» и других произведениях.

Различного рода подчеркивания в тексте и пометки на полях сохранились на многих страницах этого двухтомника. В качестве закладок там до сих пор лежат несколько засохших колосков, серебристых листочков дикой маслины, лепестков какого-то цветка, похожего на лесную герань. Заметны следы и от других засохших растений.

В труде Дрэпера действительно имелось немало захватывающих страниц, на которых он разоблачал алчность, безнравственность, жестокость коронованных властителей и высшего духовенства Рима, Византии и мусульманского Востока, папской инквизиции и ордена иезуитов, Кальвина и других реформаторов. Словом, Дрэпер на многочисленных фактах показал, что любой религии свойственно ханжество, мракобесие и уже только поэтому необходимо отделение церкви от государства и желательно ввести во всех странах свободу верований.

Вдумчивому читателю, каким был Александр,

книга помогла, с одной стороны, в разрыве с религией, а с другой — способствовала усилению интереса к точным и общественным наукам. Естественно, что Александр хотел, чтобы и Аня познакомилась с этим любопытным исследованием, и он подарил сестре двухтомник Дрэпера[1].

«Прочел он и Бокля,— рассказывала Анна Ильинична о той поре.— А я, помню, тянулась за ним, но туго читался Бокль в летние жары и плохо усваивался мною. А то, что я ломала все же себя и дочитала-таки весь толстый том, поселило только во мне на всю жизнь отвращение к Боклю».

Речь идет об «Истории цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля, которую Н. Г. Чернышевский еще в 1860 году на страницах «Современника» назвал «превосходной книгой». Ценность этого труда, которому Бокль посвятил многие годы своей жизни, состояла в том, что он на огромном фактическом материале убедительно показал, что историческое развитие определяется не какими-то героями или «божественным предопределением», а «общими причинами»: распределением богатств, приростом населения, высотой знаний и их распространением, климатом, пищей. Не могли не импонировать Александру и такие, например, высказывания Бокля: «Наука есть результат исследования; теология — результат веры. В одной — дух сомнения, в другой — дух веры. В науке своеобразность воззрений ведет к открытию и составляет, следовательно, заслугу; в теологии же она ведет к ереси и потому составляет преступление». Или его антифеодальный пафос и страстная проповедь сво-

---

[1] См.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 60.

боды при показе Великой французской революции конца XVIII века: «...она оказалась не простым восстанием невежественных рабов против образованных господ, а восстанием людей, в которых отчаяние, порожденное рабством, приобрело новую силу с успехами знания,— людей, находившихся в том ужасном состоянии, когда умственное развитие опережало развитие свободы».

В это же время Саша и Аня прочли основные произведения И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, В. Г. Белинского, Ф. М. Достоевского и принялись за публицистику Д. И. Писарева. «Брали мы Писарева, запрещенного в библиотеках,— вспоминала Анна Ильинична,— у одного знакомого врача (И. С. Покровского.— *Ж. Т.*), имевшего полное собрание его сочинений. Это было первое из запрещенных сочинений, прочитанное нами. Мы так увлеклись, что испытали глубокое чувство грусти, когда последний том был дочитан, и мы должны были сказать «прости» нашему любимцу. Мы гуляли с Сашей по саду, и он рассказал мне о судьбе Писарева.

— Говорят, что жандарм, следивший за Писаревым, видел, что он тонет, но намеренно оставил его тонуть, не позвав на помощь.

Я была глубоко возмущена и выражала свое возмущение. Саша шел, как обычно, молча, и только его сосредоточенный и особо мрачный вид показывал, как сильно переживает он это»[1].

Под воздействием Писарева Аня отказалась заниматься музыкой: критик-демократ подсмеивался над тем, что каждую барышню учат обязательно

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 58.

игре на фортепиано, хотя бы у ней было больше способности шить башмаки. Переживала она, что не всегда успевает выполнить установленный Писаревым минимум для тех, кто хочет стать начитанным человеком,— 50 страниц в день. Всячески стремилась и к тому, чтобы поскорее «встать на ноги и не висеть на шее у родителей». Подражая своему «любимцу», Аня с увлечением читала и даже переводила Генриха Гейне.

Что касается Саши, то он испытал еще более сильное влияние писаревских статей. Он настойчиво искал уроков для того, чтобы на заработанные деньги приобрести себе нужные книги. Критик, по словам сестры, сильно отвратил Сашу «от любимого им Пушкина, и он был разочарован, когда родители, памятуя его детскую любовь к Пушкину, подарили полное собрание сочинений его...»[1]. Писарев укрепил у Саши начавшееся уже увлечение естественными науками и побудил его сделать первые шаги к разрыву с религией. Словом, помог ему стать более самостоятельным человеком, с мнением которого считались и родители. Настал такой день, когда на вопрос отца за обедом: «Ты нынче ко всенощной пойдешь? — он отвечал кратко и твердо: «нет». И вопросы эти перестали повторяться»[2].

Разрыв Саши с религией зависел от многих причин, но одной из них, несомненно, было его недовольство нравственным обликом духовенства: его алчностью, раболепным прислужничеством перед сильными мира сего, равнодушным отношением к бедствиям трудового люда и, наконец,

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 58.
[2] Там же.— С. 65.

пренебрежительным, а порой и открыто враждебным отношением к земской школе вообще и к отцу и его сторонникам, в частности. Высшее духовенство Симбирска сыграло не последнюю роль и в том, что в начале 1881 года стало известно решение министра народного просвещения о досрочном увольнении в отставку Ульянова.

...1 марта произошло событие, которое потрясло всю страну: народовольцы после серии неудачных попыток все-таки убили царя. Как отнесся к этому Илья Николаевич, известно из воспоминаний Анны Ильиничны: «Помню его в высшей степени взволнованным по возвращении из собора, где было объявлено об убийстве Александра II и служилась панихида. Для него, проведшего лучшие молодые годы при Николае I, царствование Александра II, особенно его начало, было светлой полосой, он был против террора»[1].

Аня пыталась завязать разговор на эту важную тему с Сашей, но он предпочел отмолчаться. О причинах несостоявшегося обмена мнениями она пишет впоследствии: «Либо Саша определенно не согласился с отцом, либо он о своем, может быть, не вполне сложившемся мнении (ему не минуло еще в то время 15 лет) умолчал. И тогда либо он молчал со мной по той же причине, что и с отцом, либо, не согласившись с отцом, он молчал об этом по указанию отца, что говорить о своем несогласии ни дома, ни в гимназии не следует. Мог он, конечно, молчать и по собственной инициативе, как вообще его характеру было свойственно»[2].

[1] Жизнь как факел: Сборник/Сост. А. И. Иванский.— М., 1966.— С. 80.

[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 55—56.

Вообще же весь Симбирск, насчитывавший немногим более 30 тысяч жителей, был взбудоражен небывалым происшествием. Возбуждение усилилось еще и тем, что телеграфное известие об убийстве царя поступило во время Сборной ярмарки, на которую съехались тысячи крестьян со всей губернии. Во всех двадцати с лишним церквах города служились панихиды; на многих зданиях развевались «печальные флаги из белой и черной материи на древках, увенчанных крестом». Толпы горожан и приезжих читали ежедневно вывешиваемые в общественных местах «Объявления» с правительственными сообщениями о ходе расследования по делу 1 марта. Начальство всех ведомств разъясняло подчиненным меры, предпринимаемые в Петербурге по искоренению «крамолы». В соответствии с предписанием руководства Казанского учебного округа в классической и Мариинской гимназиях проводились панихиды по покойному монарху «в девятый, двадцатый, сороковой, полугодичный и годичный дни со дня кончины». Учителей и учащихся призывали жертвовать на памятник Александру II в столице. В местных газетах печатались проповеди священников, рассказы очевидцев покушения, информация о ходе судебного процесса по делу 1 марта 1881 года.

3 апреля руководители покушения на императора А. Желябов, С. Перовская и их соратники были казнены. Начальник симбирского губернского жандармского управления генерал П. М. Брадке, информируя Петербург о реакции на это известие, отметил, что симбирское общество еще не пришло «в нормальное состояние спокойствия, оно ждет новых открытий, так как предполагает, что многие из участников преступления 1 марта еще не ра-

зысканы...». В майском отчете он вновь заявил, что общество «еще не успокоилось», что его, в частности, волнуют сведения об аресте в Петербурге офицеров и найденных там минах и подкопах. «Все газетные сообщения,— продолжал генерал,— не могут не повлиять на все слои общества, которые видят, что социально-революционная партия, как ни преследует ее правительство, все-таки еще сильна...»[1]

После убийства царя довольно широкое распространение в Симбирске и губернии получило «Письмо исполнительного комитета «Народной воли» Александру III», в котором излагались основные условия прекращения террора. Под влиянием мартовских событий прошли волнения крестьян и жителей пригородных слобод Симбирска. Крепостники выступали в «Симбирской земской газете» с предложениями об усилении борьбы с «крамолой». Носилось немало разноречивых слухов относительно внутренней политики, которую изберет царь.

Вот в такой напряженной обстановке не только Саша и Аня, но даже и Володя, внимательно вслушивались «во все политические разговоры»[2] и пытались понять суть происходящего.

А в гимназиях жизнь шла своим чередом, и в мае как обычно начались годовые экзамены. Неудовлетворительных отметок, правда, на этот раз было поставлено несколько меньше, но все-таки в Володином втором «нормальном» классе пятеро мальчиков были оставлены на второй год, а четве-

---

[1] Трофимов Ж. Демократический Симбирск молодого Ленина.— Саратов, 1984.— С. 58.

[2] Крупская Н. К. О Ленине: Сб. статей и выступлений.— М., 1979.— С. 32.

ро получили переэкзаменовку на август. Володя же, как и двое его товарищей, удостоился похвального листа и книги.

Экзамены в шестом классе, где занимался Саша, традиционно считались трудными, ибо на них, как и в четвертом, проверялись письменно и устно знания за предыдущее время обучения. На этих экзаменах в основном и определялся будущий состав выпускников. Трудно было сдавать каждый предмет, но особенно — греческий язык. Из 29 шестиклассников только Саша и еще несколько человек получили четверки, большинство — тройки, четверо — двойки, а близкий его товарищ Леонид Саушкин, весьма и весьма неглупый юноша, получил за письменную работу даже единицу. В результате — пятая часть шестиклассников осталась на второй год. И только один Саша после экзаменов получил в награду похвальный лист.

Важный рубеж остался позади. Настала желанная пора каникул, но лето уже не казалось таким радостным и безоблачным: все еще не был решен вопрос о службе отца. И если он останется открытым до ноября (Илье Николаевичу министр разрешил служить только до этого срока), то семье придется жить лишь на пенсию.

БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМ ОБЩЕСТВУ

Саша досадовал вместе с Аней, что прошел уже год со времени окончания ею гимназии, а вакантного места учительницы не находилось. Правда, городская дума по инициативе отца согласилась на создание новых женского и мужского приходских училищ, а затем и на открытие «вечерних и воскресных классов для ремесленников и других лиц, коим исполнение в течение дня своих обязанностей препятствует посещать городские школы»[1]. Но практическое осуществление этих нововведений затягивалось, и сотни ребят из-за нехватки помещений и средств не могли сесть за парты.

Тогда 17-летняя Анна Ульянова, официально зачисленная городской думой на должность «запасной учительницы», поместила 12 и 15 сентября 1881 года в «Симбирских губернских ведомостях» объявление об открытии своей домашней школы

[1] ГАУО, ф. 137, оп. 34, д. 246, л. 14.

«для обучения детей обоего пола, а равно и для подготовки в средние учебные заведения». Можно представить, сколько на эту тему было разговоров до и после публикации в газете, и как гордились Саша, Володя и Оля этим смелым шагом старшей сестры, решившейся обучать мальчиков и девочек, как говорится, на свой страх и риск, и готовностью родителей предоставить для этого помещение, скорее всего, флигель во дворе.

В это время сторонники отца в городской думе все-таки добились выделения средств на немедленное открытие новых классов, и в одном из них, при 4-м мужском училище, занятия поручили вести Ульяновой. Необходимость в домашней школе, таким образом, отпала, и Анна Ильинична наконец-то стала народной учительницей, хотя на первых порах и без жалованья.

Стремление идти по пути отца, оставившего учительство в гимназиях и институтах ради служения простому народу,— закономерное желание Анны, для которой, как и для всех членов семьи, страстная некрасовская заповедь «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» давно стала мерилом всех помыслов и решений. Если бы было иначе, то она бы воспользовалась правом медалистки получить место классной дамы в своей же Мариинской гимназии, причем более высокооплачиваемое и, с точки зрения симбирского «общества», более престижное.

Кто-кто, а Саша понимал это очень хорошо. Благодаря родителям, основательному знакомству с классической литературой и демократической публицистикой, а также размышлениям над окружающей жизнью в его сознании сформировались прочные высокие нравственные принципы и

гражданские идеалы, созрело стремление служить Отчизне.

Поэтому все усилия преподавателей, забивавших с помощью зубрежки и муштры головы учащихся массой ненужных знаний, не достигали результата. Насколько же настойчиво и жестко добивался своих целей Керенский, видно из его отчетов попечителю Казанского учебного округа. «Каждый учебный день ученики начинают общей молитвой,— писал он,— по окончании которой прочитываются отцом законоучителем или мною несколько стихов из св. евангелия; в праздничные и воскресные дни присутствуют при богослужении в гимназической церкви». В другом донесении он подчеркивал: «Главнейшее внимание было обращено на то, чтобы развить в учениках религиозное чувство, отдалить их от дурных сообществ, развить чувство повиновения начальству, почтительность к старшим, благопристойность, скромность, уважение к чужой собственности»[1].

Казалось бы, директором ясно указывалось, какими качествами должен обладать государев верноподданный. Однако семиклассник Александр Ульянов к оценке достоинств гражданина подошел с иной меркой, когда осенью 1881 года ему было задано сочинение на тему «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству». Уже в начале сочинения он писал, что для полезной деятельности человеку нужны: «1) честность, 2) любовь к труду, 3) твердость характера, 4) ум и 5) знание».

Моральный кодекс Александра был близок к воззрениям Д. И. Писарева. В самом деле, «вла-

---

[1] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 501, д. 34.

ститель дум» разночинной интеллигенции и учащейся молодежи неустанно напоминал своим читателям, что для «новых людей» типа тургеневского Базарова из романа «Отцы и дети», Веры Павловны и Рахметова из «Что делать?» Н. Г. Чернышевского прежде всего характерна неподкупная честность.

Это качество не случайно ставится на первое место, ибо оно как в фокусе собирает в себе черты нравственной зрелости: честь, добросовестность, достоинство, исполнительность, благородство души, доблесть, искренность. И не запятнанную ничем совесть, умение смотреть правде в глаза, верность своему слову, долгу и убеждениям.

Об этих азбучных истинах писалось в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля, трудах других просветителей, и Александр Ульянов был вправе в своем сочинении просто перечислить их в академическом толковании. Но как истинный гражданин он особо подчеркивает неразрывную связь моральных принципов с насущными потребностями жизни: «Честность есть необходимое качество человека, какого рода деятельности он ни предался бы: без нее труд даже умного и трудолюбивого человека не только не будет приносить пользу обществу, но даже может вредить ему. Честность и правильный взгляд на свои обязанности по отношению к окружающим людям должны быть воспитаны в человеке с ранней молодости, так как от этих убеждений зависит и то, какую отрасль труда он выберет для себя, и будет ли он руководствоваться при этом выборе общественной пользой или эгоистическим чувством собственной выгоды»[1].

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 126.

Вчитываясь в эти строчки 15-летнего подростка, невольно припоминаешь признание одного из питомцев Ильи Николаевича в Пензенском дворянском институте П. Ф. Филатова (отца советского академика-офтальмолога), появившееся в 1905 году в московском журнале. Он писал о том, что именно учитель математики Ульянов и немногие другие «светлые личности» привили ему в школьную пору «честный взгляд и высокие нравственные принципы», и прежде всего — «отвращение к карьеризму и материальной наживе»[1].

Таким же бессребреником и человеком высокого гражданского долга Александр знал с раннего детства своего отца. Не раз он с гордостью вчитывался в характеристику, данную Илье Николаевичу симбирским публицистом В. Н. Назарьевым в мартовской книжке «Вестника Европы» за 1876 год: «Единственным двигателем земства, единственным просветителем одной из богатейших приволжских губерний являлся инспектор народных училищ. Это был один из неизвестных тружеников, никогда не идущих далее скромного места и ничтожного, едва хватающего на пропитание жалованья».

Александр продолжал: «Но честности и желания принести пользу обществу недостаточно человеку для полезной деятельности; для этого он должен еще уметь трудиться, т. е. ему нужны любовь к труду и твердый, настойчивый характер»[2].

Так как же поступить честному человеку в условиях эксплуататорского строя, когда о свободе, равенстве и братстве приходится еще только меч-

---

[1] Псовая и ружейная охота.— М., 1905.— Кн. 8.— С. 45—46.

[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 126.

тать? Александр, словно исповедуясь перед близкими по духу людьми, с подкупающей искренностью заявляет, что труд для мыслящего человека должен при любых обстоятельствах «сделаться в его глазах необходимой потребностью для жизни... Чтобы быть действительно полезным членом общества, человек должен настолько приучиться к настойчивому труду, чтобы не останавливаться ни перед какими трудностями, ни перед теми, которые представляют ему внешние обстоятельства, ни перед теми, которые представляют ему собственные недостатки и слабости: для этого он должен уметь управлять своей волей и выработать себе твердый и непоколебимый характер»[1].

Ярким примером такого самоотверженного труда и многолетней беззаветной борьбы была прежде всего деятельность отца на ниве народного просвещения. У Александра сложились свои планы служения обществу: содействовать его прогрессу, отдавая силы и знания развитию естественных наук. Он был уверен, что и все остальные члены их семьи непременно станут полезными членами общества. Анна, видно, будет народной учительницей и литератором. Володя, Оля и меньшие, возможно, изберут себе иные профессии и специальности. Но в любых случаях человек, стремящийся приносить пользу обществу, по мнению Александра, должен заботиться о том, чтобы «выбрать себе ту отрасль труда, к которой он более всего способен, и которая кажется ему более полезной, а также о том, чтобы труд его приносил по возможности большие результаты. Для этого человеку нужны ум и знание»[2].

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 127.
[2] Там же.

Это высказывание Александра очень близко по смыслу тому, что писал Н. Г. Чернышевский в статье «Суеверие и правила логики»: «Каждое человеческое дело успешно идет только тогда, когда руководится умом и знанием; а ум развивается образованием, и знания даются тоже образованием; поэтому только просвещенный народ может работать успешно»[1].

Ум, то есть способность человека мыслить, как указывал в толковом словаре В. И. Даль,— это одна половина духа его, а другая — нрав, нравственность, хотенье, любовь, страсти. Это прекрасно понимал и Александр, и в сочинении появляется очень важное суждение: «Умственное развитие необходимо человеку так же, как и нравственное; без него деятельность человека может получить ложное направление и не будет приносить никакой пользы людям»[2].

Последняя часть этого суждения уже созвучна писаревской характеристике столь нужного Отчизне нового человека: ум его «не употребляется на то, чтобы надувать других людей», и в знании он видит силу, против которой не устоят ни «самые окаменелые заблуждения», ни «инерция окружающей природы»[3].

Но ведь даже верно направленный труд умного и трудолюбивого человека в жизни приносит различные результаты. Общество же нуждается в высокопроизводительном труде каждого своего гражданина. «Для того, чтобы деятельность человека приносила полезные результаты,— пишет Александр в заключение сочинения,— ...для этого чело-

---

[1] Чернышевский Н. Г. Избр. пед. соч.— С. 120.
[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 127.
[3] Писарев Д. И. Собр. соч.: В IV т. Т. IV.— С. 15.

веку нужно основательное знание того дела, которое будет предметом его занятий. От степени образованности вообще и в частности от знания своего дела много зависит та польза, которую приносит человек обществу»[1].

Керенский, конечно, заметил «крамольные» мысли в сочинении, столь созвучные высказываниям Белинского, Добролюбова, Чернышевского и Писарева. Не мог он не отметить и того, что Александр Ульянов сосредоточил все свои помыслы на задачах служения мыслящего человека обществу и ни разу даже не упомянул о государстве, хотя это слово стояло в названии заданной ему темы. Наверное, поэтому, несмотря на глубокое содержание, неопровержимую логичность рассуждений и безупречную грамотность, которыми отличалась и эта работа лучшего ученика класса, учитель-директор поставил за нее только четверку, уклонившись при этом от мотивировки оценки.

Вскоре, этой же весной, Керенский выставил Александру Ульянову четвертную, а затем и годовую четверки по логике. Мало верится, чтобы обладающий такой железной логикой юноша не был достоин пятерки по этому предмету. И не виной ли тому раздражение Керенского по поводу увлечения первого ученика писателями-«вольнодумцами» и полного умолчания им о верноподданнических чувствах к самодержавному государству?..

Сочинение Александра Ульянова сыграло, наверное, не последнюю роль в пересмотре Керенским тематики домашних работ.

В ноябре 1886 года семикласснику Владимиру Ульянову он задал написать работу «В чем заклю-

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 127.

чается истинная любовь к Отечеству». К великому сожалению, это сочинение нам неизвестно, но можно не сомневаться в том, что по гражданской направленности мыслей оно было сходным с работой старшего брата. Кстати, Керенскому не всегда импонировали логические умозаключения первого ученика класса Владимира Ульянова.

Невольно припоминается заявление инспектора Симбирской классической гимназии И. Я. Христофорова, одного из близких знакомых Ильи Николаевича, сделанное в письме попечителю Казанского учебного округа о причинах своих служебных столкновений с Керенским: был с ним «не в ладах», потому что он **«фальшивил в педагогических вопросах»**[1] (выделено мной.— *Ж. Т.)*. Да, Керенский всегда страдал этим недостатком. Если, например, в 1881 году он сетовал, что старшеклассники мало берут книг из Карамзинской библиотеки, то позже, в годы реакции, он будет докладывать в Казань: «К сожалению, вполне строгий контроль над ученическим чтением невозможен потому, что многие ученики берут книги не из гимназической только библиотеки, но также из общественной Карамзинской через посредство родственников или других лиц»[2].

Обстановка всеобщего возбуждения 1881 года оказала влияние и на колебания правительственных «верхов», что отразилось на судьбе Ильи Николаевича. Накануне нового 1882 года из Казани пришло радостное для Ульяновых известие: в ответ на прошение отца новый министр просвещения А. П. Николаи согласился оставить его в должно-

---

[1] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 18661, л. 8.
[2] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 438, л. 14.

сти директора народных училищ еще на 4 года. А в январе пришло совершенно неожиданное сообщение о награждении Ульянова «за отлично усердную службу» орденом святого Владимира III степени.

Для большинства чиновников, денно и нощно мечтавших о продвижении по служебной лестнице, получение такого ордена было пределом мечтаний, ибо его кавалеры приобретали права на потомственное дворянство. Но Илья Николаевич имел давний и прочный иммунитет к бацилле карьеризма. «Для него были важны не чины и ордена, а идейная работа, процветание его любимого дела, наилучшая постановка народного образования, во имя которого он работал не за страх, а за совесть, не щадя своих сил»[1].

---

[1] Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых.— С. 263.

ЗРЕЛОСТЬ

Самостоятельные занятия Александра естественными науками, начатые им в шестом классе, стали еще интенсивнее после прочтения содержательных и остроумных статей Писарева, который убедительно доказывал, что широкое распространение естественных знаний поможет устранить суеверия и предрассудки, поднять благосостояние народа. Александр тщательно штудировал «Основы химии» Д. И. Менделеева, «Круговорот жизни» и «Физиологические эскизы» Я. Молешотта. На те небольшие деньги, которые давало репетиторство, он покупал спиртовки, пробирки, колбы и реторты в магазине Юргенса и местных аптеках. Кое-чем пополнил он свою лабораторию из вещей и книг, купленных у сына покойного учителя С. М. Чугунова. А когда были исчерпаны все возможности Симбирска, стал выписывать химическое оборудование из Казани.

Удивительная цельность и жар, с которыми Александр отдавался экспериментированию, ув-

лекли и его приятелей по гимназии — В. Умова, А. Страхова, В. Стрелкова и М. Щербакова. Всячески поддерживая это увлечение, Илья Николаевич по заявке Александра получил 5 мая 1882 года из петербургского магазина оптики и механики посылку с довольно большим набором приборов и инструментов. Можно представить, с какой радостью юный химик освобождал от упаковки две печи из огнеупорной глины с металлическими обручами, круглые тигли из фарфора, набор гессенских тиглей, гнездо пробочных сверл, коксовые пластинки к электрическим элементам Бунзена, ретортодержатель Гей-Люссака, выпарительные чашки, воронки, колбы, реторты, две дюжины пробирных трубок, химический стакан, проволочные треугольники и другие вещи.

Ставить сложные опыты, например, по гальванопластике в своей комнате было не очень-то удобно, так как запахи распространялись в Володину проходную комнату, да и в другие помещения. И вот — удача: в связи с начавшимся ремонтом дома все переселились во флигель, а Александр получил в свое полное распоряжение кухоньку во дворе, где оборудовал настоящую лабораторию. Вот здесь-то можно было развернуться.

Наряду с химией и физикой, Александр занимался и зоологией, изучая под микроскопом различные «образчики животного царства», найденные им во время путешествий по Свияге.

Эти усиленные занятия не могли не заинтересовать Володю, и он принимал посильное участие в опытах, проводимых старшим братом. Анна замечала, что он заимствовал у Александра «серьезное отношение к делу... тянулся за книгами, которые читал Саша, спрашивал советов».

Когда ремонт дома был закончен, Илья Николаевич предложил Ане и Саше поехать с ним на только что открывшуюся Всероссийскую промышленно-художественную выставку. Но на столь заманчивое предложение Аня неожиданно ответила отказом. Зная, каких дополнительных расходов потребует путешествие ее и Саши в Москву, она твердо заявила: «Нет, нам обоим через год придется в Петербург ехать учиться, сколько это будет стоить; не надо теперь на поездку в Москву тратить»[1]. Мать уговаривала старших принять предложение отца. Александр, так живо интересовавшийся развитием науки и техники, много мог бы получить от посещения выставки. Но он, хотя и с оттенком сожаления, поддержал решение сестры.

Было над чем задуматься и Володе, внимательно прислушивавшемуся к этим разговорам. Отказ Ани и Саши стал для него еще одним примером проявления силы воли и способности жертвовать личным ради общих интересов семьи.

Детское обожание умного, доброго и справедливого Саши перерастало в глубокое чувство, укрепляемое настоящим пониманием достоинств старшего брата, которые становились все весомее и разностороннее с его взрослением. Теперь Александр был уж 16-летний юноша. Белокурые кудряшки превратились в густую темную волнистую и непокорную шевелюру. Рисунок бровей и губ стал напоминать отцовский. А взгляд стал еще более проникновенным и сосредоточенным.

Эмоциональная по натуре Аня все больше вос-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 58.

хищались Сашей. Ей казалось, что он вообще был лишен каких-либо недостатков. Остался в памяти старшей сестры один лунный летний вечер. Когда все домашние разошлись уже на покой, а ей наскучило бродить одной по саду, она подошла к окошку Сашиной лаборатории и упросила его погулять. «Мы прошлись по улицам, а затем вернулись в сад,— рассказывала она.— Мое настроение, под влиянием какой-то полуребяческой влюбленности, которую я переживала тогда, было в этот вечер особенно восторженным, и я неожиданно для себя вдруг крепко обняла Сашу. Обычно никаких нежностей между нами не было, но тут я не могла уже удержаться. Саша ответил на мой порыв крепким и братским объятием,— таким ласковым, таким чутким. И так, обнявшись, прошли мы несколько шагов по саду»[1].

В конце каникул, конечно, не без участия Александра, в его комнате на правах пансионера поселился бывший соученик, а теперь семиклассник Михаил Щербаков. Его мать, вдова купца, надеялась, что Александр поможет ее старшему сыну подтянуться в учебе и окончить гимназию. Александр согласился помочь товарищу, тем более что тот в это время очень увлекался химией и другими естественными науками, а также общественными вопросами. (Замечу, что М. Щербаков по окончании гимназии тоже поступит в Петербургский университет и в советские годы станет известным профессором-естественником.)

Наступал 1882/83 учебный год. И в понедельник 17 августа из дома на Московской на занятия

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 61—62.

отправились трое Ульяновых. Александр шел в 8-й, выпускной класс. Рядом шагал в 4-й блестяще окончив три класса первым учеником Володя. И вместе с братьями — Сашина любимица и неразлучная Володина подруга Оля. Это была очень одаренная девочка. Живая, веселая, добрая, она отличалась вместе с тем твердым характером, высоко развитым чувством долга и из ряда вон выходящей трудоспособностью. Будучи на год и семь месяцев младше Володи, она старалась ни в чем не отставать от него. Много читала, кроме того, занималась музыкой и по общему развитию тоже далеко опережала своих сверстниц. В восемь лет Оля поступила сразу в 3-е отделение женского приходского училища (с пятилетним сроком обучения). Но проучилась там всего лишь год, так как родители нашли, что она все же мала для 4-го отделения, где в большинстве своем были девочки 12—13 лет. Поэтому два года с Олей занималась Аня. И вот теперь она шла в 5-е, последнее отделение уже знакомого ей народного училища, перебравшегося с Панской на Большую Саратовскую. А это как раз на середине пути братьев в гимназию.

Приступая к учебе в последнем, восьмом классе, Александр поставил перед собой задачу окончить ее, несмотря ни на какие трудности, непременно с золотой медалью. Для этого нужно было обязательно подняться выше на ступеньку успеваемости по нелюбимому греческому и словесности, которую по-прежнему вел сам директор гимназии.

В первом полугодии Александру пришлось писать четыре сочинения по русской словесности: «Причины и следствия княжеских усобиц на

Руси», «Значение писателя в обществе», «Причины побед греков над персами в персидских войнах» и «Письма из-за границы Фонвизина и Карамзина»[1].

Над каждым из них он работал старательно, но самым трудным и ответственным оказалось последнее, которое надо было сдавать в начале зимы.

Володя был свидетелем, сколько вечеров пришлось просидеть старшему брату за чтением первоисточников. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина — это солидный том, около 500 страниц современной книги среднего формата, издавались в последний раз в 1848 году. «Письма из-за границы» Д. И. Фонвизина, вышедшие в свет в 1866 году, втрое меньше по объему, но ведь это тоже книга в полтораста страниц. Никто, кроме В. Г. Белинского, не пытался сравнивать эти известные произведения, а для Александра это было главной задачей сочинения.

Произведения «неистового Виссариона» он вместе с Анной прочел, как говорится, «от доски до доски» и в полной мере использовал его важнейшие суждения по поводу заграничных «Писем» обоих знаменитых авторов. Но использовал творчески, самобытно. Если Белинский считал, что «Письма русского путешественника», в которых Карамзин «так живо и увлекательно рассказал о своем знакомстве с Европой», это — «произведение великое, несмотря на всю поверхностность и всю мелкость их содержания», то Александр в своем сочинении ни разу не назвал их великими. Что же касается указания критика-демократа, что

---

[1] ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 412, л. 8.

фонвизинские «Письма» по своему содержанию несравненно дельнее и важнее «Писем русского путешественника», ибо, «читая их, вы чувствуете уже начало французской революции», то Александр полностью солидаризировался с ним. Так, стараясь показать объективный характер предпосылок Великой французской революции, Александр на основе фонвизинских писем четко сформулировал главные причины народного недовольства: «Бессодержательность и пустота жизни высших классов, страшная нищета низшего сословия, монополия всякого ремесла и других занятий, крайнее развращение нравов,— вот главные явления тогдашней общественной жизни Западной Европы и в особенности Франции и письма Фонвизина из Парижа представляют из себя резкую и горячую сатиру на французское общество и его нравы»[1].

Нетрудно представить, с какими чувствами Александр читал те места «Писем» Карамзина, где с сожалением рассказывалось, что с началом революции из Парижа бежала вся аристократия и жизнь, ранее украшавшаяся «цветами приятностей», когда «бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком», была прервана революцией, в которой участвовала «едва ли сотая часть» населения, просто не желающая честно трудиться; или говорилось, что «гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан» и его совершенствование «может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 11, оп. 3, д. 5, л. 8—9.

успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов»[1].

Эту мысль — о предпочтительности реформистского пути перед революционным,— такую желанную для правящих кругов, наверняка надеялся встретить в сочинениях своих учеников Керенский. Но Ульянов не оправдал этих надежд. Напомнив, что автор «Писем русского путешественника» «снисходительнее», чем Фонвизин, относился к недостаткам «государственного устройства Франции», Александр недвусмысленно сформулировал его взгляд на самый животрепещущий вопрос политической жизни: «К революции же Карамзин относится крайне враждебно; он смотрит на нее, только как на бунт невежественного народа, приписывает ее незначительной части французского общества и не только не видит от нее никакой пользы для французской нации, но даже прямой вред»[2].

Это было смелое заявление. Юноша, которому шел только семнадцатый год, по существу, выразил и убеждение в закономерности не только событий во Франции 1789—1793 годов, но и любой демократической революции. В этом вопросе Александр расходился и с английским историком Г. Т. Боклем, полагавшим, что с распространением знаний главным путем преобразования общества становится эволюция.

Керенский не мог не заметить такого направления мыслей гимназиста, но предпочел отнестись к сочинению сугубо академически. Оценив

---

[1] Карамзин Н. Письма русского путешественника.— М., 1983.— С. 292—293.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 11, оп. 3, д. 5, л. 8.

большую и вдумчивую работу Ульянова отметкой «4+», он сделал спокойную по тону приписку: «Видно хорошее знакомство с письмами Кар<амзина> и Фон<визина>, оценка их верна».

Знали ли дома об историях с сочинениями Александра «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству» и «Письма из-за границы Фонвизина и Карамзина»? Если припомнить слова Анны Ильиничны, указывающие на то, что отец просматривал все ее письменные работы по словесности, то вряд ли мимо него прошли важные сочинения старшего сына.

Как бы то ни было, но некоторые поступки и суждения самого Ильи Николаевича вольно или невольно подталкивали Александра к смелым шагам. Вспомним, что в начале 1881 года, когда деятельность отца стала подпадать под подозрение, министр народного просвещения хотел, чтобы он досрочно вышел в отставку. Казалось, теперь Илья Николаевич воздержится от любых шагов, не совпадающих с официальным курсом в области народного образования. Однако факты свидетельствуют об обратном.

Министр Сабуров требовал не допускать к учительским должностям никого «без предварительного сношения с местными губернаторами» для выяснения политической благонадежности будущих педагогов. А вот что писал в связи с этим инспектор народных училищ К. М. Аммосов бывшему коллеге В. И. Фармаковскому 8 апреля 1882 года в Оренбург: «Об Илье Николаевиче не знаю, что сказать. Циркуляр Сабуровский совершенно презирается им, что выходит иногда дико»[1].

---

[1] Трофимов Ж. Ульяновы: Поиски, находки, исследования.— С. 41—42.

Симбирские реакционеры, воспользовавшись несколькими случаями политической «неблагонадежности» питомцев Порецкой учительской семинарии, требовали в 1882 году ее закрытия. Этим же летом один из столпов российской реакции М. Н. Катков в «Московских ведомостях» со злом отмечал, что в земских школах «задают тон полуграмотные верхогляды, просидевшие после сохи три года в так называемых учительских семинариях и трактующие свысока священника».

Ни один директор народных училищ не посмел после этого публично выступить с защитой учительских семинарий, кроме Ульянова, который занялся составлением специальной «Записки об учительских семинариях и училищных советах» для министерства народного просвещения. В ней, иронизируя над катковыми, он писал: «Существование учительских семинарий, по моему мнению, неразрывно связано с существованием начальных училищ, если только последним предполагается дать прочную и плодотворную организацию. В самом деле,— продолжал Илья Николаевич,— можно ли утверждать, что начальное обучение, понимаемое даже в скромных размерах сознательной грамотности, не нуждается в преподавателях, специально подготовленных к своему делу? Полагаем, нельзя, и даже самый вопрос пора считать общим местом, оспаривать которое значит утверждать, что будущему врачу нет нужды изучать медицину, садовнику — садоводство и т. п.»[1].

---

[1] Исторический архив.— 1959.— № 3.— С. 203.

Вряд ли для Александра, с которым отец любил беседовать по общественным вопросам, были тайной его расхождения с властьимущими по коренным проблемам земской школы. Но если отец, никогда не бывший революционером, вел борьбу легальными средствами, рискуя, впрочем, при этом службой, то старший сын, со свойственным юности максимализмом, шел дальше и был настроен весьма оппозиционно, если не больше.

В конце мая Александр сдал все семь экзаменов на пятерки и постановлением педагогического совета один из выпуска 1883 года был награжден золотой медалью. Это была третья медаль в их семье, после серебряных отца и Ани. Рад он был окончанию гимназии чрезвычайно. Как-то даже просветлел весь, освободившись от обязательного и нудного изучения схоластических древностей, получив желанную возможность всецело отдаться тому, к чему влекло призвание.

Его радовали и успехи младших. Володя блестяще закончил очень ответственный четвертый класс первым учеником. В то время как половина его одноклассников осталась на второй год, он удостоился первой награды — похвального листа и второго тома «Жизни европейских народов» Е. Н. Водовозовой, а Оля принесла домой награду за успешное окончание женского приходского училища.

Для продолжения своего образования Александр выбрал естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, где преподавали химики Д. И. Менделеев и А. М. Бутлеров, зоолог Н. П. Вагнер, ботаник А. Н. Бекетов и другие светила науки мировой величины. «Отец, очень серьезно и бе-

режно относившийся ко всем стремлениям брата, гордившийся им,— вспоминала в связи с этим выбором Анна Ильинична,— не возражал, хотя обоим им с матерью было грустно отпускать так далеко его, такого еще юного, хотя они предпочитали бы, если бы он выбрал более близкую Казань, где и родственники были»[1]. Но у Александра имелся и еще один важный аргумент: ведь Аня страстно хотела поступить на Высшие женские курсы, и без него она в столице была бы вообще одинокой.

Вспоминая это время поиска и ответственных решений, Анна Ильинична рассказывала, что одни из знакомых их родителей выражали удивление, что они соглашаются отпустить дочь на Бестужевские курсы, где так много «нигилисток», другие сомневались в правильности выбора Сашей факультета.

Что касается такого немаловажного обстоятельства, как бо́льшая, нежели в Казани, дороговизна жилья и питания в Петербурге, то Александр уже в старших классах подрабатывал репетиторством, чтобы покрыть хотя бы часть предстоящих расходов. Как свидетельствует Анна Ильинична, «его тяготило быть на шее отца, обремененного семьею, и он принял приглашение поехать на лето 1883 г. на урок в деревню, в семью купца Сачкова». Но Мария Александровна решительно воспротивилась этому плану. Илья Николаевич, всегда выступавший по семейным вопросам «единым фронтом» с женой, поддержал ее, убеждая сына, что в состоянии посылать ему и Ане по 40 рублей в месяц, что ему надо отдохнуть перед поступлением в универ-

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 64.

ситет. Александр уступил настояниям родителей, оговорив при этом, что ему будет совершенно достаточно и 30 рублей в месяц.

Вот таким — готовым к самостоятельному труду, влюбленным в науку, питавшим глубокий интерес к общественным вопросам, с мечтой принести обществу как можно больше пользы — Александр в конце августа 1883 года отправился в незнакомый Петербург.

СТУДЕНТ УНИВЕРСИТЕТА

Александр по приезде в столицу остановился на Песках — ему порекомендовали квартиру в этом районе еще в Симбирске. Но страшная отдаленность от университета вынудила его в сентябре перебраться на Петербургскую сторону, в небольшой деревянный дом № 4 по Съезжинской улице. Анна приехала в сентябре и поселилась на Сергиевской улице, поблизости от Бестужевских курсов. Обычно в среду и в воскресенье брат и сестра по очереди ходили в гости друг к другу, чтобы вместе провести вечер, обменяться полученными письмами и новостями, или осматривали достопримечательности.

По-разному складывалось у них учение. Анну курсы не удовлетворяли обязательностью латыни и тем, что преподавание многих предметов ограничивалось древним периодом, отрывалось от современности. Стеснительная по натуре, она трудно сходилась с новыми людьми и очень тосковала о родных, о своем доме на Московской

улице, о ребятишках, которых оставила в приходском училище Симбирска.

Александр, конечно, тоже скучал по дому, но вел себя как настоящий мужчина. В столицу он прибыл с серьезной научной подготовкой, с сильно развитой способностью к кропотливому самостоятельному труду и, по выражению старшей сестры, с первых дней «прямо-таки страстно набросился на науку»[1]. В оставшееся до начала лекций время он целыми днями пропадал в Императорской Публичной библиотеке и жадно читал «Происхождение видов» Ч. Дарвина и другие недоступные ему раньше труды по естествознанию, а с началом учебных занятий продолжал посещать библиотеку по вечерам.

Одним из первых событий, оставивших в их душах глубокий след, были многолюдные похороны привезенного из-за границы праха Ивана Сергеевича Тургенева. Анна Ильинична вспоминала: «Вся погребальная процессия была сжата тесным кольцом казаков. На всем лежал отпечаток угрюмости и подавленности. Ведь опускался в землю прах неодобряемого правительством, «неблагонадежного» писателя. На его трупе это показывалось самодержавием очень ясно. Помню недоуменно тягостное впечатление нас, двух юнцов. На кладбище пропускали немногих, и мы не попали в их число. Потом попавшие рассказывали, какое тяжелое настроение царило там, как наводнено было кладбище полицейскими, перед которыми должны были говорить немногие выступавшие...»[2]

---

[1] Галерея шлиссельбургских узников.— Ч. 1.— Спб., 1907.— С. 205.

[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 70.

Как-то в один из воскресных дней Александр с Анной побывали в Эрмитаже. Неизгладимое впечатление оставила организованная там выставка картин В. Верещагина, посвященная русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Знаменитый художник, воспев героизм русских гренадеров в борьбе за освобождение славянских братьев от османского ига, вместе с тем ярко выразил гневный протест против войн и их виновников. Неудивительно, что правительство вскоре спохватилось и закрыло эту выставку.

Но больше всего врезалось в память посещение Петропавловской крепости, атмосфера тюремного двора с его зловещим молчанием, нарушаемым лишь бряцанием оружия и окликами часовых. «Под подозрительно-пристальными взглядами стражи,— вспоминала Анна Ильинична,— прошли мы, с немногочисленной другой публикой, в собор. Мы рассеянно побродили между гробницами, слушая объяснения, который из императоров покоится в той или другой из них, а по выходе из собора оглянулись пытливо на мрачные тюремные стены, за которыми сидел четыре года назад наш недавний кумир Писарев, которые замыкались с тех пор беспощадно над столькими борцами за свободу. Нас неотступно провожал до ворот часовой... Мы почувствовали себя как бы стиснутыми в одном из бастионов самодержавия, всецело и безнадежно в его власти»[1].

В мучительно гнетущем настроении они возвращались домой, и как ни старалась Анна заговорить о чем-то другом, подавленное состояние

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 71—72.

у Саши не проходило, и он отвечал рассеянно, односложно. Тогда и она замолчала, глядя на сосредоточенно-мрачное его лицо, какого раньше не видала: плотно сжатые губы, сдвинутые брови, непередаваемое страдание в глубоких глазах. Такое лицо Саши, сразу будто состарившееся, приобрело некоторое сходство с отцом в моменты его мрачного раздумья, тревоги, душевной боли.

Посещение Петропавловки не могло не напомнить и о другом ее узнике — Н. Г. Чернышевском. Еще в Симбирске Александр читал в «Русской мысли» призыв к царю проявить милосердие к автору «Что делать?», который за многие годы заточения в Вилюйске, «без семьи, без общества, заживо погребенный», уже искупил, если даже был виноват, свою вину, а «социалистическая окраска некоторых его сочинений не есть такое зло, которое общество и государство не прощают». И вот наконец-то в сентябрьские дни 1883 года под конвоем жандармов Чернышевского перевезли в Астрахань. Александр Ульянов узнал об этой перемене одним из первых, ибо младший сын Николая Гавриловича Михаил был сокурсником Ульянова по естественному отделению. Александр знал о его отъезде для свидания с отцом.

В письмах же домой Александр и Анна не говорили столь откровенно о своем возмущении теми или иными действиями правительства, но родные умели читать между строк. И если Александр сообщал 27 сентября 1883 года отцу и матери, что они с Аней видели похороны Тургенева, но на Волково кладбище «пройти было нельзя», то родные понимали: этому мешали казаки и городовые. Когда Александр писал, что на кладбище речи

произнесли два профессора и два литератора, а кроме них «никому не позволено было говорить», то было ясно, что власти препятствовали общественности в выражении симпатий к писателю-гражданину.

Было над чем задуматься Владимиру при чтении письма брата. Ведь «Русские ведомости» и некоторые другие газеты называли И. С. Тургенева «дорогим светочем», «вожаком, гордостью и славой» всей «русской интеллигенции», и даже «Симбирские губернские ведомости», сообщая о состоявшемся 4 сентября чествовании памяти Тургенева в Карамзинской библиотеке, писали, что «в этом хранилище литературных произведений ума человеческого едва ли не каждый день читались и будут читаться бессмертные произведения нашего знаменитого почившего литератора, автора многих повестей и романов, в которых с поразительной верностью художественным пером изображалась современная жизнь и выяснялись причины современного движения». Налицо было явное расхождение действий правительства и передовой общественности.

Да, после разгрома «Народной воли» в стране наступила эпоха реакции. Крепостники требовали пересмотра либеральных реформ, проведенных в связи с отменой крепостного права. Особенно рьяно и нагло катковы и победоносцевы атаковали систему народного образования. Вместо земских школ они насаждали церковноприходские, требовали закрытия Бестужевских курсов, ограничения доступа детей неимущих в гимназии, введения нового устава для университетов, резко ограничивающего их автономию, повышения платы за учение для студентов. Ожесточенным нападкам

подвергались суд присяжных, земство, либеральная печать.

Все это глубоко возмущало Александра Ильича, подталкивало на выражение активного протеста против разгула реакции. Анна Ильинична потом писала, что только «уменье ставить перед собой главную цель и неуклонно идти к ее осуществлению, страстная любовь к науке спасали его первое время. Саша был очень доволен лекциями профессоров, лабораторными занятиями. Это была уже не его кухонька в Симбирске. Перед ним было открыто в области любимой науки все, что могла дать тогдашняя мысль. И он с жадностью набросился на все это»[1].

Знаниями Александр Ильич овладевал не только в аудиториях, кабинетах и лабораториях. Он много работал самостоятельно и дома. Необходимую литературу он теперь получал не только в библиотеках университета, но также и в частной, где книги и журналы выдавались под залог.

Анне Ильиничне тоже приходилось немало корпеть над учебными курсами, и она тоже занималась внепрограммным чтением, но целеустремленность, необыкновенная трудоспособность и самозабвенная любовь к науке брата ее просто изумляли. «Помню, как поразило и смутило меня,— писала она впоследствии,— когда он к весне этого первого года своей студенческой жизни заявил мне тоном глубокого сожаления:

— Больше 16 часов в сутки я работать не могу!

16 часов напряженной, самостоятельной ум-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 73—74.

ственной работы в те годы, когда юноши еще формируются, когда все они более или менее разбрасываются, еще ищут себя! Александру Ильичу этого не надо было: он еще мальчиком нашел себя, нашел свой путь и он уже шел по нему неуклонно и твердо, озабоченный лишь тем, что находится все еще на иждивении отца, у которого и без него большая семья. И он искал уроков»[1].

Обостренное чувство неловкости за вынужденное иждивенчество родилось еще в Симбирске, под влиянием Писарева, призывавшего молодежь стремиться к тому, чтобы поскорее «встать на ноги и не висеть на шее у родителей». В Петербурге оно проявлялось у Александра «в сжимании донельзя своих потребностей». За утренним и вечерним чаем — ужина он не имел — ел один хлеб, больше весовой сеяный. Экономя копейки, почти не пользовался конкой, а мерил даже большие расстояния пешком. Стойко отказывал себе в приобретении многих нужных для работы книг. И никакие соблазны столичной жизни, ни возвратный тиф, которым Александр переболел в первую зиму и после которого нужно было усиленное питание, не говоря уже о расходах на врачей и лекарства, не смогли выбить его из установленного самим собою бюджета.

Свои взгляды и привычки он не навязывал сестре, но она сама, как могла, старалась равняться по нему. Анне, например, казалась очень соблазнительной и естественной мысль поехать на рождественские каникулы домой, в Симбирск, но Саша сказал решительно, что не поедет. «Для него это было баловством,— писала Анна Ильи-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 76.

нична,— надо было пользоваться всем, что давал Питер, достаточно было одного летнего ваката. Да и деньги лишние тратить он был совсем не склонен. Первый год я осталась с ним...»[1]

При всей строгости к себе Александр был всегда добр, отзывчив и деликатен по отношению к людям. Мечтая стать писательницей, Анна нередко свой досуг посвящала «стихотворным или беллетристическим опытам», которые при очередном свидании с братом читала вслух. И Александр очень внимательно, серьезно, чутко и вместе с тем снисходительно относился к ее творчеству, особенно к переводам стихов Гейне, отдавая предпочтение тем из них, в основе которых лежали высокие идейные мотивы. «И не только литературное, всякое иное уменье,— продолжала Анна Ильинична,— всякую способность отмечал он как-то особенно радостно. Так, например, скучая очень по дому, по меньшим, я выискивала для них какие-нибудь мелкие сюрпризы, которые посылала то в письмах, то в посылках.— Как это ты умеешь находить? — говорил он про какую-нибудь безделку, искренно видя какое-то умение там, где было просто внимательное глазение в окна игрушечных или писчебумажных магазинов, вместо сосредоточенной работы мысли»[2].

Ценил он и уютные вечера, проведенные вместе с сестрой у нее на квартире, которые благодаря ее заботам становились как бы частичкой их симбирского дома. И новый, 1884 год он встречал у Ани. На этот раз она приготовила для него особое, праздничное угощение: знаменитые фи-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 70.
[2] Там же.— С. 75.

липповские пирожки, которые разогрела в своей печурке.

Настоящим праздником стал тот апрельский вечер, когда Александр, только что блестяще сдавший первый экзамен по химии, пришел к ней. «Мы оба переживали тогда весеннее настроение и мечтали о поездке домой, на родную Волгу... в каком счастливом настроении сидели мы за вечерним чаем»,— вспоминала потом Анна Ильинична.

А общественной жизни реакция нанесла новый удар: после ряда предупреждений и приостановок были навсегда закрыты «Отечественные записки». Когда Александр узнал от Анны и распространившуюся весть, будто их редактор Щедрин арестован, он сразу словно потемнел. «Это такой наглый деспотизм — лучших людей в тюрьме держать! — сказал он негромко, но с такой силой возмущения, что мне стало снова жутко за него. Саша мрачно ушел в себя на остальную часть вечера, который был окончательно испорчен для нас. Ругала я себя, глядя на него, что передала этот слух,— а особенно ругала на следующий день, когда оказалось, что он ложный»[1].

В начале мая Александр проводил сестру в Симбирск: экзаменов у нее было немного, да и те сдала досрочно. Знал, что Аня со всеми подробностями расскажет дома об их житье-бытье, но, как всегда, воспользовался оказией и передал свое послание родным. Переписку старался вести аккуратно. Уже 11 мая, обращаясь к отцу с неизменным «милый папа», он интересуется, как доехала Аня,

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 73.

а еще через неделю, 19-го, снова пишет домой:

«Сегодня получил я, милая мамочка, твое письмо и очень рад был ему... Анино письмо я тоже получил; благодарю ее за него. Третий мой экзамен сошел хорошо; сегодня у меня четвертый экзамен — анатомия, но я еще не сдал его и едва ли успею сегодня, вернее, что завтра или даже послезавтра. Очень будет неприятно, если также затянется и последний экзамен, тем более, что 27-го и 28-го праздники... После этого экзамена напишу еще»[1].

Отлично завершив сессию, Александр в конце мая выехал поездом через Москву в Нижний Новгород, чтобы оттуда совершить долгожданное путешествие по Волге в Симбирск. Домой он прибыл в начале июня.

Радостной была встреча с родными, которых он не видел больше девяти месяцев! Обычно скупой на внешнее выражение своих чувств, он тепло поздоровался со всеми, а потом «снова повернулся к матери и крепко, с молчаливым горячим порывом обнял ее. Помню,— вспоминала Анна Ильинична,— с какой растроганной радостью отвечала на его объятие мать; ясно помню прекрасное, все какое-то светящееся выражение его лица»[2].

Верный своему слову, Александр привез сэкономленные за время учения в Петербурге «лишние» 80 рублей и отдал отцу. Но от Анны он скрыл это, не желая своим примером обречь и ее в столице на такой же, как у него, полуаскетический образ жизни. Это умение не выйти из определенного

---

[1] Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка (1883—1900).— М., 1981.— С. 12.

[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 76.

самим себе скромного бюджета было впечатляющим примером силы нравственных убеждений и воли для четырнадцатилетнего Володи.

Летние каникулы — всегда желанная пора для студента. Александр же почувствовал их прелесть особенно ярко. После спартанского образа жизни на частной квартире, с предельно скромным пайком при максимально возможном умственном напряжении, по существу, без зимних каникул, он наконец очутился опять в своем доме, в окружении родных, любимых и любящих, с которыми так долго был в разлуке. Все безмерно рады ему, у каждого — свои новости, и он с таким удовольствием может поговорить с ними. И только теперь в полной мере можно было оценить всю прелесть домашней еды, так заботливо приготовленной мамой и няней Варварой Григорьевной. С блаженством можно отдыхать в своей комнатке, рядом с Володей, и допоздна обмениваться новостями. А утром — выйти на их с Аней балкончик и вместе с ней после петербургского тумана увидеть ясное, чистое небо, зеленый сад с цветниками и грядками, покрытую росой траву во дворе, вдохнуть полной грудью знакомый запах свежей зелени. А потом с удовольствием, как и прежде, отправиться с отцом, Володей и Митей купаться на Свиягу, а иногда и на Волгу, повозиться с шестилетней Маняшей, очень выросшей за эту зиму. И как приятно было спокойно посидеть в беседке за шахматной доской с отцом или Володей. Или, отрешившись от всех и вся, с упоением читать...

А под вечер, как обычно, закипала в саду дружная работа. Вместе с шумной ватагой братьев и сестер Александр, заметно возмужавший за год, легко качал воду и носил ведра.

Венцом уходящего дня, как и раньше, были чарующие звуки рояля, рождавшиеся под искусными руками матери или Оли.

К Александру как к любимому товарищу заходили бывшие одноклассники, учившиеся в университетах и институтах Москвы и Казани. Обменивались впечатлениями, конечно, не только о лекциях и лабораторных занятиях, но и о деятельности симбирских землячеств, последних событиях общественной жизни, новинках литературы.

Александр был не таким человеком, который мог бы удовлетвориться на каникулах лишь отдыхом и бездельем. Летнее время он рассматривал как широкую возможность для свободных занятий любимым естествознанием, когда есть все условия для биологических наблюдений в природе — этой богатейшей из лабораторий. «Колеся как будто для удовольствия в душегубке (узкой, неустойчивой лодке.— *Ж. Т.*) по Свияге, один, с меньшим братом или с кем-нибудь из товарищей, он подбирал себе материал для исследования, с которым возился потом в своей комнатке наверху»[1].

Владимир, как и раньше, с уважением относился к этим серьезным занятиям и опытам брата, иногда принимал и посильное участие. Но его самого все же больше влекли гуманитарные науки. О чем они беседовали в часы досуга — неизвестно, но Александр не мог не обратить внимания, что брат заметно вырос во всех отношениях. Володя увлекался серьезной литературой: поэзией Некрасова, «Войной и миром» и «Анной

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 77.

Карениной» Л. Толстого, сатирой Салтыкова-Щедрина, романами и повестями И. Тургенева, публицистикой Д. Писарева. Резче стало проявляться критическое отношение Володи к гимназической учебе, а вместе с тем увеличилась тяга к самообразованию. С ним свободно, как со взрослым, можно было всесторонне обсуждать причины усилившихся нападок реакционеров на земскую школу и лично против отца.

Именно в это время, в связи с обнародованием столь желанных для крепостников «Правил о церковноприходских школах», борьба вокруг земской школы приобрела небывало острый характер. «Правила» рекомендовали духовенству не только открывать свои школы, они стали одновременно и призывом к местным властям и дворянству обеспечить ведущую роль церковного притча во всей светской системе народного образования.

Князь-мракобес В. П. Мещерский в издаваемом им журнале «Гражданин» с ликованием сравнивал введение этих «Правил» с крестьянской реформой 1861 года. Только тогда, по его бесстыдно лицемерным словам, народ получил «свободу и хлеб», а теперь — удовлетворение «духовных нужд». Как справедливо подчеркнул писатель-революционер С. М. Степняк-Кравчинский, насаждение церковноприходских школ — это путь для осуществления золотой мечты деспотизма — всеобщей неграмотности.

Столкновения Ильи Николаевича со сторонниками «Правил» приняли настолько напряженный характер, что в семьях Кашкадамовых, Стржалковских и других ближайших знакомых с сожалением и сочувствием стали поговаривать о новом скором увольнении директора народных

училищ губернии в отставку[1]. А в письме помощника Ильи Николаевича А. А. Красева от 12 июля 1884 года бывшему коллеге В. И. Фармаковскому в Оренбург упоминались и конкретные трудности их работы: «По нашим школьным делам в Симбирске не все спокойно. Местное духовенство, особенно его известный деятель П. П. Никольский (член губернского училищного совета), обнаруживает необыкновенное раздражение к правам и деятельности местных инспекторов народных училищ, уличает нас в весьма неумелом и неискреннем отношении к вопросам школьного законоучительства (преподавания закона божьего.— *Ж. Т.*) и вообще набрасывает на нас такие тени, от которых может не поздоровиться всем нам в настоящее время»[2].

Старшие дети Ильи Николаевича тяжело переживали нападки на отца и его дело. Понятно, что это не могло не усиливать их недовольства реакционной политикой правительства. Александр, с которым отец говорил доверительно о самом сокровенном, вместе с тем понял, что он, несмотря ни на какие препоны и невзгоды, полон решимости отстаивать земскую школу. Это тоже был урок отца.

Так, в радостях, заботах и тревогах подошли к концу каникулы. 16 августа начались занятия в классической гимназии у шестиклассника Владимира и первоклассника Мити. В этот же день Оля пошла в третий класс Мариинской женской гимназии. Студентам следовало возвратиться в Петербург к сентябрю.

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1073, оп. 1, д. 150, л. 28.
[2] Там же, л. 12.

В ПЕТЕРБУРГЕ И СИМБИРСКЕ

Как только начались лекции в университете и занятия в библиотеках и лабораториях, Александр зачастил в книжные магазины, чтобы выполнить первоочередные просьбы отца и Владимира. Уже 29 сентября он пишет матери: «Посылаю папе брошюрку «Математические софизмы», которую он желал иметь. Володе, я думаю, она может быть очень полезна, если он станет самостоятельно разбирать эти софизмы. Получил ли он те немецкие переводы, которые я ему послал?»[1] 2 октября от Владимира поступила новая просьба о посылке книг, и на следующий день она уже была выполнена. Но не все можно было сделать так быстро, как хотелось, и 6 числа Александр подробно поясняет: «Посылаю тебе, Володя, 3-ю книгу Memorabilia («Воспоминания о Сократе» Ксенофонта.— *Ж. Т.*). Ты напрасно ожидал так рано получить ее — к 6 октября. Я

[1] Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка.— С. 14.

получил твое письмо только 2 октября, 3 октября купил и только 4 мог послать. Почта приходит теперь на 6-й день, так что раньше 10-го ты никак не мог получить.

В ошибке виноват, вероятно, Риккер (книгопродавец.— *Ж. Т.*), так как я, сколько помнится, верно сказал ему.

Ты лучше сделал бы, если бы прислал ненужные тебе переводы, тогда можно было бы их переменить»[1].

Поучительны заботливость и аккуратность старшего брата по отношению к младшему. И вместе с тем — тактично поданный урок бережливости: использованные сборники переводов (а Владимир изучал два древних и два новых языка) можно обменять у букинистов за копейки, сэкономив при этом трудовые рубли. Вообще каждое письмо брата воспитывало без назиданий. Как можно было не восхищаться тем, что у Александра буквально каждый час на учете, что занимается он в лабораториях ежедневно до 6 часов вечера и много работает в библиотеках, и все-таки всегда выкраивает время для выполнения просьб родных.

Поводы для размышлений содержали и те письма Александра, в которых он так или иначе касался злободневных проблем общественной жизни, в частности — протеста демократического студенчества и либеральной профессуры в связи с введением нового реакционного университетского устава. Чтобы отец не волновался, Александр писал 6 октября: «Ты, вероятно, беспокоишься, читая о беспорядках в Киевском и Московском

---

[1] Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка.— С. 15.

университетах. У нас пока все спокойно; никаких признаков возбуждения не заметно. Перемен тоже никаких нет. Только М. Семевский[1], приват-доцент русской истории и очень хороший профессор, не будет, говорят, больше читать; это, впрочем, приписывают не столько новому уставу, сколько приезду Бестужева-Рюмина, с которым он почему-то не в ладах»[2].

Илья Николаевич и все взрослые члены семьи понимали, на что намекалось в письме. О «неладах» между этими профессорами, представлявшими демократическое и реакционное течения в исторической науке, говорилось не раз в печати. Ультраправые «Московские ведомости» и «Гражданин» печатали на своих страницах доносы на В. И. Семевского за его лекции по крестьянскому вопросу, обвиняя его в том, что он возбуждает «в молодых умах чувства негодования к прошлому», то есть к крепостническим порядкам. К. Н. Бестужев-Рюмин не раз заявлял, что, пока жив, ни за что не допустит, чтоб его кафедру русской истории занял «этот развратитель молодежи».

О реакционности устава в этом письме Александр сказал как бы мимоходом, но уже в следующем — от 23 октября 1884 года — он резко и недвусмысленно дал ему негативную оценку: «Новый университетский устав начинает сказываться своей единственной хорошей стороной — расширением приват-доцентуры»[3].

---

[1] В тексте ошибочно указано: М. Семевский. Речь идет о В. И. Семевском (1848—1916), русском историке народнического направления.

[2] Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка.— С. 15.

[3] Там же.— С. 17.

Как об отрадном событии в своих учебных делах Александр сообщил, что один товарищ (очевидно, будущий советский академик В. И. Вернадский) уступил ему свое место в химической лаборатории на несколько часов в день, и он неожиданно получил возможность в этом полугодии перестроить свое учение так, что большая часть времени занята практическими занятиями, а не лекциями.

Работа эта захватила его, и он продолжал заниматься ею на рождественских каникулах. А Анна на этот раз поехала домой. Словно извиняясь перед родными, что не приехал, Александр шлет часто письма, а под Новый год выписал им популярный еженедельник «Ниву». 18 января, выполняя очередной запрос брата, он сообщает отцу: «Мои логарифмические таблицы у меня здесь. Я отошлю их Володе в воскресенье». В этом же письме, отвечая на вопрос отца об уходе в отставку попечителя Петербургского учебного округа Ф. М. Дмитриева — его хорошего знакомого по делам земской школы в Симбирской губернии, Александр вначале приводит формулировку из указа: «уволен согласно прошению», а потом добавляет о Дмитриеве более существенное: «Говорят, он подал в отставку по несогласию с новым университетским уставом, слышал я также, что ему хотелось быть назначенным сенатором, но это ему не удалось. Говорят, что его жалеют как профессора, так и его бывшие подчиненные»[1]. Явно симпатизировал смещенному попечителю и сам Александр. Зато в следующем письме к родителям он с нескрываемой иронией отозвался

---

[1] Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка.— С. 19.

о его преемнике: «Это — старый, совершенно уже седой генерал. Поклонившись студентам, он сказал приблизительно следующее: «Если вы будете заниматься своим делом, то я надеюсь, что мы будем жить с вами мирно»[1].

Всем было ясно, что генерал тем самым предостерегал от любых попыток протеста против нового устава и активного участия в землячествах. Однако последнее требование не соблюдалось почти всеми студентами: настолько было естественно желание держаться друг друга, оказывать взаимопомощь небольшой ссудой, книгами, учебными пособиями, питаться в артельных столовых (кухмистерских), создавать кружки самообразования.

Естественно, что Александр с самого начала учения в Петербурге вошел в симбирский кружок поволжского землячества. На первых порах это членство ограничивалось посещением собраний, взносами в кассу взаимопомощи и библиотеку. Но в третьем семестре Александр, которого товарищи высоко ценили за душевность, ум и учебные успехи, становится уже одним из лидеров землячества.

Существенную роль в сближении с другими активистами играла кухмистерская, в которой Александр столовался с осени. Мария Александровна заинтересовалась этим заведением, и 14 февраля 1885 года он отвечал ей: «Ты желала, чтобы я написал тебе подробнее про нее, милая мамочка. Устроилась эта кухмистерская через складчину между студентами; за приготовлением кушаний следит жена одного студента, она же закупает провизию. Кроме того, все обедающие

[1] Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка.— С. 20.

студенты обязаны по очереди дежурить в кухмистерской (прислуги там нет) и ходить с хозяйкой на базар. Обедают там человек 40—50. Я вполне доволен тамошними обедами»[1].

У Ильи Николаевича имелись сомнения, стоит ли Александру при таких напряженных занятиях подрабатывать репетиторством. Но старший сын упорно стремился как-нибудь пополнить семейный бюджет и в письме к отцу от 13 марта довольно твердо дал это понять: «Я хожу по-прежнему на урок и оставлять его не думаю теперь; хочу позаняться с ним на страстной и на пасхе, а там уже, если не будет времени, отказаться»[2]. А когда через несколько дней пришел все-таки перевод от отца, то Александр поблагодарил за деньги с оговоркой: «...только мне они, право, не нужны».

Вообще же он чутко прислушивался к отцовским советам, с интересом вникал во все его дела и живо откликался на все просьбы. Из письма отца Александр узнал, что он готовится широко отметить в народных училищах Симбирска и губернии исполняющееся 6 апреля 1885 года тысячелетие со дня кончины великого болгарина Мефодия — одного из основателей славянской письменности, превратить этот юбилей в день борьбы за просвещение народных масс. И сделал все, чтобы выполнить поручение отца: оформил заказ и проследил, чтобы книготорговец немедленно выслал в Симбирск на имя Ульянова 2000 экземпляров «Жизнеописания Кирилла и Мефодия» с их портретами для раздачи школьникам в день торжества.

---

[1] Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка.— С. 21—22.

[2] Там же.— С. 23.

С наступлением весны Александр с сестрой все чаще и чаще говорили о предстоящей поездке в Симбирск и задолго до нее известили родных о сроках сессии. У Александра она намечалась с 20 апреля по 27 мая. Но так как из-за болезни профессора экзамен по зоологии перенесли на будущий год, последний экзамен, по минералогии, он сдал 14 мая. И через несколько дней вместе с Анной они, радостные, отправились по знакомому железнодорожному маршруту через Москву до Нижнего Новгорода, а оттуда — излюбленным путем: пароходом вниз по матушке по Волге.

Снова для всей семьи стал праздником тот майский день, когда в доме появилась старшая пара, с успехом прошедшая уже половину студенческой учебы. Это было то время, когда Илья Николаевич с гордостью мог признаться своей близкой знакомой Вере Васильевне Кашкадамовой, что у них с Марией Александровной плохих детей нет, и даже оттенить особенности каждой пары: «Александр и Анна — люди способные и талантливые, и из них в будущем выйдет большой толк. Вторая пара — Владимир и Ольга — самая любимая, эти, пожалуй, будут получше старших и пойдут еще дальше. Третья пара — Дмитрий и Мария — народ тоже довольно способный, но сказать про них ничего еще нельзя»[1].

Да, родители имели основания считать, что Александр и Анна, образно выражаясь, стали на крыло, и гордиться, что они выросли достойными своей мечты. Илья Николаевич понимал, что

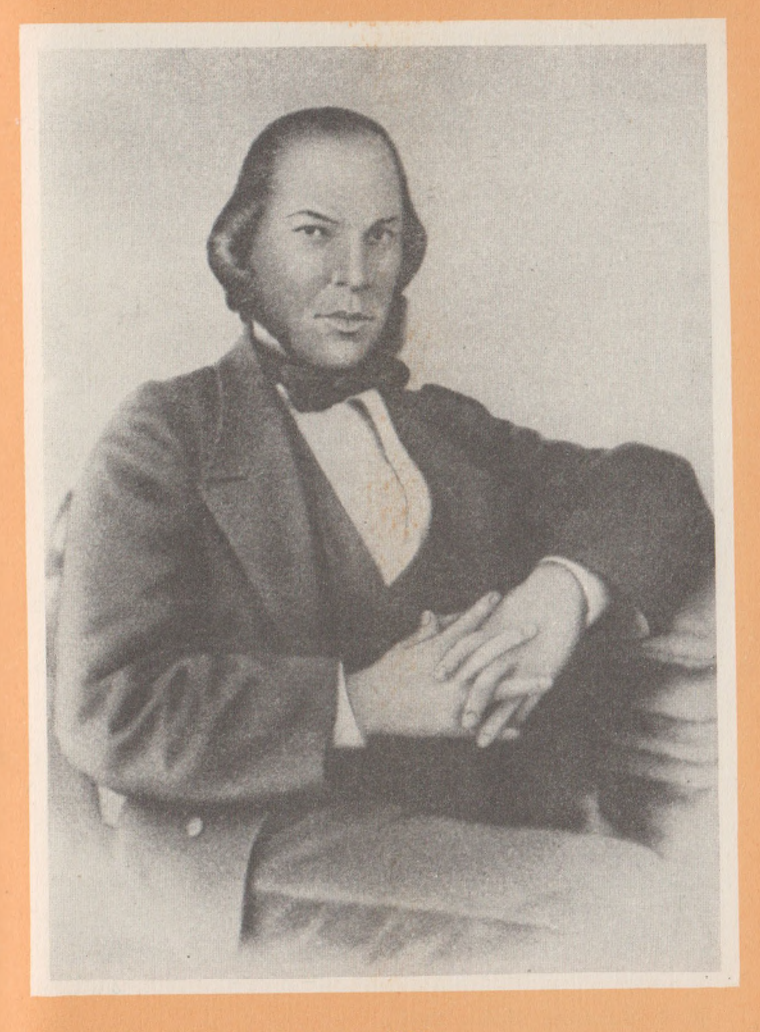
---

[1] Молодой Ленин: Сборник/Сост. А. Иванский.— М., 1964.— С. 11.

у Александра сложились свои взгляды на жизнь, на свое место в ней. По всему видно было и то, что после окончания университета старший сын останется при кафедре для подготовки к получению профессорского звания. Наверное, там же, в Петербурге, обзаведется и собственной семьей. Анна к своему совершеннолетию (21 год ей исполнится 14 августа) — одна из лучших курсисток-бестужевок, и ее мечта стать учительницей и писательницей вполне реальна.

С каждым годом набирали силу Володя и Оля. Эта дружная пара неизменно радовала блестящими учебными успехами, трудолюбием и честностью, добрым отношением к младшим, родителям и няне. С удовлетворением отмечали родители, как много и серьезно они читали, как упорно добивалась Оля все новых успехов в игре на рояле. В то же время Володя и Оля всегда своей энергией как бы освежали духовную атмосферу в доме, вольно или невольно отвлекая отца и мать от грустных раздумий в моменты невзгод. А Илье Николаевичу надо было в эту мрачную эпоху не только самому сохранить бодрость духа, но и поддерживать у своих сторонников веру в возможность и необходимость отстаивать земскую школу от посягательств реакционеров всех мастей.

Александр воочию убедился, насколько острый характер приобрела в Симбирске борьба вокруг начального образования. Крепостники, добиваясь проведения в жизнь «Правил о церковноприходских школах», вели яростную пропаганду идеи о полной передаче всех народных училищ в руки духовенства и докатились до того, что требовали очищения дирекции народных училищ губернии от последователей К. Д. Ушинского.

И. Н. Ульянов. Пенза. 60-е гг. XIX в.

М. А. Ульянова. Пенза. 1863 г.

Нижегородская губернская гимназия.

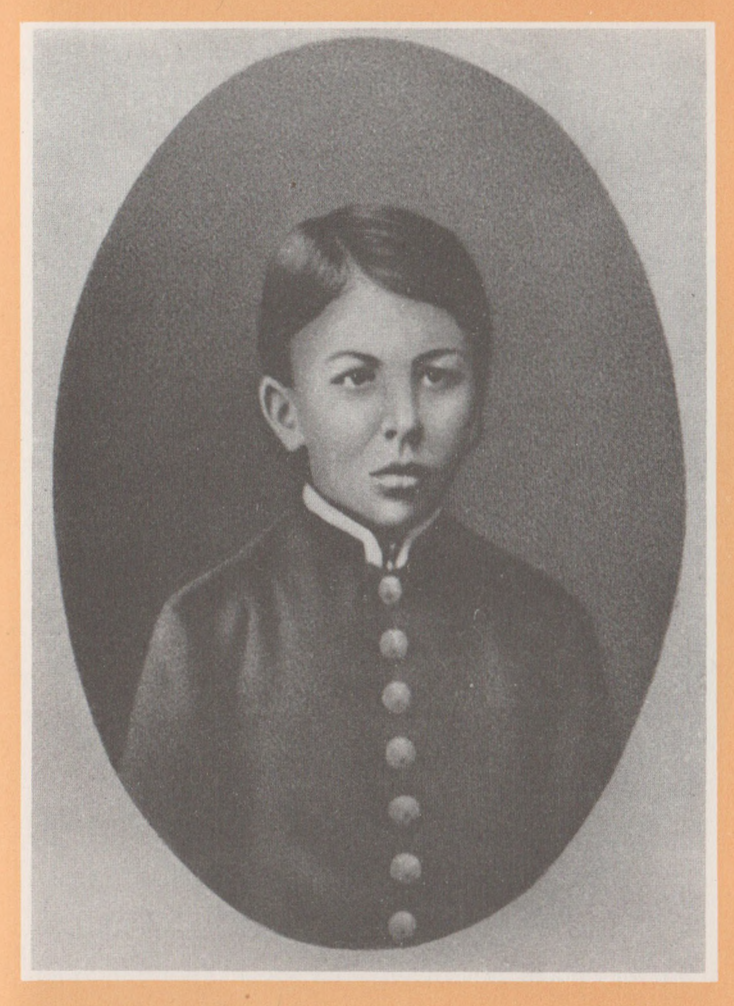
Нижегородский Александровский дворянский институт.

Александр и Анна Ульяновы. Симбирск. 1870 г.

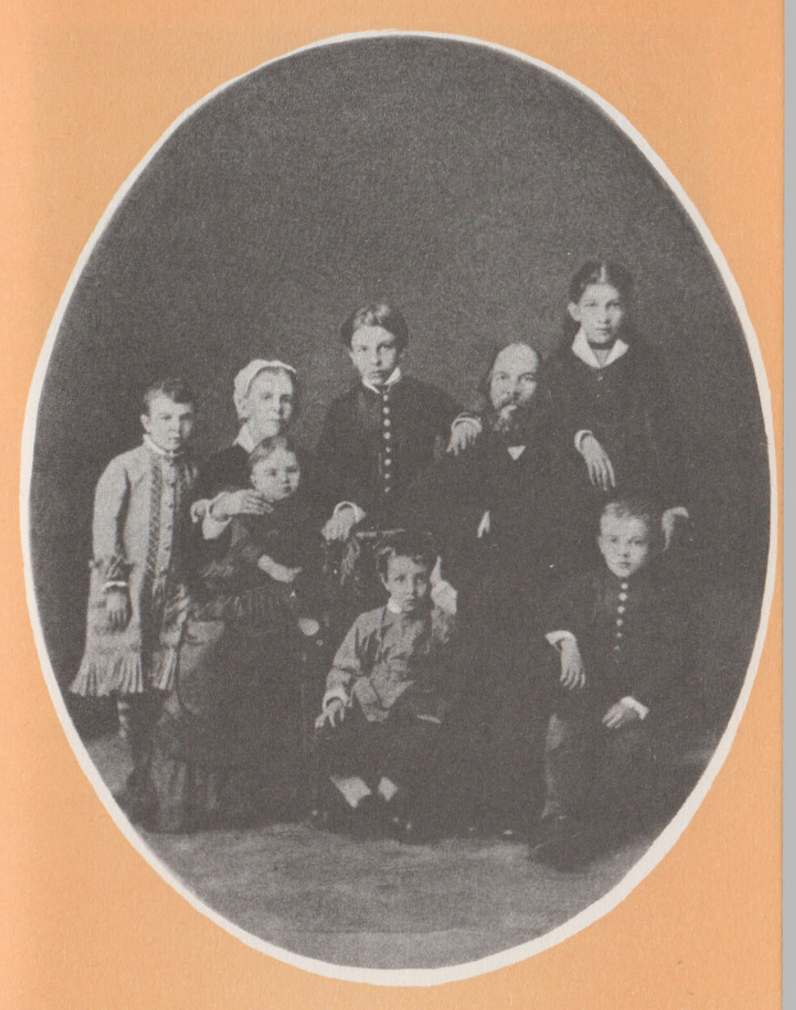
Александр и Анна Ульяновы. Симбирск. 1874 г.

А. Ульянов. Симбирск. 1878 г.

Дом Ульяновых, в котором они жили в 1878—1887 гг.

Семья Ульяновых. Симбирск. 1879 г.

Комната Александра.

Комната Владимира.

Симбирская классическая гимназия. 1879 г.

Владимир Ульянов. Симбирск. 1887 г.

Ольга Ульянова. Симбирск. 1887 г.

Маняша и Митя Ульяновы. Симбирск. 1880 г.

Что требуется для того, чтобы быть полезнымъ обществу и государству.

Для полезной дѣятельности человѣку нужны 1, честность, 2) любовь къ труду, 3) твердость характера, 4) умъ и 5) знанiе.

Чтобы быть полезнымъ обществу, человѣкъ долженъ быть честенъ и прiученъ къ настойчивому труду, а чтобы трудъ

Гимназическое сочинение А. Ульянова «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству».

Выпуск Симбирской классической гимназии 1883 г.

Въ магаз. Вестберга.

М. Г.

Покорнѣйше прошу Васъ выслать мнѣ въ возможно скоромъ времени слѣдующія вещи: 23

№№

5036. Воронки стеклянныя 2 по 15 коп. діам. въ $3\frac{1}{2}$ дюйма и одну въ 10 коп. діам. 2 д. — 40к.

5037. Воронку съ длинной трубкой — 10к.

5043. Предохранит. воронку съ шар. — 25к.

5048. Фарфоровыя выпариват. чашки діаметр. въ 8 [illegible] (30 коп), ~~[illegible]~~, [illegible] — 85к.

5049. Чашку изъ кованн. желѣза діам. 5 дюймовъ — 45к.

5093. Колбъ плоскодонныхъ безъ тубуса 1 одну емкостью въ 3 унц. (10к.), 2 въ 6 унц. (30к.) и одну въ 2 фунта (30к.)

5187. [illegible]

[illegible] №1 — 10к.

[illegible] — 1р. 10к.

[illegible] — 81к.

[illegible] — 25к.

[illegible] — 1р. 5к.

[illegible] — 10к.

[illegible] №5187.

[illegible] — 1р. 60к.

[illegible] — 20к.

итого 18р. 35к.

Покорнѣйше прошу прислать вещи черезъ симбирскія транспортныя конторы, а также прошу выслать мнѣ какъ можно скорѣе.

Адресъ мой: въ Симбирскъ Директору народн. училищъ И. Ульянову. Московская улица собств. домъ.

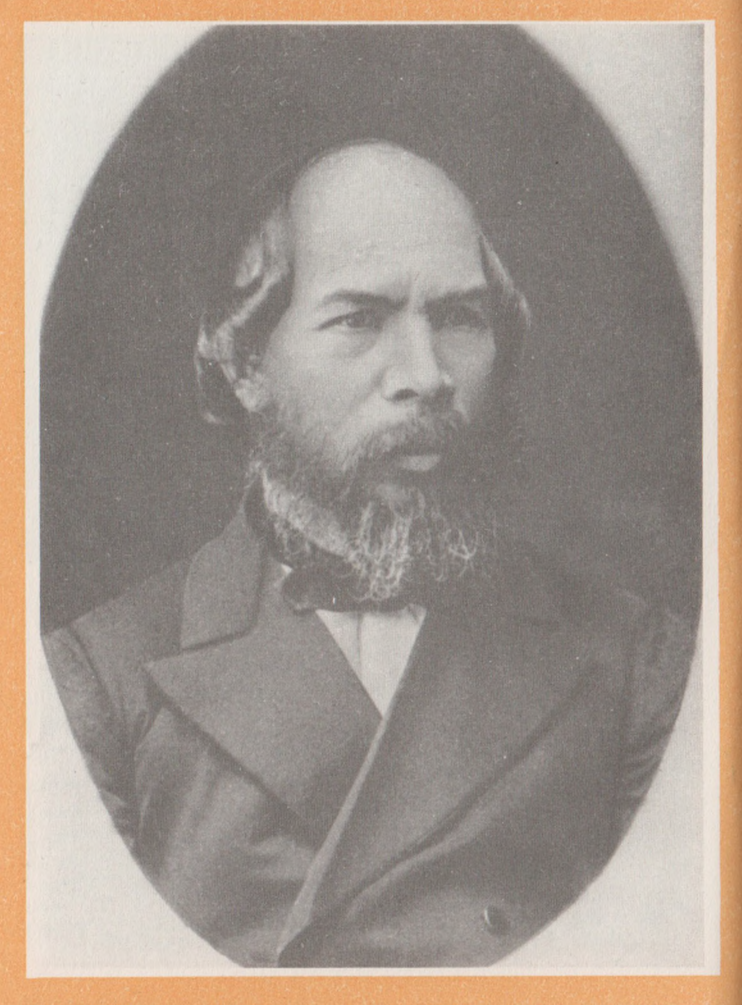
Дир. училищъ:

Симб. 188[illegible] г. 2[illegible]

Заявка на оборудование лаборатории, составленная А. Ульяновым.

Бывший флигель А. С. Прибыловской. Современный вид.

И. Н. Ульянов. Симбирск. 1882—1883 гг.

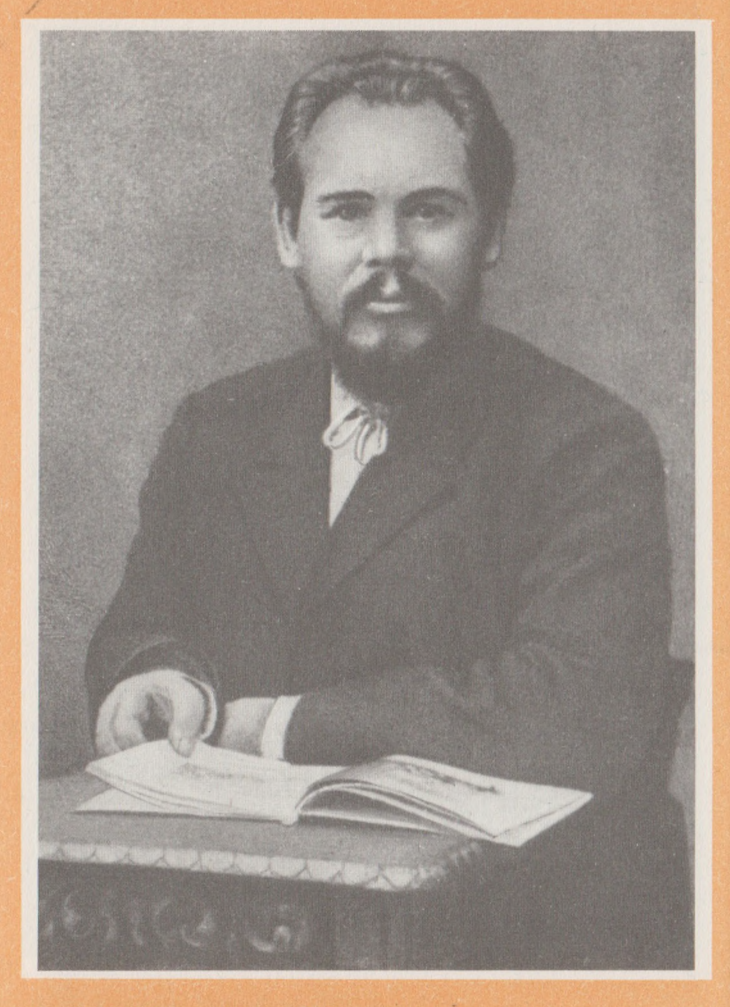
М. А. Ульянова. Симбирск. 1887 г.

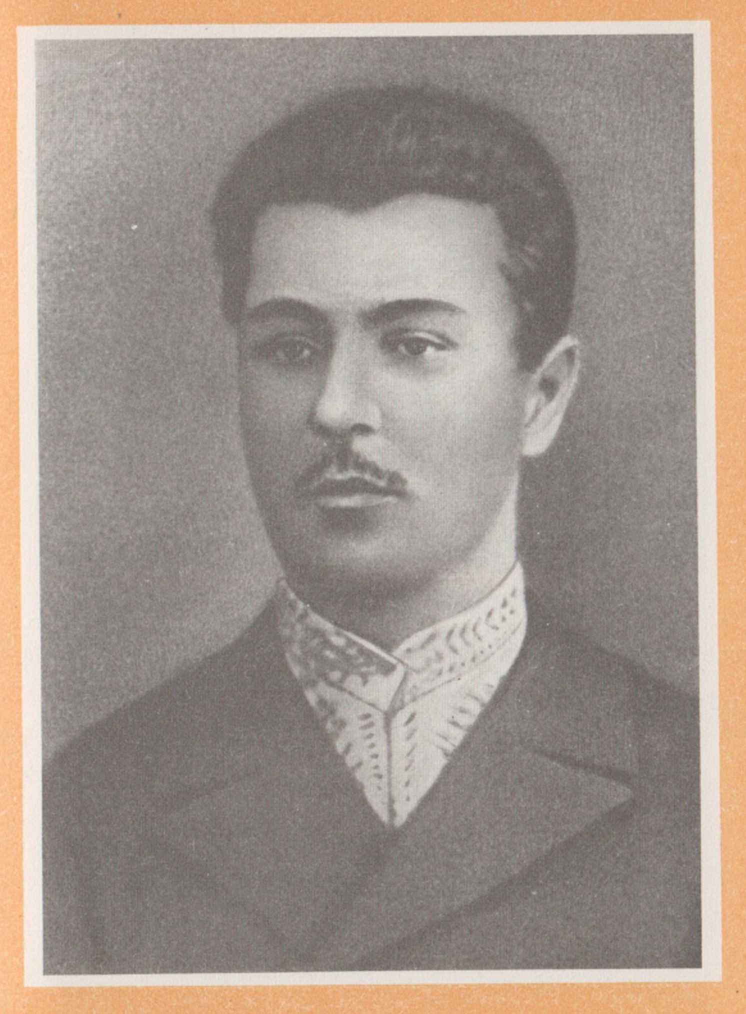
А. И. Ульянов. Петербург. 1887 г.

А. И. Ульянова. Петербург. 1883—1887 гг.

М. Т. Елизаров. 80-е гг. XIX в.

П. И. Андреюшкин.

П. Я. Шевырев.

Петропавловская крепость. 80-е гг. XIX в.

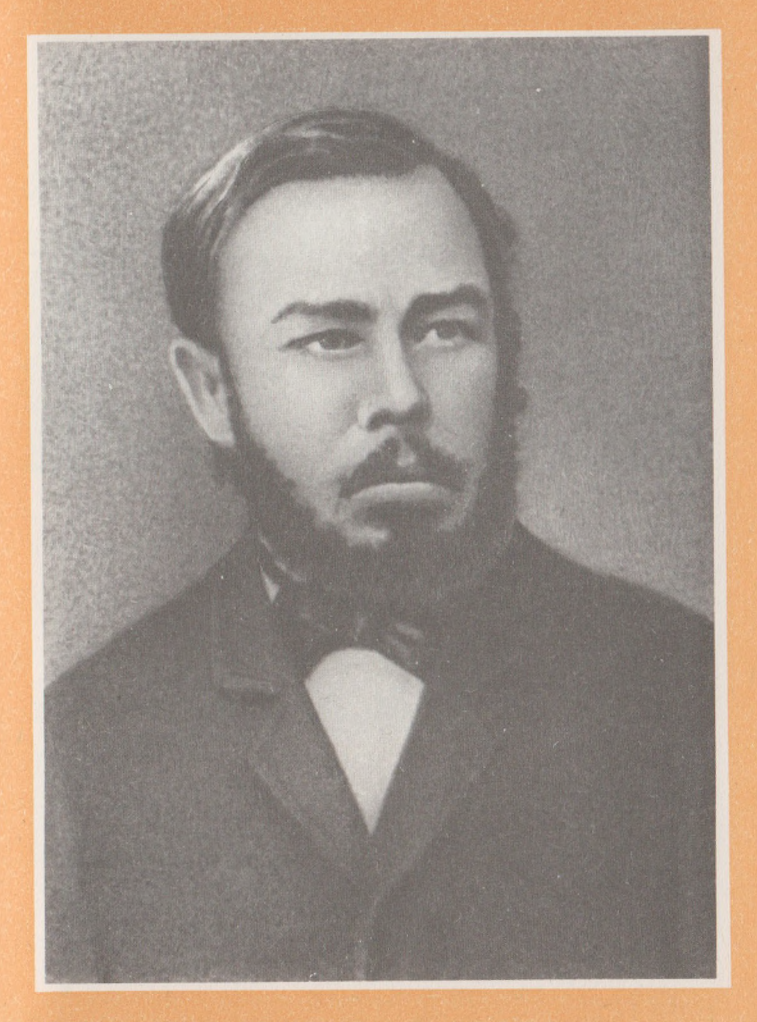

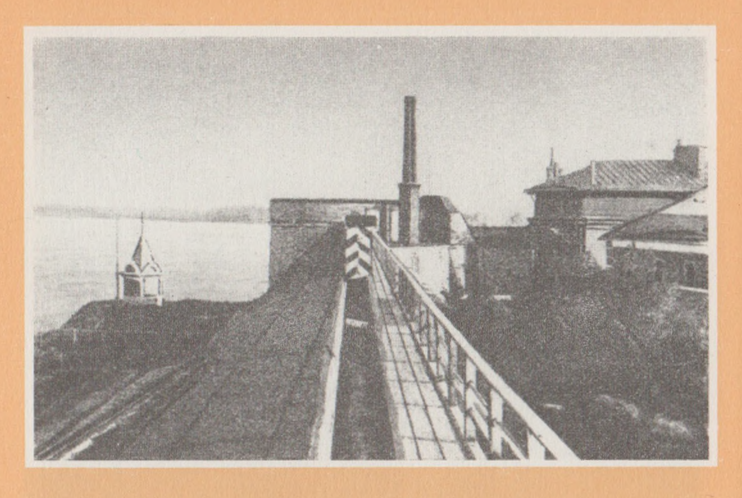
Один из корпусов университета. Современный вид.

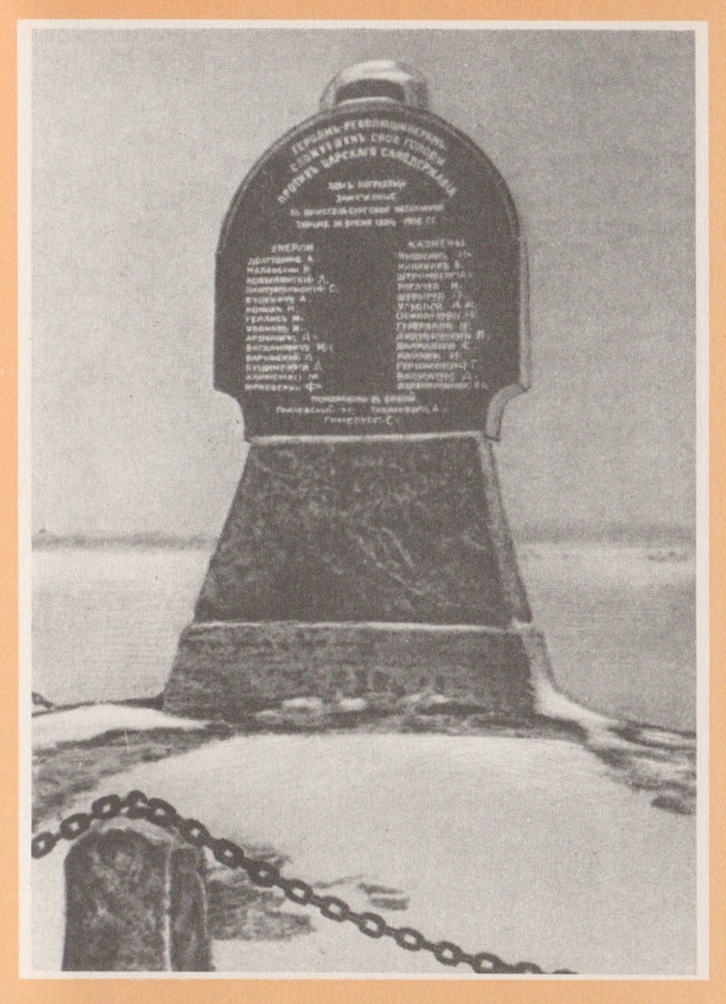
В. Д. Генералов.

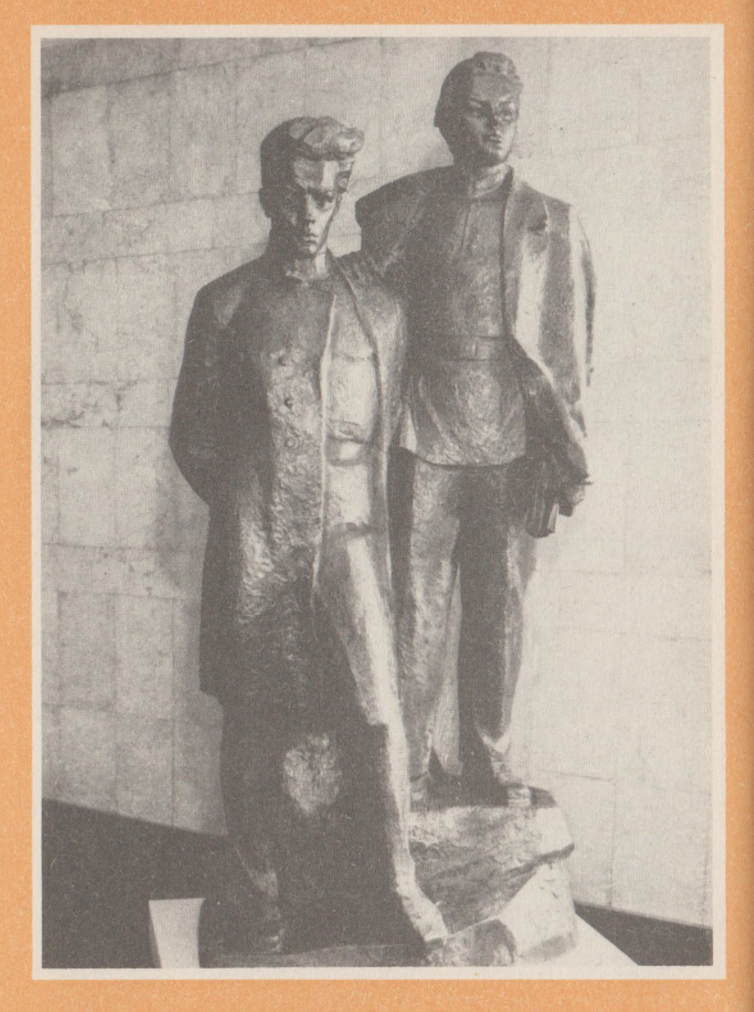
В. С. Осипанов.

Стена Шлиссельбургской крепости. 80-е гг. XIX в.

Памятник революционерам у стены Шлиссельбургской крепости.

Скульптура «Братья». Автор И. Котов.

Илья Николаевич всегда беседовал со старшим сыном на общественные темы. Но если раньше, говоря словами Анны Ильиничны, отец направлял его «в смысле общественных идеалов», то теперь, естественно, он больше расспрашивал о политических новостях, о его отношении к злободневным вопросам.

Что Александр ненавидит любые проявления произвола и насилия, мечтает о свободе, равенстве и братстве,— это хорошо было известно Илье Николаевичу, ибо сам содействовал формированию таких идеалов. Но, не будучи революционером, он опасался, как бы Александр не совершил какого-нибудь опрометчивого поступка. Тем более что из-за слабого здоровья не надеялся дослужить до пенсии. Кто, как не старший сын, должен будет помочь младшим братьям и сестрам встать на ноги?..

Александр в это время еще не состоял ни в какой тайной организации и поэтому не мог говорить о каких-то революционных действиях. Но быть «премудрым пескарем» в то время, когда реакция нагло попирала все прогрессивные завоевания общественности прошлых десятилетий,— это значило предать свои собственные нравственные принципы и пополнить лагерь «праздно болтающих», равнодушных к горю и страданиям народным, безразличных к будущему своей Отчизны.

Понятно, что обсуждение извечных вопросов «кто виноват», «что делать» этим летом имело особенно напряженный характер. И это не могло не привлечь внимания родных, даже Дмитрия, которому тогда было 11 лет. Он навсегда запомнил день, когда все «семейные куда-то уехали»

и дома остались Илья Николаевич, Александр и он.

«Отец с братом гуляли по средней аллее сада,— вспоминал он много лет спустя.— Гуляли очень долго и говорили о чем-то тихо и чрезвычайно сосредоточенно. Лица их были как-то особенно серьезны, и они настолько ушли в свой разговор, что совершенно не обращали внимания на мои попытки перейти к чему-нибудь общему и веселому. Иногда говорили горячо, но больше тихо, чуть внятно. Я вгляделся в их лица и понял, что обсуждается что-то очень важное и я не должен им мешать. Этот момент мне резко врезался в память.

О чем они говорили? Тогда я ровно ничего не понял, меня поразил только самый характер необычного и слишком длительного разговора... В настоящее время я совершенно убежден, что описанный разговор был на политические темы, и несомненно он был не единичный и не случайный... Если принять во внимание, что у отца с Александром Ильичем были — судя по всем данным — самые близкие товарищеские отношения, что отца чрезвычайно интересовали все переживания брата, нельзя допустить ни в коем случае, чтобы он мог скрыть от отца свои политические убеждения»[1].

О чем конкретно говорили между собой Илья Николаевич и Александр, можно только предполагать. Но некоторые из волновавших их обоих тем определяются довольно точно. 18 августа в «Симбирской земской газете» стал печататься «Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1884 год», в котором Илья Николаевич

[1] Ульянов Д. И. Очерки разных лет.— С. 41.

мужественно ответил на все выпады реакционеров и выразил непоколебимое убеждение в правильности пути, намеченного К. Д. Ушинским. Понятно, что прежде чем сдать отчет в редакцию, он советовался с родными, и в первую очередь — со старшим сыном, выступать ли с этим документом в газете или нет. Ведь обнародование такого «Отчета» вызовет ярость противников земской школы.

В эти же августовские дни Симбирск был взбудоражен другим чрезвычайным событием: жандармы напали на след тайной библиотеки гимназического кружка, руководителем которого был Валентин Аверьянов (в прошлом одноклассник Александра) и к деятельности которого были причастны Александр Жарков, Владимир Волков и другие студенты-симбиряне, обучавшиеся в Казани и Москве. По делу аверьяновского кружка были арестованы и взрослые, которых Ульяновы знали: бывший народный учитель Василий Маненков и кузнец Порфирий Фадеев, преподававший свое ремесло в чувашской школе И. Я. Яковлева. В той или иной мере к этой нашумевшей истории был причастен и Владимир Ульянов, который, как и все другие гимназисты, еще с прошлого года знал о нелегальной библиотеке и, наверное, тоже жертвовал в ее пользу книги или деньги[1].

Не исключена, наконец, и такая тема для разговоров. На какое-то время Илья Николаевич выбрался в Казань, возможно, вместе с Александром. Оттуда, тоже по делам службы, отец съездил в село Каменку Курмышского уезда Симбирской губернии, где на положении политического поднадзорного в связи с каракозовским процессом жил

[1] См.: Трофимов Ж. Великое начало.— М., 1979.— С. 117.

его друг еще по Пензе, педагог-демократ В. И. Захаров. Двадцатилетняя ссылка не сломила Захарова, и он как мог помогал Илье Николаевичу в борьбе за народную школу.

Расставаясь со старым товарищем, Илья Николаевич подарил ему свою фотокарточку с теплой надписью: «Дорогому Владимиру Ивановичу от преданного ему И. Ульянова. Каменка. 15 июля 1885 года». Эта дарственная надпись удостоверяла не только личную преданность Захарову как человеку, которого, кстати, жандармы именовали «образователем каракозовцев», но и высоким идеалам, воодушевлявшим Илью Николаевича и его единомышленников в эпоху падения крепостного права, которым они с Захаровым остались верны и 30 лет спустя.

Об этой поездке и о каменском ссыльном Илья Николаевич, конечно, рассказывал родным. Недаром Мария Ильинична сочла нужным даже в 1931 году подчеркнуть, что ее отец, так же как Н. А. Ишутин и Д. В. Каракозов, жил одно время в Пензе у Захарова на квартире. Сам Захаров не являлся сторонником террора. Он, как и Илья Николаевич, был просветителем в самом высоком смысле слова. Но тяжелая судьба его и других демократов, пострадавших в пору реакции, разыгравшейся после выстрела Каракозова в царя, ярко показывает те печальные последствия для всего освободительного движения, которые влечет за собой индивидуальный террор.

Затрагивался ли вопрос о терроре в беседах Ильи Николаевича с Александром? Если и да, то в общих чертах. По какой-то из проблем, обсуждаемых в беседах, Александр высказался настолько резко, что это встревожило Илью Николаевича, да

и не только его. Но он все еще верил, что наука всецело увлечет сына, что он прежде всего ей отдаст все силы и знания.

В самом деле, Александр и в это лето с азартом занимался естественными науками. Почти ежедневно за сбором червей и пиявок он кружил на лодке по Свияге с кем-либо из товарищей или братьев, чаще — с Митей. Дома он долгими часами рассматривал добытую живность в лупу, препарировал, исследовал под микроскопом. Упорно штудировал «Органическую химию» Н. А. Меншуткина, а кроме того — литературу по истории, политэкономии, первый том «Капитала» Маркса...

Как и в прошлом году, Александр выехал в Петербург первым, чтобы решить вопрос с квартирами для себя и сестры. В начале сентября отправилась пароходом и Анна. Родителей не покидала тревога за Александра, и в надежде, что Анна приглядит за ним и удержит от опрометчивых поступков, отец попросил ее: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас»[1].

---

[1] Ульянов Д. И. Очерки разных лет.— С. 42.

ТЯЖКАЯ УТРАТА. ВТОРАЯ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

Квартиры на Васильевском острове стоили дороже, чем в других частях города, поэтому даже в этом учебном году, когда Бестужевские курсы переехали в новое здание на 10-й линии, Анна поселилась на более демократичной Петербургской стороне, на Съезжинской улице, в 10—15 минутах ходьбы от брата.

В первые же недели Александр выполняет поручения родных. 20 сентября в письме к матери просит передать Володе, что ищет книгу, которую тот ждет, а Мите,— что гипсовый кристалл, который он нашел, с удовольствием взяли в минералогический кабинет университета[1]. Через восемь дней вновь сообщает матери: «Книги, о которых просит Володя, а также ноты Оле и Ишерскому[2]

---

[1] См.: Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка.— С. 26. Этот кристалл хранится в минералогическом кабинете геологического факультета ЛГУ им. А. А. Жданова с запиской: «Найден в Симбирске. Июнь 1885 г. Ал. Ульянов».

[2] И. В. Ишерский — инспектор народных училищ Симбирской губернии.

я поищу на днях». В следующем письме Александр просит мать: «Папе передай, что полное собрание соч. Л. Толстого стоит (без переплета) 16 р. 50 к., а в переплете — различно, смотря по изящности переплета. Книги Володе я отослал несколько дней тому назад»[1].

Забегая вперед, отмечу, что по сохранившимся 28 письмам Александра к родным видно, что из Симбирска поступали просьбы о покупках только печатной продукции — и ни о чем другом.

С началом занятий на третьем курсе Александр вплотную приступил к работе над конкурсной темой по зоологии. Времени до сдачи работы оставалось немногим более трех месяцев, и он по целым дням пропадал в зоологическом кабинете университета.

Среди естественников Александр приобрел известность как знающий и продуктивно занимающийся студент. Земляки ценили его за активное участие в общественных делах: он в короткий срок составил устав Симбирского землячества, упорядочил деятельность кассы взаимопомощи, наладил выписку в складчину новых журналов, а затем и работу кружков самообразования.

В эпоху реакции важно было использовать любую легальную возможность для совместных действий. По инициативе студентов-симбирян было решено выразить сочувствие Салтыкову-Щедрину в день его именин 8 ноября 1885 года. Александр вошел в делегацию студентов университета, которая доставила адрес больному сатирику. Анну вместе с другими бестужевками приняла жена писателя. И как радовались брат и сестра, когда

---

[1] Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка.— С. 28.

узнали, что Михаил Евграфович, прочтя приветственный адрес, написанный Анной Ульяновой, нашел его «самым прочувствованным, понравился ему больше всех других, полученных в тот день»[1].

Остальная часть ноября у Александра была насыщена до предела. Пришлось сменить квартиру (у хозяев были маленькие дети), правда, недалеко: на той же Съезжинской, в доме № 12, где было потише. Сообщая об этом матери в письме от 4 декабря, он писал: «10 декабря у нас экзамен по зоологии позвоночных, а 13 января — по органической химии, один из самых трудных экзаменов. Оба экзамена окончательные, а не то, чтобы полугодичные, и от нового устава нисколько не зависят.

Дела теперь поэтому много»[2].

Не знал Александр, что на эти рождественские каникулы ему нужно было поехать домой вместе с сестрой, нужно было — как никогда...

Отец и раньше жаловался на свое здоровье. А в последние годы оно было подорвано непомерно трудной работой. Очень переживал Илья Николаевич из-за нападок крепостников, наиболее оголтелой части духовенства и «благонамеренных» земцев. 12 января 1886 года в своем кабинете, не успев завершить годовой отчет, Илья Николаевич скончался от кровоизлияния в мозг.

Многолюдные похороны, некрологи и воспоминания об И. Н. Ульянове, появившиеся в поволжских и центральных газетах и журналах, показали, какой известностью, популярностью и любовью пользовался директор народных училищ в Симбир-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 78.
[2] Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка.— С. 28.

ске и далеко за его пределами, как высоко оценивался его многолетний самоотверженный труд передовой общественностью.

Мария Александровна решила не посылать телеграмму Саше — все равно он не успел бы приехать на похороны, а поручила Ане написать в Петербург двоюродной сестре Анне Веретенниковой, чтобы она подготовила его. Александр очень глубоко переживал огромное горе. Его земляк И. Н. Чеботарев вспоминал, что на рождество 1885 года он усиленно работал «ночью и днем в лаборатории и дома над своими сочинениями. Помню, спеша его окончить, он три ночи подряд буквально не спал. Работа подвигалась к концу, как вдруг Александр Ильич получил известие о внезапной смерти отца. На несколько дней он все забросил, метался из угла в угол по своей комнате как раненый. На второй или третий день я зашел к нему и застал его шагающим по комнате своими крупными шагами с устремленным вдаль и ничего не видящим вблизи взглядом. Становилось прямо страшно за него»[1].

Однако сильная его натура справилась с горем. Александр чаще и ласковее, чем раньше, пишет домой, всячески стараясь поддержать мать, всю осиротевшую семью.

Нашел он и силы для завершения своей конкурсной работы. «Исследование строения сегментарных органов пресноводных Annulata» под девизом «Что действительно, то исторично» он представил совету факультета в назначенный срок. В весьма благоприятном на нее отзыве говорилось: «Здесь, в этой хорошо обследованной области, каж-

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 241.

дый новый факт имеет тем большую цену, что он добывается значительным трудом. Проверять, а тем более поправлять работы таких опытных исследователей, как Лейдиг и Шультце, или такую тщательную работу, как работа Берна,— для этого нужно иметь довольно значительную долю опытности и прилежания. Вот основания, по которым автора, студента VI семестра Александра Ульянова, факультет нашел возможным наградить за его старательный труд золотой медалью»[1].

3 февраля 1886 года совет университета согласился с мнением факультета, а 8-го числа на годичном университетском акте, при большом стечении публики, было оглашено решение о награждении Александра Ульянова золотой медалью. Так высоко была оценена его работа, истоки которой брали начало еще в скромной домашней лаборатории. У Александра это была вторая награда высшей пробы. Но если на гимназической значилось **«Преуспевающему»**, то на университетской — **«Преуспевшему»**. И действительно, триумф одаренного студента был настолько значительным, что между его знаменитыми учителями — профессорами А. М. Бутлеровым и Н. П. Вагнёром, как передавали по слухам, даже возник спор: на чьей кафедре должен быть оставлен Ульянов для повышения квалификации и подготовки к профессорскому званию — каждому из них хотелось иметь талантливого ученика.

О своей победе на конкурсе Александр сообщил домой кратко и просто: «За свою зоологическую работу о кольчатых червях я получил зо-

---

[1] Годичный акт С.-Петербургского университета 8 февраля 1886 г.— С. 135.

лотую медаль», и «как горько плакала мать,— вспоминала Анна Ильинична,— что отец, умерший месяц назад, не может порадоваться этому известию»[1].

Александр чувствовал, что для матери скоропостижная смерть мужа была величайшим горем, невосполнимой потерей, и понимал, что, кроме тяжких душевных страданий, на ее плечи свалилось и все бремя забот о шестерых детях. И он, самый старший сын, не успел еще окончить университета...

Хотя шел уже февраль, Анна оставалась с матерью, а у Александра спрашивала совета, как быть: пожить еще дома или уступить настоянию матери и возвратиться для продолжения учебы на курсах. Александр ответил, что он будет высылать ей, как уже делал в последний месяц, все нужные книги и лекции, с помощью которых можно подготовиться к сессии и в Симбирске. Но со свойственной ему деликатностью закончил свой совет словами: «Конечно, все это, что я говорю, не может иметь большого значения для тебя потому, что главное, что надо знать, чтобы сказать, насколько удобно тебе будет оставить маму,— гораздо виднее тебе»[2].

Последнее же слово осталось за самой Марией Александровной: она сказала Ане, что для нее она не должна оставаться дома. Видя твердость и мужество матери, Анна в марте выехала из Симбирска.

Успешное участие в научном конкурсе завершило важный этап в жизни Александра. Теперь,

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 77.
[2] Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка.— С. 31.

занимаясь по обычной для всех студентов программе, легче стало выкраивать время для самообразования, репетиторства и общественных дел.

Как только среди передового студенчества возникла мысль выразить свою признательность профессору В. И. Семевскому, уволенному из университета за «крамольные» лекции, Александр в числе 309 студентов подписал адрес с выражением опальному ученому-демократу «глубокого и непреклонного сочувствия — как честному историку крестьян, для которого народное благо было самым заветным идеалом». Профессор не остался в долгу перед благодарной молодежью, и Александр, а по приезде из Симбирска и Анна продолжили слушание лекций по крестьянскому вопросу в квартире Семевского.

В качестве депутата Поволжского землячества Александр немало способствовал созданию Союза землячеств, объединившего почти полторы тысячи студентов столицы. Одной из первых акций союза стала подготовка к 19 февраля — 25-летию отмены крепостного права. Правительство вообще не хотело вспоминать об этой дате. Передовое студенчество отметило 19 февраля 1886 года панихидой по врагам крепостничества и возложило венки на могилы Н. А. Добролюбова, других писателей-демократов. Для полиции эта демонстрация явилась полной неожиданностью.

Важной вехой в жизни Александра стало вступление в студенческое Научно-литературное общество при университете, возглавлявшееся популярным либеральным профессором-литератором О. Ф. Миллером. Впервые Александр появился на заседании Общества 20 марта 1886 года и сразу же был избран действительным членом. Что при-

влекало Александра в Обществе? Прежде всего возможность обмена мнениями с цветом студенческой молодежи всех факультетов при обсуждении рефератов, докладов, сообщений. Общество издавало сборники, в которых публиковались и удостоенные медалей конкурсные работы. Наконец, Общество имело богатейшую библиотеку, доступную только для своих членов.

Александр близко сошелся со своими сокурсниками Петром Шевыревым (тоже членом Научно-литературного общества) и Иосифом Лукашевичем — приметными людьми на факультете, пользовавшимися влиянием и за его пределами.

Петр Яковлевич Шевырев был на три года старше Александра Ильича, но в Петербургском университете появился лишь в 1884 году, переводом из Харьковского. Настоял на этом его брат, преподаватель лесного института, в надежде с помощью столичных медиков вылечить Петра от начавшейся чахотки. Воссоздавая образ Шевырева, Лукашевич писал: «...худощавая фигура, среднего роста, с длинными светлыми волосами, небольшими усиками и эспаньолкой, в очках. Живые глаза несколько насмешливо глядели на собеседника, а он сам в разговоре нередко заливался хохотом. По своему темпераменту он был типичный холерик. Удивительно деятельный, предприимчивый, подвижный, он был душой наших предприятий. Весь день на ногах, он точно рассчитывал по часам время, где нужно быть и с кем видеться».

Обладая недюжинными организаторскими способностями, Шевырев не прекращал своей активной общественной деятельности, даже выехав в Самару для лечения кумысом. В письме Лу-

кашевичу от 19 апреля 1886 года он дает подробные указания, у каких лиц и сколько надо дополучить денег, собранных во время вечеринок для общестуденческой кассы, а кому надо вручить новые подписные листы. «Я на всякий случай захватил с собою 10 листов, из которых 3 успел уже пустить по рукам (разумеется, надежным). Потом, Лукашевич,— продолжал Шевырев,— я просил Агафонова позаботиться о гектографировании устава, а Ульянова о том, чтобы к уставу было сделано приложение, в котором нужно упомянуть о том, что те §§, за которые высказалось большинство, составляют временный устав, и упомянуть также о том, что те лица, которые пожелают принять участие в нашей кассе, подавали бы голоса за то в уставе, с чем они солидарны, и пригласить их высказаться письменно относительно того, с чем они не согласны в нем — это, понятно, будет принято во внимание при окончательной редакции устава. Вследствие наступивших экзаменов не следует особенно заботиться о распространении устава — экземпляры его нужно сохранить до будущего учебного года для того, чтобы отсутствие их не послужило бы помехой нашему делу. Наконец, Лукашевич, я хотел вам кой-что сказать о желании некоторых групп студентов завязать сношения с другими университетами, чего и последние желают...»

В заключение Шевырев просил Лукашевича достать устав какого-нибудь землячества и передать его Александру Ильичу, а также записки Бутлерова по органической химии: «У Ульянова же возьмет мой брат для передачи мне»[1].

---

[1] Былое.— 1917.— № 1.— С. 27.

Иосиф Дементьевич Лукашевич тоже был старше Александра Ильича на два с половиной года. Высокого роста, голубоглазый литовец, с красивым мужественным лицом, сдержанный по характеру, он говорил неторопливо, с заметным акцентом. Отличаясь стремлением к глубокому изучению минералогии, ботаники, химии и других естественных наук, а главное, несмотря на дворянское происхождение, своими демократическими взглядами, зародившимися еще в стенах Вильненской классической гимназии, Лукашевич не мог не импонировать Александру, особенно после его горячих рассуждений о «социальных несправедливостях, о гнете правительства, о необходимости борьбы со злом»[1].

Словом, Петр Шевырев и Иосиф Лукашевич были единомышленниками Александра, и уже накануне весенней сессии 1886 года их прочно связывало общее дело по сплочению демократического студенчества.

Александр хотел как можно скорее рассчитаться с экзаменами и пытался физическую географию сдать еще в начале апреля, но 7 числа признался матери о досадной осечке: «Не выдержал, т. е. не получил той отметки, какой желал». Пришлось отложить сдачу до 16 мая — в установленный срок. Закончил он письмо сообщением о грустном событии: «Кухмистерская наша закрыта сегодня по распоряжению градоначальника. Придется устроиться с обедом где-нибудь в другом месте»[2].

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 189.
[2] Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка.— С. 33.

И все же Александр впервые за три года обучения освободился от экзаменов раньше сестры. Не было такого дня, чтобы он не думал о матери и младших братьях и сестрах. Когда он был готов к отъезду, пришла Анна. Измучившаяся от переживаний за мать, она заявила, что не в силах сдавать оставшиеся два экзамена. Видя ее болезненное состояние, Александр отложил отъезд до следующего дня. В поезде, а потом и на пароходе, упрекая себя в слабости и малодушии, Анна несколько раз порывалась вернуться назад в Петербург, но он не отпускал ее, говоря, что тогда и он поедет с нею. «Помню,— писала впоследствии Анна Ильинична,— как всплеснула руками при виде меня мать, а Саша взглянул, как мне показалось, укоризненно...

И все лето я была мрачной, дикой. Я мучилась самобичеваниями, ходила на могилу отца, болела какими-то странными, потрясающими лихорадками, повторяющимися регулярно недели через три»[1].

Несмотря на глубину личных переживаний, связанных с кончиной отца, тревожным состоянием Анны и непреходящей, хотя и мужественно скрываемой грустью матери, Александр держался твердо и вместе с тем чутко, делая все, чтобы воссоздать более или менее бодрую обстановку в семье.

Эта весна оказалась очень трудной и в материальном отношении. Сколько уж месяцев прошло со дня смерти отца, а, несмотря на неоднократные обращения матери к учебному начальству, ее

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 91.

прошения о единовременном пособии и пенсии все еще кочевали в канцелярско-бюрократических дебрях Казани и Петербурга.

А тут еще и непристойная возня в Симбирской городской думе о способе почтить память директора народных училищ губернии. Более полутора месяцев в думе обсуждались предложения об учреждении в городском трехклассном училище трех стипендий имени И. Н. Ульянова, педагогическая деятельность которого была широко известна. Однако реакционное большинство гласных думы, ведая о неприязненном отношении губернских да и столичных властей к И. Н. Ульянову, решило ограничиться «выражением письменного вдове покойного соболезнования...»[1].

Александр понимал, что теперь он — главная надежда осиротевшей семьи. Конечно, его репетиторство не спасает положения, но ведь он уже скоро твердо встанет на ноги — будет работать в университете. Так что всей семье лучше перебраться в Петербург. В течение мая объявление о продаже их дома с садом, рояля и мебели четырежды публиковалось в «Симбирских губернских ведомостях». Подходящего покупателя сразу не нашлось. А позже Мария Александровна, видимо, учитывая дороговизну жилья и питания в столице, решила остаться в Симбирске до окончания Владимиром и Ольгой гимназического курса.

Чтобы как-то свести концы с концами, сразу же после кончины отца пришлось сдать внаймы половину дома. Мать перебралась наверх, в детс-

[1] Журнал Симбирской городской думы на 1886 год.— Симбирск, 1887.— С. 128.

кую, а в свою комнатку на первом этаже поместила Володю и Митю. Пока же летом с Владимиром жил Александр.

За год, что они не виделись, многое изменилось, и им было о чем побеседовать по душам. Александр еще в Петербурге узнал от Анны, что Владимир, как раньше и он сам, порвал с религией и, настроенный «очень оппозиционно к гимназическому начальству и гимназической учебе», был вообще, как говорится, в периоде отрицания авторитетов. Теперь, дома, он стал очевидцем того, насколько резки суждения Владимира, когда затрагивались злободневные вопросы окружающей действительности.

Сам же Александр этим летом, по словам старшей сестры, шел «гигантскими шагами вперед и массу работал», уйдя «главным образом в общественные науки...»[1]. На этот раз он привез из Петербурга книги не только по зоологии и химии, но и по истории, истории политической экономии и социализма на русском, немецком и английском языках. Был среди них и «Капитал» Маркса.

О своих радикальных взглядах Александр старался дома особенно не распространяться. Старшую сестру он опасался вводить в круг революционных идей, так как она еще очень болезненно переносила потерю отца. Кроме того, как позже поняла Анна Ильинична, он избегал говорить откровенно на эту тему с нею и Владимиром еще и потому, что остро ощущал ответственность перед матерью за судьбу остальных членов семьи.

Полностью же избежать разговоров с Влади-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 92.

миром, давно проявлявшим интерес к политическим вопросам, было просто нельзя.

Разве можно было Александру уклониться, например, от вопроса Владимира: как столичная молодежь отреагировала на правительственное распоряжение о запрещении землячеств в университетах и институтах? Ведь каждый выпускник любой гимназии знал, что этот запрет студенчеством не соблюдается. Или — не рассказать о том, что сам он занимался составлением нового устава симбирского землячества, упорядочением кассы взаимопомощи и комплектацией земляческой библиотеки, которая размещалась в его квартире? Или — не сказать о поднесении приветственного адреса уволенному профессору-историку Семевскому или демонстрации по поводу 25-летия отмены крепостного права? Вряд ли утаил Александр и то, что вместе с другими руководителями студенчества удалось в начале 1886 года создать Союз землячеств. Само собой разумеется, что речь шла и об основных формах деятельности землячеств: оказании материальной помощи нуждающимся студентам за счет сборов на полулегальных вечерах, приобретении для своих библиотек социально-экономической литературы, периодики, создании кружков по изучению политической экономии, истории и крестьянского вопроса, распространении рукописных журналов, бойкоте верноподданнических торжественных собраний.

Понятно, что если Александр сам искал пути и методы революционной борьбы и еще не был готов к решительной схватке, то Владимиру тем более старался внушить мысль о необходимости сначала получить общее образование и глубоко изучить теорию и историю освободительного дви-

жения. Человек слова и дела, Александр продолжал увлеченно заниматься зоологией, часами сидел за микроскопом. Наблюдая, с какой серьезностью он изучает червей, Владимир даже как-то подумал: «Нет, не выйдет из брата революционера»[1].

В действительности же они оба предрешили для себя эту судьбу. Дмитрий Ильич вспоминал случай, как однажды вечером Александр и Владимир сидели при свете лампы в маминой комнатке и сосредоточенно сражались в шахматы. Окно было открыто, но затянуто проволочной сеткой. «Мы, ребята,— пишет он,— играли во дворе и в освещенное окно видели неподвижные и молчаливые фигуры шахматистов. Одна девочка лет двенадцати подбежала к окну и крикнула: «Сидят, как каторжники за решеткой»... Братья быстро обернулись к окну и серьезно посмотрели вслед убегавшей проказнице. Настоящей железной решетки они еще не знали, но, должно быть, она уже чувствовалась ими как что-то неминуемое...»[2]

Воссоздавая этот эпизод, Дмитрий Ильич особо подчеркнул, что братья «в утренние часы в шахматы не играли — в это время оба сидели за книгами и тетрадями». Разумеется, занятия Александра не могли не оказать влияния на Владимира, видевшего, как усердно сидит брат за Марксом и другой политико-экономической литературой. А старшая сестра писала: «...уже после отъезда Саши, если верить воспоминаниям одного из товарищей Володи, они начали вдвоем переводить с не-

---

[1] Крупская Н. К. О Ленине: Сб. статей и выступлений.— М., 1979.— С. 34.

[2] Ульянов Д. И. Очерки разных лет.— С. 76.

мецкого «Капитал» Маркса. Работа эта прекратилась на первых же страницах, чего и следовало ожидать: где же было зеленым гимназистам выполнить такое предприятие? Стремление подражать брату, искание путей, конечно, было...»[1]

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 96—97.

ДОБРОЛЮБОВСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Развернувшееся в начале 1886 года студенческое движение обещало после летних каникул принять еще больший размах. Александр почувствовал этот подъем при первых же встречах с Шевыревым, Лукашевичем, лидерами Поволжского землячества, кружка «кубанцев и донцов».

Заметной фигурой Поволжского землячества был закончивший весной этого года университетский курс 25-летний Иван Николаевич Чеботарев. Кандидатские экзамены он сдал и работал над диссертацией на степень кандидата математических наук на тему: «Определение элементов параболической орбиты кометы 1884-III [Wolx] по способу Ольберса по трем измерениям»[1]. Так что не прерывал свою связь с университетом.

---

[1] Небезынтересно, что И. Н. Ульянов в 1854 году получил степень кандидата математических наук за работу, тоже связанную со способом Ольберса для определения орбиты кометы Клинкерфюса 1853 года.

Александр немного знал Ивана Чеботарева еще по Симбирской классической гимназии, которую тот окончил с золотой медалью на год раньше. В Петербургском университете они учились на разных курсах и на разных отделениях, но на одном факультете. Они часто встречались, особенно с этого, 1886 года, по делам землячества, в котором Иван Чеботарев как старший по возрасту и студенческому стажу уже играл видную роль. Александру пришелся по душе этот скромный и честный крестьянский сын, пробившийся в науку упорным трудом, зарабатывая себе на жизнь частными уроками, и проявлявший живейший интерес к общественной жизни.

В середине сентября 1886 года они договорились поселиться вместе и 18-го числа сняли две комнаты с передней в мезонине двухэтажного деревянного дома № 21 по Александро-Невскому (Александровскому) проспекту (ныне — Добролюбова), в квартире молодого немца-гравера Павла Флюгеля, арендовавшего у домовладельца целую квартиру и сдававшего часть ее студентам. В этом доме Александр бывал и раньше, когда здесь жил его знакомый студент Орест Говорухин.

Комнаты в мезонине были недорогие и к тому же имели отдельный вход. В дальней узкой комнате, с круглой железной печкой и окном на улицу, они устроили спальню: у одной стены поставили в ряд две кровати, а у противоположной — шкаф и книжные полки, на которых помимо личных книг разместили библиотеку симбирского землячеcкого кружка. Первая комната, почти вдвое больше, с двумя окнами, служила гостиной и столовой. Меблировка ее была побогаче: диван, пара кресел, шесть стульев, овальный стол, маленький кури-

тельный столик, зеркало в раме из красного дерева с подставленным под ним комодом, две большие керосиновые лампы. По стенам хозяин щедро развешал гравюры, изображающие Нью-Йорк с гаванью, какой-то рыцарский замок, Александра II с августейшим семейством и большой олеографический поясной портрет того же царя в золоченой раме. Картину довершали тюлевые гардины и цветочные горшки на подоконниках.

Нетрудно представить, как относились Александр и Чеботарев к такой ярко выраженной «благонамеренной» обстановке, но они не вправе были ее менять. Что же касается духовной атмосферы, которая воцарилась в квартире под перекрестными взглядами самодержца, то она вполне соответствовала демократизму ее новых обитателей.

Самыми частыми посетителями Ульянова и Чеботарева были члены Поволжского землячества — почти все скромно одетые, никогда досыта не евшие, обремененные тревогами в связи с наступлением сроков уплаты за жилье, за право учения и другими насущными потребностями. Это были обучающиеся в Военно-медицинской академии Василий Бурлаков, Алексей Орловский, Алексей Юстинов, однокашники по физико-математическому факультету Михаил Щербаков (последнюю гимназическую зиму живший вместе с Александром в симбирском доме Ульяновых), князь Алексей Ухтомский, юристы Михаил Драницын, Павел Давыдов, Дмитрий Юстинов, Киприан Маразуев, Георгий Жданой, князья Николай и Алексей Тенишевы, Павел Овсянников. Добрая половина из них — соученики Александра по гимназии, а остальные окончили ее либо раньше, либо

позже него. Из самарцев сюда заходили Марк Елизаров, Михаил Брагинский, из саратовцев — Сергей Мельников, Павел Феокритов.

Одни приходили за книгами, журналами, нелегально изданными «Сказками» Салтыкова-Щедрина или «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?», «Что такое деньги?», «Исповедью» Л. Толстого, другие — по делам кассы взаимопомощи, третьи — обменяться сведениями, полученными от родных и знакомых из Симбирска, другими новостями. Самовар и ситный не исчезали со стола... В иные вечера, когда набиралось довольно много народа, в том числе и девушек-курсисток, устраивался хор, случалось — и танцы. А в то же время кто-то вел разговоры на политические темы, в более серьезных случаях — в дальней комнате, хозяином которой считался Александр.

По его инициативе сложилось ядро биологического кружка, в котором, впрочем, рассматривались не столько сугубо биологические, сколько нравственные, политические и социальные проблемы человеческой жизни. Вскоре возникли еще два землячеких кружка — исторический и по изучению экономического положения крестьянства. В работе последнего принимала участие и Анна, на долю которой досталось выступить с рефератом об экономическом положении крестьянства в Древней Руси.

Для более углубленного изучения социально-экономических вопросов Александр вошел и в кружок, руководимый заведующим статистикой Петербургского губернского земства А. В. Гизетти. Здесь, в частности, занимались изучением «Принципов политической экономии» Д. С. Милля с комментариями Н. Г. Чернышевского, «Квинтэссен-

ции социализма» А. Шеффле, спорили о нашумевшей книге «Судьбы капитализма» В. П. Воронцова («В. В.»). «Наши разногласия» Г. В. Плеханова, по свидетельству И. Н. Чеботарева, Александр считал интересной книгой.

С этой осени Александр теснее сближается и с членами кружка «кубанцев и донцов», в котором особо видную роль играли Орест Говорухин и Семен Хлебников. Вспоминая впоследствии появление в их кружке Ульянова, С. Хлебников писал: «С первой же встречи Александр Ильич, или просто Ильич, как называли его в студенческой среде по перенятому у донцов обычаю называть одним отчеством... производил неотразимое впечатление. Чувствовалось, что перед вами был человек, который раз составил себе определенное убеждение или верование, уже безраздельно отдавался ему»[1].

Восхищаясь душевной чистотой, недюжинным умом Александра Ильича, его научной эрудицией, Хлебников отмечал в нем как в высшей степени привлекательную черту «деликатное, бережное отношение его к человеческой личности», подчеркивая при этом, что «эта мягкость в личных отношениях, чуткость и деликатность привлекали к нему все сердца и особенно чувствительную к указанной стороне характера слабую половину человеческого рода. Я думаю,— писал он,— многие из окружавших Ильича молодых девушек, типа тургеневских и некрасовских русских женщин, так поэтически изображенных Тургеневым в его стихотворении в прозе «Пролог», не задумываясь,

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 263—264.

пошли бы за Ильичем на смерть, если бы это понадобилось»[1].

Другой видный член кружка «кубанцев и донцов» студент Александр Попов (будущий писатель А. С. Серафимович), вспоминая об Александре Ильиче, писал: «Это был удивительного блеска оратор, поразительной силы, страстный и подавляющий противника аргументацией, насмешкой, огромной начитанностью... Он был прекрасный организатор, впивался в каждого нового человека, как-то быстро внутренно, точно в руках, перевертывал его во все стороны, рассматривал и, если тот гож,— умел привлечь...»

Ближе всех сошелся Александр Ильич этой осенью с Орестом Макаровичем Говорухиным. Сын простого казака, он еще во время учения в Усть-Медведицкой гимназии зачитывался запрещенной литературой. Став студентом-естественником Петербургского университета, Говорухин принимал активное участие во многих начинаниях землячеств. В отличие от многих своих товарищей Орест Макарович проявлял глубокий интерес к изучению теории социализма и уже зимой 1883/84 года под впечатлением выступлений Димитра Благоева сам организовал кружок по изучению «Капитала» К. Маркса. Позже, во время обысков, полиция обнаружила у Говорухина брошюру «Социализм и политическая борьба» Г. В. Плеханова, другие издания группы «Освобождение труда», а также народовольческую литературу.

Впервые Анна Ильинична встретила Говорухина у брата еще весной 1886 года, и он сразу ей

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 265.

не понравился. «Это был рыжеватый блондин, здорового вида, флегматичный, с характерным говорком на «о» и растягиванием кубанцев,— вспоминала она.— Он казался малоинтересным. Суждения его были грубоваты, небрежны»[1]. Ей не нравилось, что Говорухин бывал у брата все чаще и чаще и подолгу сидел, даже когда она приходила, словно дожидаясь ее ухода. И недопонимала, почему Саша по-дружески относится к «хитрому Макарычу», пока не убедилась, что их связывают какие-то конспиративные дела.

Неуклонный рост авторитета Александра Ильича сказался на его положении в Научно-литературном обществе: на заседании 2 октября он был избран в совет Общества и членом научного отдела по специальности зоология. Через неделю состоялись выборы руководства этого важного отдела. Председателем избрали молодого кандидата в профессора И. А. Клейбера (впоследствии ставшего известным астрономом и математиком), секретарем — Александра Ильича. Примечательна аргументация студента-филолога Василия Водовозова (сына известной четы педагогов и писателей В. И. и Е. Н. Водовозовых): «Ульянов интересуется не одними червями да тараканами, но занят и более широкими планами; не будучи узким специалистом по зоологии или химии, он станет истинным секретарем Научно-литературного общества во всей широте его задач»[2]. Водовозов имел при этом в виду глубокий интерес Алек-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 100.
[2] Там же.— С. 245.

сандра Ильича к актуальным проблемам политической экономии, философии, истории и литературы.

И действительно, с началом его секретарства, с одной стороны, в тематике рефератов и докладов ясно прослеживается связь с современной действительностью, а с другой — рост численности членов Общества происходит за счет наиболее демократически настроенной молодежи. Если раньше основу научного отдела составляли студенты и выпускники университета, увлекавшиеся «чистой» наукой, то теперь почти все новые члены — это активисты радикальных землячеств и кружков.

До октября в Обществе состояло немного близких знакомых Александра Ильича: П. Шевырев, М. Елизаров, И. Чеботарев, В. Водовозов. 16 октября была сразу принята целая группа членов экономического кружка и кружка «кубанцев и донцов»: О. Говорухин, И. Лукашевич, А. Попов (Серафимович), братья А. и С. Хлебниковы, а чуть позже — еще несколько будущих участников покушения на царя — В. Генералов, П. Андреюшкин, Н. Рудевич. Не удивительно, что при таком составе Научно-литературное общество не только служило развитию студентов, но и стало благоприятной средой для обсуждения способов борьбы с политической реакцией в стране, а в более узком кругу — и для пропаганды революционных идей.

В такой обстановке в октябре стал возможным доклад И. Чеботарева о пропагандистской деятельности сельской учительницы на его родине — в Николаевском уезде Самарской губернии, перед покушением А. Соловьева в 1879 году на царя и о

благоприятном отношении к ней местного населения. «Мой доклад,— вспоминал Чеботарев,— произвел на слушателей сильное впечатление, и многие меня за него горячо благодарили: так всем хотелось народного сочувствия революционной деятельности интеллигенции»[1].

Наплыв демократической молодежи в Научно-литературное общество обратил на себя внимание департамента полиции, который 31 октября предписал охранному отделению при петербургском градоначальнике наблюдать за деятельностью Общества.

Охранка представила требуемые сведения, причем особенно подробные об Александре Ильиче. «Из знакомых **Ульянова,**— говорилось в донесении, — можно указать на студентов Военно-Медицинской академии Василия Михайлова **Бурлакова,** известного департаменту полиции, университета Сергея Семенова **Мельникова** и Сергея Павлова **Феокритова,** братьев Семена и Арсения Алларионовых **Хлебниковых,** акушерку Ревекку Абрамовну **Шмидову** и дочь священника Раису Иванову **Калайтан**. Политическая благонадежность знакомых **Ульянова,** равно и его самого, весьма сомнительна, так как все они принадлежат к кружку «кубанцев и донцов».

Все заседания Общества, его совета и научного отдела, происходившие в зданиях университета, в той или иной мере тайно контролировались охранкой, но она не без оснований полагала, что «предварительные совещания членов Общества могут происходить и на частных квартирах, осо-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 244.

бенно если принять во внимание, что такая личность, как **Ульянов**, играет в том Обществе выдающуюся роль секретаря»[1].

Что правда, то правда: «предварительные совещания» под видом праздничных вечеров, помолвок или каких-либо семейных торжеств молодежь проводила нередко, хотя в каждом отдельном случае требовалось получить разрешение полиции. Вспоминая об этих вечерах, Анна Ильинична писала: «Молодежь плясала, выпивала, но под сурдинку часть беседовала в какой-нибудь отдельной комнате на политические темы и обделывала некоторые конспиративные дела. Затем публика затягивала хором «Дубинушку» или «Назови мне такую обитель», «Замучен тяжелой неволей». Кое-кто декламировал революционные стихи. Помню, этим искусством отличался один наш земляк, А. Тенишев, декламировавший, кроме своих собственных и некоторых легальных стихотворений, и «На смерть Мезенцева» и произносивший с большой силой выражения: «Именинный пирог из начинки людской брат подносит державному брату!»[2]

Александр Ильич сам не обладал голосом и слухом, но очень любил музыку и песни, особенно такие, как «Полосынька», «Нелюдимо наше море», «Пришла весна, защебетали птицы, а он, бедняк, сидит в стенах темницы» и, конечно, «Замучен тяжелой неволей». К главным певцам на таких вечеринках — студенту лесного института Евгению Державину и фельдшеру Алексею Воеводи-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 367.
[2] Там же.— С. 82.

ну, по словам сестры, Александр Ильич относился чисто по-братски, пользуясь, впрочем, большой привязанностью и с их стороны.

В это время усилились слухи о серьезной болезни М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ближайшее окружение Александра Ильича решило направить к великому сатирику депутацию в день его именин, 8 ноября, с выражением своих горячих симпатий и пожеланием скорейшего выздоровления. От университета были избраны Александр Ильич и еще двое студентов, а от бестужевок — Анна Ильинична и две девушки.

Писатель действительно был очень болен, но принял студенческую делегацию. Огромный письменный стол в его кабинете был заставлен лекарствами. Склянки, бутылки стояли на этажерках. Расширенные от болезни светлые глаза Михаила Евграфовича были полны страдания и глубокой тоски, но он терпеливо выслушал приветствие молодежи и, поблагодарив, стал всем пожимать руки. Когда очередь дошла до Александра Ильича, то он «так крепко, от всей души пожал руку Щедрина, что тот схватил ее другой рукой и заворчал: «Ой-ой! Нельзя же так сильно. Я старенький, мне больно». Александр Ильич был страшно смущен, покраснел и стал бормотать какие-то извинения. «Ну, ничего, ничего»,— сказал тогда добродушно Щедрин»[1].

В грустном настроении вернулся к себе домой Александр Ильич: нельзя было не заметить, что худое лицо писателя-юбиляра отражало не только

---

[1] Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове.— М.; Л., 1930.— С. 105.

болезнь, но и горечь тех гонений, которым он подвергался со стороны властей.

Обида за любимого опального писателя вызывала у Александра Ильича возмущение и стремление еще какими-нибудь акциями выразить правительству свое недовольство разгулом произвола и насилия. И уже через несколько дней он вместе с другими руководителями землячеств призывает студенчество отметить 17 ноября — день 25-летней годовщины смерти Н. А. Добролюбова — многолюдной панихидой на его могиле на Волковом кладбище.

Агитация была встречена довольно сочувственно студенческой массой, и, несмотря на сырую погоду с пронизывающим туманом, утром 17 ноября группы универсантов, курсисток, технологов, медиков и лесников одна за другой подъезжали на конке прямо к Волкову кладбищу. Анна Ильинична, находившаяся рядом с братом, вспоминала: «Мы застали там порядочную толпу, которая все возрастала. Налево, против кладбища обращало на себя внимание изрядное количество городовых, еще больше их было, очевидно, спрятано во дворе, откуда они осторожно выглядывали. Ворота кладбища оказались запертыми. Все демонстранты — среди них депутаты с венками — остановились перед кладбищем»[1].

В. Вересаев — будущий писатель, а тогда — тоже студент — воссоздал одну из сцен у ворот кладбища, где студенты наседали на полицейского пристава.

---

[1] Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об А. И. Ульянове.— С. 134—135.

«— Позвольте! Мы хотим отслужить на кладбище панихиду по умершему! Какое вы имеете право нам запретить?

Взволнованный пристав решительно отказывался пустить...

— Помолитесь, господин студент, дома — молитва и там дойдет.

— Дойдет? Вы, я гляжу, плохо знаете священное писание. В писании сказано: «Где трое соберутся во имя мое, там и я среди них». Трое! Понимаете, даже трое всего! А тут, видите, сколько?

Хохот.

Подъехал на извозчике Пыпин, один из редакторов «Вестника Европы», двоюродный брат Чернышевского и сотрудник Добролюбова по «Современнику». Студенты кинулись к нему, стали просить переговорить с полицией. Пыпин подошел к приставу и после короткого разговора направился к своему извозчику»[1]. Студенты же продолжали торговаться с приставом и в конце концов добились того, что делегатам с венками разрешили пройти на кладбище.

Когда депутация вернулась, все студенты, крайне возмущенные действиями полиции, с пением революционных гимнов и возгласами в честь своих учителей, в том числе и Чернышевского, сплоченной массой двинулись к центру города. Когда они сворачивали с Расстанной улицы на Лиговку, перед ними появился на коне сам градоначальник генерал П. А. Грессер и вступил в переговоры с демонстрантами. «Мы с братом,— вспоминала

---

[1] Вересаев В. Собр. соч.: В 5 т.— М., 1961.— Т. 5.— С. 270.

Анна Ильинична,— оказались совсем близко от него. Помню, что Саша произнес какую-то краткую, возмущенную реплику на его убеждения и, махнув рукой, пошел вперед вместе с более решительной частью толпы.

— Куда мы идем, Саша?— спросила я через некоторое время.

— Да вот, хотели пройти по Гороховой, но, очевидно, на Невский уже идем,— ответил он, и по его тону я вывела заключение, что он стоял за более мирное направление — по Гороховой»[1].

Но это относительное миролюбие Александра Ильича сменилось крайним возбуждением, как только он увидел скачущих на него и товарищей казаков с шашками наголо. А так как и сзади показалась сплошная цепь казаков, то студенты оказались в ловко устроенной западне: слева — решетка Лиговского канала, а справа длинное здание полицейского участка с огромным двором. «Топчась по грязи,— вспоминала Анна Ильинична,— демонстранты собирались кучками, совещались. Ко мне, стоявшей под руку с братом, подошла моя однокурсница Винбер с молодым кандидатом в профессора Клейбером.

— Что же теперь делать,— спросили они, указывая на живую цепь казаков.

— Идти вперед!— сказал брат, и его нахмуренное лицо приняло выражение какой-то железной решимости, жутью прошедшей по моим жилам. Насилие страшно возмутило его»[2].

---

[1] Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об А. И. Ульянове.— С. 135.

[2] Там же.— С. 136.

Между тем приближался вечер, и ряды демонстрантов редели: в одиночку, парочками уходили через цепь казаков, а тех, кто слишком резко разговаривал с полицейскими, отводили в участок. Среди задержанных оказалось несколько однокурсников Александра Ильича. Когда же он вместе с сестрой вышел из оцепления, то побежал на квартиры арестованных, чтобы очистить их от компрометирующих бумаг.

Вечером в квартире Ульянова и Чеботарева собрались Анна Ильинична, Марк Елизаров, Орест Говорухин, а затем и выпущенные из участка М. Л. Мандельштам, М. И. Туган-Барановский. Появление двух последних создало даже как бы ощущение победы — демонстрация все-таки состоялась, удалась, жертв нет.

Но это оказалось затишьем перед бурей: на следующий же день в Петербурге началась волна обысков и арестов. В результате около сорока студентов и слушательниц курсов вскоре были высланы из столицы. Эти репрессии, которыми правительство хотело припугнуть остальных, оскорбляли чувство человеческого достоинства, и тем больше, чем обостреннее оно было. Александр Ильич переживал несправедливость властей по отношению к некоторым своим товарищам так остро, как не переживал бы, вероятно, свою собственную высылку. «Помню,— писала Анна Ильинична,— какой мрачно-сосредоточенный вид был у него при известии о высылаемых, как чутко отзывался он, не любивший писать, на их письма, как спешил исполнить их поручения» [1].

Еще вечером 17 ноября у Александра Ильича

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887г.— С. 106.

собрались некоторые лидеры землячеств. Какие только планы, по словам Говорухина, не предлагались в качестве немедленного ответа на жестокости властей: «1) всем собраться на Казанской площади и протестовать, 2) собраться у Зимнего дворца, 3) бросить бомбы в здание жандармского управления, 4) произвести беспорядки во всех учебных заведениях Петербурга и потребовать возвращения высланных, 5) наконец, устроить покушение на Грессера или даже на кого-нибудь повыше»[1].

Для выполнения этих планов требовалось время. А пока было решено обратиться к обществу с прокламацией, за составление которой взялся Александр Ильич. Написал он эту страстную прокламацию, как говорится, на одном дыхании, дав наконец выход общественному возмущению, сконцентрированному в его душе до предела. Озаглавил ее кратко, но для всех понятно: «17 ноября в Петербурге».

Напомнив, что в этот день исполнилось 25 лет со дня смерти Добролюбова, Александр Ильич с болью и негодованием подчеркнул, что «темное царство», против которого страстно боролся писатель-демократ, «гнетет нас и теперь», лишая законного права почтить память тех лиц, «которых мы признавали своими учителями, которые завещали нам бороться с неправдой и со злом русской жизни...».

«У нас на памяти не мало других таких же фактов,— говорилось далее в листовке,— где правительство ясно показывало свою враждебность самым общекультурным стремлениям общества. Вспомним похороны Тургенева, на которых в ка-

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 217.

честве представителей правительства присутствовали казаки с нагайками и городовые.

...Все, что так дорого для каждого сколько-нибудь образованного русского, что составляет истинную славу и гордость нашей родины, всего этого не существует для русского правительства. Но тем-то и важны и дороги такие факты, как 17-ое ноября, что они показывают всю оторванность правительства от общества и указывают ту почву, на которой должны сойтись все слои общества, а не только его революционные элементы. Такие манифестации поднимают дух и бодрость общества, указывая ему на его силу и солидарность». В заключение он выразил твердую уверенность, что «такие манифестации не будут делом одной только учащейся молодежи», и грозно предупредил власти: «Грубой силе, на которую опирается правительство, мы противопоставим тоже силу, но силу организованную и объединенную сознанием своей духовной солидарности»[1].

Листовка Александра Ильича точно и ярко выразила мысли и чувства товарищей, и после одобрения ими текста утром 18 ноября в его квартире закипела работа по гектографированию. В рассылке готовых экземпляров по почте профессорам, адвокатам, земцам и другим общественным деятелям, как Петербурга и Москвы, так и других городов, в надписании конвертов живейшее участие приняли Анна Ильинична, Чеботарев, Шевырев, Говорухин, ближайшие их товарищи по землячествам. К сожалению, охранка каким-то образом пронюхала об

---

[1] Первое марта 1887 г.: Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др.— М.; Л., 1927.

этом, и многие из нескольких сот конвертов, опущенных в почтовые ящики, были изъяты и переданы в министерство внутренних дел.

Не остались не замеченными полицией и участившиеся собрания молодежи в квартире Александра Ильича, его связи с «неблагонадежными» студентами. 18 декабря 1886 года директор департамента полиции предписал столичному градоначальнику П. А. Грессеру: «Ввиду полученных сведений о сношениях проживающего в Петербурге по Александровскому проспекту в д. № 21, кв. 2 студента университета Александра Ильина Ульянова с лицами, высланными из Петербурга за демонстрацию в день годовщины смерти Добролюбова, Департамент полиции имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать в распоряжении о собрании подробных сведений о деятельности и круге знакомых студента Ульянова и о последующем не оставлять Вашими уведомлениями»[1].

На практике это означало учреждение негласного надзора. Отныне штатные агенты и университетская инспекция будут следить за Александром Ильичом на учебных занятиях, в курилке, читальне, околоточный надзиратель и дворник — брать на заметку всех, кто приходит к нему домой, попадет под контроль и его переписка.

Вскоре охранка представила в департамент полиции требуемые подробные сведения об Александре Ильиче. В этом донесении, как и в предыдущем, связанном с деятельностью Научно-литературного общества, перечислялись знакомые Ульянова: С. Мельников, С. Феокритов, С. Хлебников,

---

[1] Исторический архив.— 1960.— № 2.— С. 203.

Р. Шмидова, В. Бурлаков, Т. Попова и Р. Калайтан. К числу знакомых были причислены и все лица, посещавшие кухмистерскую А. А. Ненароковой, служившую сборным пунктом для кружка «кубанцев и донцов». Вывод охранного отделения был однозначен: «Ввиду того, что большинство знакомых Ульянова суть лица, скомпрометированные в политическом отношении, он сам также должен быть признан за таковое лицо. Кроме того, Ульянов с сестрою своею и сожителем по квартире Иваном Николаевичем Чеботаревым является организатором малороссийского кружка, сведения о коем собираются...»[1]

---

[1] Исторический архив.— 1960.— № 2.— С. 203—204.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАГОВОР

Репрессии, которые правительство обрушило на участников добролюбовской демонстрации и вообще на радикальное студенчество, стали каплей, переполнившей чашу терпения революционной молодежи и подтолкнувшей ее к мысли о необходимости решительной схватки с самодержавием.

В Петербурге ее вынашивали несколько кружков, но по-настоящему за подготовку заговора раньше других взялись П. Шевырев и И. Лукашевич. Шевырев убедил Александра Ильича в том, что уже сложилась и боевая группа, которая во что бы то ни стало совершит покушение на жизнь царя, а от него, Ульянова, ждут помощи в изготовлении метательных снарядов и разработке программного документа.

Несколько дней он обдумывал эту просьбу. Не верить информации Шевырева не имелось оснований, но как человек, искренне увлекающийся,

тот, наверное, и сам еще не представлял всей сложности осуществления задуманного. Когда же стало известно, что Шевырев знает трех студентов, которые не остановятся и перед тем, чтобы убить монарха в одиночку, и что они пойдут на это даже без поддержки какого-либо кружка, Александр Ильич одновременно с Говорухиным приняли решение.

Прежде всего он взялся за разработку теоретических взглядов участников заговора. Александр Ильич уже несколько лет глубоко изучал революционную литературу, особенно труды основоположников научного социализма. Теперь же заявил Говорухину, что решил познакомиться основательно со всеми сочинениями Маркса и Энгельса, начиная с самых первых.

Верный своему слову, он достал у В. Водовозова чрезвычайно редкий «Немецко-французский ежегодник» издания 1844 года и вместе с Говорухиным перевел оттуда «Введение» из работы «К критике гегелевской философии права», чтобы издать эту полную блестящей диалектики статью Маркса в нелегальной типографии. В редактировании этого перевода с немецкого увлеченно участвовала и Анна Ильинична.

Затем Александр Ильич наметил изучение и перевод брошюры К. Маркса «К критике политической экономии», которая хотя и вышла в Берлине в 1859 году, но на русском языке еще не появлялась. А ведь именно в этом произведении Маркс сформулировал существо исторического материализма. Что касается изданий группы «Освобождение труда», особенно острополемических работ Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», то Александр

Ильич знал их и считал интересными. Знаком он был и с основной народовольческой литературой.

Словом, Александр Ильич был в курсе всех теоретических вопросов, волновавших русских революционеров, и, как справедливо подчеркивала Анна Ильинична, «шел по дороге к революционному марксизму, который пытался еще примирить с народовольчеством, как большинство революционеров того времени, но к которому пришел бы окончательно. Кроме дальнейшей теоретической работы его привела бы к нему развивающаяся в этом направлении жизнь»[1].

Программа, за составление которой взялся Александр Ильич, должна была учитывать реальную эпоху перепутья, когда народовольческая идеология еще окончательно не была поколеблена, а русская социал-демократия только зарождалась. Поэтому необходимо было творчески использовать все три программы, имевшие хождение в подполье: исполнительного комитета «Народной воли», плехановской группы «Освобождение труда» и петербургской социал-демократической группы Д. Благоева.

Тяготея к марксизму, он считал важным уже в начале документа подчеркнуть объективный характер законов общественного развития, показать важную роль пролетариата, который «должен составить ядро социалистической партии, ее наиболее деятельную часть» в революционной борьбе. Что касается социал-демократов, то разногласия с ними Александр Ильич считал лишь теоретическими: на практике же, действуя во имя одних и тех же идеалов, одними и теми же средствами, они

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 98.

всегда будут оставаться ближайшими товарищами.

Как и социал-демократы, он был убежден, что «единственно правильный путь воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом». Но так как правительство не допускает социалистической и даже общекультурной пропаганды, то неизбежен террор — стихийная форма борьбы, происходящая, по мнению Александра Ильича, «от того, что недовольство в отдельных личностях доходит до крайнего проявления»[1].

Таким, по существу, было и его собственное чувство крайнего недовольства, побудившее его принять участие в террористическом акте. Однако, разрабатывая Программу, Александр Ильич с завидным самообладанием продолжал заниматься в университетской лаборатории, штудировать самую различную литературу, вести пропаганду в рабочем кружке, искать связей с солдатами Петропавловской крепости.

С начала 1887 года Александр Ильич стал общаться с непосредственными участниками готовящегося покушения: Пахомием Андреюшкиным и Василием Генераловым. Оба были первокурсниками, недавно приехавшими с Кубани, достаточно революционно настроенными. Пахомий Иванович Андреюшкин, сын бедной мещанки, закончил войсковую гимназию. Много занимаясь самообразованием, пришел к выводу о ненормальности государственного строя и теперь был восторженным поклонником «Народной воли». Его земляк, сын казака Василий Денисьевич Генералов, уже хорошо знакомый с I и II томами «Капитала» К. Маркса, работой Плеханова «Наши

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 292.

разногласия», симпатизировал социал-демократам. Оба юноши — апатичный с виду, но в действительности живой и подвижный Андреюшкин и добродушный, несколько медлительный Генералов — были честными и настолько смелыми и самоотверженными, что решили пожертвовать собой, но убить царя.

В январе Александр Ильич по просьбе Лукашевича научил Андреюшкина и Генералова приготовлению в домашних условиях азотной кислоты, необходимой для приготовления нитроглицерина и гремучей ртути, которые, в свою очередь, шли на изготовление динамита и запалов будущих метательных снарядов.

Александр Ильич и раньше знал, что за ним следит полиция, но теперь эта угроза многократно возрастала. Беспокоясь о безопасности родных и знакомых, он сразу же после новогодних каникул предложил И. Н. Чеботареву переехать на другую квартиру: «Участие мое в одном серьезном деле может вас скомпрометировать»[1]. Сестре Анне он сказал, что ищет себе квартиру поменьше, поэтому она не должна удивляться, если на ее адрес придут письма для него. Об этом же он предупреждает и студента-симбирянина Н. Тенишева. Не желая подвергать опасности разгрома Научно-литературное общество в случае своего ареста, Александр Ильич через И. Чеботарева отказывается от поста секретаря Общества «по недостатку времени». Наконец 25 января 1887 года он пишет письмо матери, в котором сообщает, что в университете занимается главным образом практическими занятиями, подыскивает другую квар-

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 99.

тиру, поэтому писать ему следует на Анин адрес[1].

Александр Ильич и в эту драматическую пору не только продолжал заниматься в лаборатории, но и обдумывал свою диссертацию и в то же время готовил к печати типографским способом Программу террористической фракции партии «Народная воля».

Было еще одно, сугубо личное дело, которое он обязался исполнить по просьбе двоюродной сестры Марии Веретенниковой. Дружба с нею еще в гимназическую пору приняла, по словам Анны Ильиничны, «оттенок первой любви, что-то вроде поэтической дружбы Герцена к его кузине»[2]. Во время прошлогодней встречи в Казани он пообещал Марии прислать откровенное мнение о ней в виде «Характеристики NN».

Александр Ильич ясно сознавал, что раскрытие отрицательных сторон может огорчить девушку, в которой он ценил сильный ум и очень большие способности, самобытность и оригинальность суждений, большую силу воли, необыкновенную твердость и настойчивость. Но, совмещая дружескую чуткость и печальную ласковость с неумолимой прямотой, он перечислил недостатки «NN»: у нее «глохнет потребность выработать себе определенные убеждения, и не только личные, но и общественные,— т. е. ясные представления об общественной жизни и об участии в ней личности... Самовоспитательная критическая работа, начавшаяся в ранней молодости, скоро приостановилась, книга из воспитательного средства (сознательного

---

[1] См.: Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка.— С. 39.

[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 61.

или бессознательного) обратилась в источник удовольствия»[1].

Отметив эти «главные пробелы в умственно-нравственной личности», Александр Ильич четко обрисовал свое кредо: «Оценивая человека, я держусь всегда такой мерки: насколько он выработал себе определенные общественные идеалы, идеал иного, лучшего порядка вещей, насколько основательны и прогрессивны его убеждения и насколько энергично и самоотверженно он идет к их осуществлению. Таким образом, недостаток сознательности выражается прежде всего в излишней индивидуализации; человек забывает об окружающей его массе, о своем долге перед ней; живя своей частной, семейной или даже личной жизнью, он не замечает ее страданий или как-то свыкается с ними; он приближается, другими словами, к понятию эгоиста, хотя при известном нравственном и умственном уровне эгоизм его никогда не спускается до грубых, материальных форм и притом остается все время только отрицательным,— т. е. человек не принимает активного участия в улучшении участи других, хотя сам никогда не купит своего счастья ценой чужого несчастья (по крайней мере, сознательно)»[2].

Это была та «мерка», с которой Александр Ильич подходил, в первую очередь, к себе самому.

Через несколько дней после отправки Александром Ильичом этого письма Анна Ильинична услыхала от Марка Елизарова или от Ивана Чеботарева об аресте студента Военно-медицинской академии Сергея Никонова — одного из членов

---

[1] Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка.— С. 36.
[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.—С. 132.

экономического кружка, в который входил и ее брат. Когда Александр Ильич узнал от сестры об этом аресте, то был очень огорчен и встревожен. Ведь С. Никонов, близкий знакомый Шевырева, был в курсе готовящегося покушения.

По всему было видно, что полиция вот-вот доберется и до организаторов заговора. Александр Ильич попытался сменить жилье, а пока попросил всех близких не посещать его дома, так как сам приходит туда только ночевать.

К началу февраля Лукашевич изготовил в своей квартире 10 фунтов (около четырех килограммов) динамита. Для трех же снарядов требовалось не менее 13 фунтов. Но продолжать работу там из-за внезапного усиления внимания полиции было опасно. Шевырев и Лукашевич попросили Александра Ильича найти более надежное помещение и изготовить недостающие 3 фунта динамита.

Перебрав мысленно возможности своих знакомых, Александр Ильич остановился на Михаиле Васильевиче Новорусском, которого знал как депутата Союза студенческих землячеств. Этот молодой кандидат духовной академии был женат и имел безупречную политическую репутацию.

Сначала Александр Ильич обратился к Новорусскому через товарища по факультету В. К. Агафонова, а 7 февраля пришел к нему домой на Малую Итальянскую улицу. Новорусский сказал, что на днях он переезжает в пригородное Парголово, где Александру Ильичу заниматься химией будет несравненно удобнее. Правда, надо еще договориться с матерью своей гражданской жены Марией Александровной Ананьиной, которая служит в Парголове земской акушеркой. Как

только согласие было получено, Александр Ильич через Канчера доставил свою лабораторию на Малую Итальянскую, а 12 февраля, под видом репетитора сына акушерки Николая, которого хотели поместить в гимназию, отправился в Парголово. Там в небольшой комнатке Александр Ильич за трое суток напряженной и опасной работы приготовил нитроглицерина даже с избытком. Этот излишек вместе с оборудованием он оставил у Ананьиной, а сам возвратился в столицу.

Анна Ильинична дважды заходила к брату, но хозяева сказали, что он не ночевал дома. Крайне встревоженная, она навестила Говорухина, у которого оказался и Шевырев. Они успокаивали ее, говоря, что Саша выехал недалеко для печатания или гектографирования чего-то, что это не опасно и что он скоро приедет. Но Анна Ильинична ушла недовольная: сами-то они не поехали на это «малорискованное» дело. При встрече с Сашей она высказала беспокойство об опасности печатания «чего-то», но он заверил, что этим не занимался. А чем именно — так и не пояснил. Анна Ильинична интуитивно почувствовала, что тут есть нечто глубокое, серьезное и поэтому не стала больше расспрашивать.

Если бы Александр Ильич считал себя вправе посвятить сестру в тайну заговора, то мог бы сказать, что он выполнил то, о чем его просили Шевырев, Говорухин и Лукашевич: разработал Программу фракции и изготовил недостававшую часть динамита.

Но жизнь внесла важные коррективы в запланированное ранее распределение обязанностей среди членов центрального кружка, высветив серьезные личные недостатки его руководителя Шевырева.

Первый конфликт между ним, с одной стороны, и Говорухиным и Ульяновым — с другой, возник из-за товарища по факультету и Научно-литературному обществу Николая Авксентьевича Рудевича. Этот серьезный и вдумчивый юноша, земляк и друг Андреюшкина, охотно помогал ему в приготовлении азотной кислоты и отливке пуль. Когда же Рудевич узнал, что Андреюшкин сам является метальщиком, то, испугавшись последствий, стал просить, чтобы ему дали денег для побега за границу. Шевырев, узнав об этом, потребовал от Рудевича продолжать работу, намекая, что иначе придется «сплавить» его. Александра Ильича возмутила эта угроза, и при его поддержке Рудевич смог скрыться.

«Между Ульяновым и Шевыревым постоянно происходили споры,— вспоминал Говорухин,— можно ли и должно ли предлагать такому-то вступить в террористическую группу. Ульянов находил, что очень молодым, не определившимся людям не следует предлагать это,— что это будет выходить втягиванием под умственным и нравственным давлением... Шевыреву было все равно, от кого бы ни издать прокламации по поводу покушения, от Исполнительного Комитета («Народной воли».— *Ж. Т.*) или от «новых народовольцев». Он склонялся даже к тому, чтобы от Исполнительного Комитета — больше, мол, значения. Но Ульянов не хотел вводить в заблуждение ни правительство, ни публику, ни революционеров»[1].

Участившиеся провалы в революционном подполье Петербурга, непредвиденные осложнения в изготовлении снарядов, а также возникшая из-за усилившейся полицейской слежки необхо-

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 230.

димость срочной эмиграции Говорухина вызвали предложение отсрочить покушение. Шевырев не хотел и слышать об этом и, обращаясь к Ульянову, воскликнул: «Как? Откладывать? Да ты, Ильич, уверен, что тебя завтра не возьмут? А я? Да кто из нас может поручиться, что он просуществует до осени? Далее, если слабый попадется правительству да проговорится, то всем нам конец. А за что? За хотение? Будь что будет, но вперед!»

17 февраля Шевырев и Лукашевич свели Александра Ильича с третьим, после Андреюшкина и Генералова, метальщиком — Василием Степановичем Осипановым, и в тот же день Шевырев выехал через Харьков в Ялту для лечения обострившейся чахотки; а 20 числа Говорухин на те 100 рублей, которые Александр Ильич получил в ломбарде за свою университетскую медаль, выехал в Вильно, где ему должны были помочь бежать в Швейцарию.

Преемником Шевырева считался Лукашевич. Он помог познакомиться между собой всем трем метальщикам, удостоверился в том, что Канчер заручился согласием своих земляков Горкуна и Волохова быть сигнальщиками, и, наконец, 21 февраля на квартире Александра Ильича вместе с ним набивает динамитом снаряды-цилиндры и организует их доставку Андреюшкину. На этом свою миссию руководителя Лукашевич считал оконченной и прекратил всякие сношения с только что сформированной и далеко еще не спаянной боевой группой.

Фактическим ее руководителем стал Осипанов. Познакомившись с ним поближе, Александр Ильич убедился, что на него можно положиться. Ва-

силий Осипанов был сыном солдата, рано остался без родителей. Еще будучи учеником Томской и Красноярской гимназий, испытал сильное влияние политических ссыльных. В 1882 году был отчислен с первого курса медицинского факультета Казанского университета и выслан в Минусинск за участие в студенческой сходке. Через год он вернулся в Казань, но поступил уже на юридический факультет. Много занимался самообразованием и хорошо был знаком как с народовольческой литературой, так и с трудами К. Маркса, Г. В. Плеханова. По своим наклонностям, как говорил сам Осипанов, он чувствовал страстное влечение к пропаганде социалистических идей среди народа. Однако жестокое преследование правительством сколько-нибудь свободомыслящих людей, закрытие газет и журналов, изъятие из библиотек чуть ли не всех порядочных книг, политические процессы, гонения на учащуюся молодежь — все это так озлобило Осипанова, что он пришел к мысли совершить цареубийство. Именно с этой целью осенью 1886 года он перевелся из Казанского в Петербургский университет и сразу же стал искать себе единомышленников.

Осипанов был самым старшим в боевой группе (ему исполнилось 26 лет), самым теоретически подготовленным, самым выдержанным и вместе с тем самым смелым и решительным. Он был готов действовать в одиночку и не боялся ни пыток, ни смерти. Но коль сложилась группа, то с ней надо было согласовать совместные действия, и вечером 25 февраля Осипанов по договоренности с Александром Ильичом устроил сбор на квартире Канчера и Горкуна.

Это была волнующая встреча. Наконец-то после двух с лишним месяцев напряженнейшей и опасной работы имелась тройка метальщиков: Пахомий Андреюшкин, Василий Генералов и Василий Осипанов, каждый из которых по смелости и самоотверженности не уступал героям 1 марта 1881 года; были готовы и снаряды, несущие троекратную смерть царю: от взрыва динамита в диаметре до двух метров, от разлета многих десятков свинцовых пуль — почти на 20 метров во все стороны и, наконец, от ядовитого действия азотнокислого стрихнина, которым были начинены эти пули.

Осипанов обговаривал с товарищами порядок хождения по Невскому, способы подачи сигналов о приближении царя и особенности метания снарядов. Александр Ильич больше говорил о нравственной стороне дела, об исторической необходимости борьбы против тирана-самодержца. Видя в Осипанове главную фигуру на возможном судебном процессе, Александр Ильич вышел с ним в другую комнату и еще раз повторил основные положения Программы террористической фракции партии «Народная воля», напомнил о том. что надо говорить на суде.

ПРОВАЛ

Выход боевой группы Осипанов назначил на завтра же: из газет было известно, что 26 февраля в 10 часов утра по случаю дня рождения Александра III в Исаакиевском соборе будет совершено молебствие, которое — это подразумевалось само собой — почтит своим присутствием император со своей августейшей семьей. Жителям столицы в честь такого торжества разрешалось украсить свои дома флагами, а вечером — устроить иллюминацию.

Утром 26 февраля, начиная от Аничкова дворца — резиденции царя — и кончая Адмиралтейством, Невский проспект и прилегающие к нему улицы были пышно декорированы трехцветными флагами и красным сукном. Царский день заметно нарушил великопостное затишье, наступившее еще 17 числа, и на улицах было многолюдно.

Согласно указаниям Осипанова, начиная с 11 часов утра боевая группа должна была следовать по Невскому в таком порядке: по правой

стороне (считая от Адмиралтейства) — Горкун, за ним Канчер, потом сам Осипанов. По левой — Волохов, Андреюшкин и Генералов. Дойдя до Публичной библиотеки, все поворачивают назад и перестраиваются: Андреюшкин и Генералов, которые первыми должны метать снаряды, идут уже без Волохова, который переходит через Невский и идет вместе с остальными сигнальщиками за Осипановым.

Соблюдение этого порядка на практике, когда по Невскому ходило много народу и члены группы часто теряли друг друга из виду, оказалось почти невозможным. Цели они не достигли, и патрулирование закончилось тем, что Осипанов сказал Канчеру, что следующий выход состоится через день — в надежде на то, что встретят царя, который мог проследовать на панихиду по своему отцу в Петропавловскую крепость в субботу.

В пятницу же Генералов и Осипанов для тренировки прошлись один раз по Невскому, зашли в кондитерскую, выпили там по чашке кофе и разошлись по домам. Андреюшкин не выходил с ними, потому что обнаружил неисправность запала в своем снаряде — его приходилось менять ежедневно. Вечером все трое метальщиков обсудили детали завтрашнего выхода на Невский.

Об этих двух вылазках охранка еще не ведала, но 27 февраля она уже имела основания полагать, что Андреюшкин причастен к какому-то террористическому акту. Что же случилось?

Еще месяц назад в петербургском «черном кабинете» было перлюстрировано письмо с неразборчивыми инициалами, адресованное студенту Харьковского университета И. П. Ники-

тину. В департаменте полиции обратили особое внимание на выписку из этого письма: «...Возможна ли у нас социал-демократия, как в Германии? Я думаю, что невозможна; что возможно — это самый беспощадный террор, и я твердо верю, что он будет и даже не в продолжительном будущем; верю, что теперешнее затишье — затишье перед бурею. Исчислять достоинства и преимущества красного террора не буду, ибо не кончу до скончания века, так как он мой конек, а отсюда, вероятно, выходит и моя ненависть к социал-демократам.

10-го числа из Екатеринодара получена телеграмма, из коей видно, что там кого-то взяли на казенное содержание, но кого неизвестно, и это нас довольно сильно беспокоит, т.-е. меня, ибо я вел деятельную переписку с Екатеринодаром и потому беспокоюсь за моего адресата, ибо если он тово, то и меня могут тоже тово, а это нежелательно, ибо поволоку за собой много народа очень дельного»[1].

Департамент полиции тут же направил начальнику Харьковского губернского жандармского управления предписание немедленно выяснить личности Никитина и в особенности его петербургского адресата. Однако глава харьковской жандармерии только на повторный запрос департамента полиции, уже 27 февраля, сообщил, что адресатом Никитина был студент Петербургского университета Андреюшкин.

В этот же день за ними было установлено «непрерывное и самое тщательное наблюдение».

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 361.

А с 7 утра 28 февраля за домом № 34 по Съезжинской улице, где квартировал Андреюшкин, зорко следил агент охранки. Он видел, как в половине девятого сюда подъехал на извозчике Канчер (шпики называли его между собой «Нос»), который минут через десять куда-то ушел. Затем к Андреюшкину пришел Генералов (прозванный шпиками «Белозерским» — он жил на Белозерской улице), а около 11 часов они вместе с Андреюшкиным («Казаком») направились через Адмиралтейскую площадь на Невский проспект. Агент заметил, что у Генералова под мышкой находился какой-то сверток в желтой бумаге, а у Андреюшкина под шинелью «что-то тяжелое».

На Невском, у Полицейского моста, Генералов и Андреюшкин встретили какого-то человека с книжкою под мышкой, который, как оказалось, был Осипановым. Затем они ходили по Невскому, с небольшим перерывом на обед в трактире, почти до наступления сумерек. После этого Осипанов пошел к Адмиралтейству, а Генералов и Андреюшкин по Екатерининскому каналу дошли до Гороховой улицы, где сели на извозчика и поехали на Белозерскую улицу, где жил Генералов.

Осипанов имел основания полагать, что три выхода на Невский прошли сравнительно благополучно: его ближайшие соратники были полны решимости довести начатое дело до конца, да и сигнальщики действовали согласно его указаниям. Вечером Осипанов зашел к Канчеру и распределил места сигнальщиков на воскресное утро 1 марта: Волохову — на Садовую, Горкуну — на Гороховую, а Канчеру — на Невский проспект. После этого Осипанов направился к

Генералову, чтобы еще раз обсудить план покушения.

В это же время охранка приняла решение об аресте членов боевой группы сразу же по выходу их на улицы, ибо царь 1 марта обязательно поедет на панихиду по случаю шестилетней годовщины со дня убийства народовольцами его отца. Правда, можно было вообще предотвратить этот выход «бомбистов»: этим же вечером схватить их на квартирах. Но возобладало мнение, что гораздо эффектнее (в том числе и для получения царских наград) будет выглядеть арест на подходах к Невскому, незадолго до выезда Александра III из Аничкова дворца. Тщательно подготовленный революционерами террористический акт уже был обречен на провал...

Об Ульянове, Лукашевиче и других участниках заговора охранка не знала и по логике вещей не должна была обнаружить их причастность к этому делу: в случае ареста боевой группы можно было надеяться, что метальщики даже под пыткой не выдадут своих товарищей; возможность же ареста сигнальщиков почти исключалась, ибо они выходили на Невский безоружными, шли отдельно от метальщиков и при задержании, естественно, могли твердо отрицать свое участие в покушении; наконец, Лукашевич прекратил общение с боевой группой еще до 25, а Ульянов — с 26 февраля.

И все-таки Александр Ильич в дни выхода метальщиков и сигнальщиков на Невский испытывал сильное нервное напряжение. Прежде всего, конечно, он думал о почти неизбежной гибели кого-то из товарищей и об успехе дела. Мучили сомнения о правильности и избранного

пути борьбы, и технической и организационной сторон операции. Кроме того, даже при самом удачном ее исходе, охранка сможет доказать его довольно близкое знакомство с Генераловым и Андреюшкиным и вообще политическую «неблагонадежность» еще со времен добролюбовской демонстрации. В этом случае придется расстаться с университетом, любимой научной работой, потерять право на службу в любом учреждении или учебном заведении, а следовательно, и материальную возможность поставить на ноги младших братьев и сестер. Понимал он, что не исключена и худшая судьба, но ради дела он должен будет принять и ее как неизбежность...

Душевная трагедия Александра Ильича усугублялась тем, что он по-прежнему скрывал от самого близкого ему человека — от сестры — ту опасность, которой подвергался сам, и не мог даже предупредить ее о тех невзгодах, которые могут обрушиться из-за него на нее, на мать, на всю семью. Не умея лгать, он при встречах с Анной почти все время молчал, и, несмотря на все ее старания расшевелить брата, глубокая печаль так и не сходила с его лица.

Утром 26 февраля, в тот момент, когда боевая группа впервые вышла на Невский проспект, Александр Ильич, находившийся в сильном напряжении и тревоге, снова пришел к сестре, чтобы найти душевный отдых, а может быть, чтобы проститься... «Во что-то погруженный, чем-то как будто расстроенный, он отвечал более односложно, чем всегда,— вспоминала Анна Ильинична.— Он пришел без всякого дела, сел, не раздеваясь, у самой двери, но просидел довольно долго. Не помню уже, спросила ли я

его о чем-нибудь, но, помню, что старалась развлечь, «разговорить»: я рассказывала ему о некоторых общественных и литературных новостях, передавала содержание какой-то новой, только что вышедшей тогда книги, которая казалась мне удивительно умной... Я из кожи лезла, чтобы заинтересовать его, и осталась сбитой с толку, разочарованной и немного обиженной тем, что он ушел как-то внезапно, что он ни о чем не говорил со мной, что он что-то как будто от меня скрывает...»[1]

Что-то неясно-тревожное тяготело над Анной Ильиничной 27-го. В тот день она поехала в Волкову деревню, где послушала уроки учителя народной школы, которого превозносили однокурсницы. Но ничего особенного после своих, симбирских, школ там не нашла. Возвращаясь домой через кладбище, заплуталась и уже на Петербургской стороне встретила Сашу. Он удивился, но, получив объяснение, пошел с очевидно угасшим интересом своим путем. На следующий день, 28-го, Анна Ильинична побывала у него вечером, но не застала дома.

Много лет спустя после встречи с братом в столь драматическую для него пору Анна Ильинична воссоздала навсегда запечатленный в памяти волнующий образ Александра Ильича: «И долго потом мне казалось, что он выходит ко мне навстречу из-за того или иного поворота улицы своими большими, решительными шагами, в пальто нараспашку, опираясь на толстый набалдашник своего дождевого зонта, и его черные глаза глядят на меня с той сосредоточенной ре-

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 118.

шимостью и с той глубокой грустью, которые вселяли в меня за последнее время какую-то безотчетную тревогу и тоску...»[1]

Первого марта, в воскресенье, вместе с Ревеккой Шмидовой, которая утром навестила Александра Ильича перед его уходом «куда-то», и М. Т. Елизаровым они втроем отправились побродить по весенним улицам — был ясный и солнечный день. Тревога не покидала Анну Ильиничну, и она осторожно поделилась ею со своими спутниками.

Сам Александр Ильич 28 февраля и 1 марта был в относительной безопасности: по рекомендации Лукашевича на уже знакомой ему квартире Бронислава Пилсудского (1-я линия Васильевского острова, дом № 4, квартира № 7) он долгими часами занимался набором текста Программы террористической фракции партии «Народная воля». В этой работе ему помогали фельдшер Алексей Воеводин и студент лесного института Леонид Державин — те самые друзья, чье пение любил слушать Александр Ильич на вечеринках и которых он с полным доверием мог привлечь к столь ответственному предприятию.

Они очень торопились с печатанием Программы, но недостаток опыта, несовершенство самодельного типографского оборудования, а отчасти и нервозность от неизвестности хода дела на Невском не позволили получить чистых оттисков даже первых двух листов Программы.

Напряженная работа продолжалась с утра до пяти часов дня, когда Александр Ильич решил

---

[1] Галерея шлиссельбургских узников.— Ч. I.— С. 213.

покинуть своих верных помощников (так и оставшихся неведомыми для охранки) и пойти на квартиру Канчера и Горкуна, чтобы выяснить обстановку. Это было грубое нарушение правил конспирации, так ускорившее роковую развязку... Если бы Александр Ильич зашел в находившуюся невдалеке кухмистерскую, то там услышал бы о начавшихся облавах и арестах и смог кое-что уничтожить у себя дома, а затем уйти в глубокое подполье.

А шесть часов назад вся боевая группа с помощью следивших за ней шпиков была схвачена еще на подходах к Невскому: Андреюшкин и Генералов — у Адмиралтейской площади, Осипанов — на углу Малой Конюшенной; поодиночке в районе Невского были арестованы и трое сигнальщиков. Последние сразу назвали свои настоящие фамилии, но отрицали причастность к какому-либо революционному сообществу. Метальщики же назвались так: Осипанов — тифлисским мещанином Иваном Ивановым, Генералов — воронежским мещанином Василием Грановским, Андреюшкин — студентом Андреем Ивановым. Вымышленными были и указанные ими адреса своего жительства. Прибегнув к обману, они надеялись выиграть время и таким образом предотвратить аресты товарищей, которые могли зайти к ним домой. Более того, Осипанов, улучив момент, когда агенты в коридоре охранки немного отпустили ему руки, дернул бечевку, которая должна была подготовить снаряд-книгу к взрыву, но она оборвалась. Когда же агенты ввели Осипанова в комнату, где за столом сидел офицер, он, приподняв книгу-снаряд, с силой бросил ее, как полагалось, так, чтобы она ударилась

углом о пол... Но взрыва не последовало: не сработал запал.

На первом же допросе Андреюшкин и Генералов бесстрашно признали, что найденные у них цилиндрические снаряды они намеревались «бросить под экипаж Государя Императора». Осипанов тоже подтвердил свою принадлежность к террористической группе партии «Народная воля», но отказался объяснить, с какой целью ходил с книгой-снарядом по Невскому.

Сигнальщики Горкун и Волохов сначала вообще отрицали знакомство с кем-либо из задержанных трех метальщиков, а Канчер, хотя и подтвердил, что знает Андреюшкина, Генералова и Осипанова, но только как знакомых по университету студентов. И никто из боевой группы в первый день не назвал других лиц, причастных к заговору.

Но руководство охранки, зная уже их домашние адреса, приказало по телефону участковым приставам произвести обыски в квартирах арестованных «бомбистов» и устроить в них засады, чтобы задержать всех, кто туда явится. Вот почему в квартире Канчера и Горкуна полицейские находились уже с часа дня.

Так Александр Ильич попал в засаду. Был он уже не первым: его усадили рядом с выпускником Харьковского университета Г. В. Левешко, пришедшим проведать своего земляка Канчера. А вскоре задержали студентов Ф. И. Левандовского и Г. П. Грузиненко, которых Александр Ильич знал как сокурсников по физико-математическому факультету. Все они без сопротивления дали себя обыскать и сообщили точные адреса жительства. Не дождавшись новых посетителей,

поручик составил протокол, который вслед за ним скрепили своими подписями помощник пристава, понятые-дворники и четверо задержанных.

За часы, проведенные в квартире Канчера и Горкуна, Александр Ильич о многом передумал. Перебрав все возможные причины своего задержания, он, видя, как сравнительно корректно вел себя жандармский офицер, пришел к выводу, что покушение не состоялось и засада организована по какому-то другому поводу. Успокоившись, Александр Ильич познакомился с протоколом и обычным четким почерком написал имя адрес и фамилию, не подозревая, что в это время производился тщательный обыск в его квартире.

Тревога не покидала Анну Ильиничну: воскресенье подходило к концу, а брат у нее так и не появился. Уже поздно вечером она пошла к нему домой сама. Все три окна квартиры в мезонине были ярко освещены. Обрадованная, что застанет Сашу дома, она торопливо взбежала по тридцати двум ступенькам лестницы, имевшей три поворота, и, не останавливаясь на площадке, позвонила... «Меня встретила полиция,— вспоминала она,— в комнатах все было уже вверх дном. Производился обыск, который мне пришлось видеть тогда впервые. Мне не сказали, конечно, что брат уже арестован, и, задержанная, я терялась в догадках, где он; думала, не зашел ли он ко мне в это время.

Кроме меня, задержанным в Сашиной квартире оказался и его гимназический товарищ, Валентин Умов, студент Московского университета... Я настолько не сознавала серьезности положения и не допускала мысли, что буду арестована, что

позвала Умова зайти как-нибудь ко мне, сообщив ему свой адрес»[1].

Когда обыск закончился, часть полицейских отправилась вместе с Анной Ильиничной на ее квартиру. Там они нашли неотправленное письмо к разыскиваемой полицией Анне Лейбович, которую Анна Ильинична по просьбе Шмидовой и Саши недавно приютила у себя на ночь. По дороге в охранное отделение на Гороховой улице пожилой пристав, ехавший с арестованной Анной Ильиничной, сказал, что «студент Генералов бросил бомбу в государя, и за это теперь берут его знакомых, много невинных»[2]. Только теперь Анна Ильинична поняла трагедию происшедшего: она как-то видела Генералова и Сашу вместе.

На следующий день ее перевели в дом предварительного заключения. И здесь, мысленно разматывая клубок минувших событий, встреч, разговоров, всего неясного и странного в поведении Саши, она, по ее словам, стала понимать с ужасом, леденящим душу, что тут дело не в одном знакомстве, а в активном участии.

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 119—120.

[2] Там же.— С. 120.

СЛЕДСТВИЕ

К вечеру 1 марта число арестованных, включая боевую группу, перевалило за десять. В основном это были студенты университета и курсистки-бестужевки, а также несколько студентов Москвы и Харькова, попавших в засады, устроенные полицией в квартирах метальщиков и сигнальщиков. Почти всех задержанных, как и Александра и Анну Ульяновых, поместили в общие камеры «секретного отделения» при управлении петербургского градоначальника на Гороховой улице (ныне — Дзержинского, 2).

Сотрудники охранки, занимавшиеся допросами только метальщиков и сигнальщиков и производством обысков в квартирах, не сумели в этот день выведать многого о террористической фракции.

Тогда дознание взяли в свои руки губернское жандармское управление и прокуратура окружного суда. Но и этим, самым опытным мастерам своего дела 2 марта с помощью всевозможных

угроз удалось сломить запирательство только Горкуна и Канчера. Однако этого было достаточно, чтобы в основном раскрыть дело. Эти двое раскаялись в своем участии в заговоре и рассказали почти все, что знали не только о метальщиках, но и о Говорухине, Шевыреве, Ульянове, Лукашевиче, Новорусском, Шмидовой, Ананьиных, их связях с вильненским подпольем. Выдав Ульянова, Горкун и Канчер сказали и о наполнении им снарядов, и об инструктаже, который он давал при обсуждении плана покушения на царя во время совещания 25 февраля, и о разъяснении им Программы террористической фракции, и о его роли в распространении прокламации «17 ноября в Петербурге»...

Казалось бы, имея такие сведения, жандармы в тот же день должны были допросить Ульянова, но они этого не сделали, решив тщательнее подготовиться к допросу, ибо уже поняли, что имеют дело с одним из руководителей заговора. Они тщательно изучали изъятые во время обыска на квартире Александра Ильича его письма, записную книжку с шифрованными записями, с планами каких-то местностей. А главное — им хотелось нащупать связи Ульянова с другими, по их мнению, более значимыми, чем арестованные студенты, народовольцами.

3 марта, когда вырисовался круг вопросов, подлежащих первоочередному выяснению, жандармский ротмистр с весьма примечательной для его службы фамилией Лютов и прокурор М. М. Котляревский в присутствии двух понятых — писарей Д. Хмелинского и Д. Иванова начали допрос Александра Ульянова, обвиняемого в участии в покушении на жизнь царя.

8*

Главную роль на допросах играл Котляревский. Внешне он выглядел ординарно и непривлекательно. Поношенный коричневый пиджак, лицо какое-то неровное, точно изрытое оспой, темные очки, сквозь которые все-таки можно было разглядеть, что левого глаза у него нет. Но как прокурор Котляревский был очень опытным, не брезгавшим и недозволенными приемами ради того, чтобы вырвать признание у подследственного. Именно за это Валериан Осинский с товарищами совершил в 1878 году в Киеве покушение на Котляревского, за что попал на виселицу[1].

Словом, Александру Ильичу предстояло иметь дело с умными и хитрыми врагами. Лютов и Котляревский сразу же почувствовали, что Ульянов — это орешек гораздо крепче, чем слабовольные сигнальщики. И они пошли на него, как говорится, с открытым забралом, чтобы предотвратить тем самым долгое запирательство: ознакомили с показаниями Канчера, Горкуна и Волохова.

Откровенное предательство сигнальщиков было неожиданным и страшным ударом. Надо было выиграть время, чтобы тщательно продумать свои показания, и Александр Ильич, измученный бессонными ночами, решил вообще на этот раз не давать их. Заполнив на стандартном бланке анкетные данные о себе, родителях, братьях и сестрах, он затем написал своим обычным каллиграфическим почерком: «На предложенные мне вопросы о виновности моей в замысле на жизнь государя императора я в настоящее время давать ответы не могу, потому что чувствую себя

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 147, л. 150.

нездоровым и прошу отложить до следующего дня».

Лютов и Котляревский поняли, что большего в этот день им не добиться, и вынесли формальное постановление о заключении обвиняемого «в отдельном помещении». Вручив ему этот листок, они получили отчетливую расписку: «Постановление выслушал и подписал

Александр Ульянов».

Его увезли в тюремной карете и, переодев в арестантскую одежду, поместили в камеру № 47 печально знаменитого Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Здесь шесть лет назад в камере № 7 находился Андрей Желябов. Петропавловку недаром называли русской Бастилией — это тоже была политическая тюрьма, с такими же мрачными казематами.

Камера была похожа на каменный мешок. Слева у стены стояла прикрепленная к ней железная кровать, покрытая серым тощим одеялом, рядом — откидная дубовая доска стола и табуретка, привинченная к полу. Высоко, почти под сводчатым потолком — маленькое окно с грязными стеклами, с толстой двойной решеткой, едва пропускающее солнечный свет, а в окованной железом двери — застекленный глазок для надзирателя и квадратное окошечко для передачи пищи. В углу — параша, водопроводный кран.

Обдумывая создавшуюся ситуацию, Александр Ильич меньше всего беспокоился о себе: он знал, на что шел. Неотступно мучила судьба сестры: ведь ее тоже наверняка арестовали. А через несколько дней все это огромное несчастье обрушится на хрупкие плечи матери, только начавшей приходить в себя после смерти

отца, скажется на судьбе Владимира и Ольги, для которых уже в этом году потребуются характеристики...

Доказать, что Анна не причастна к заговору, хотя и трудно, но можно. Примерно так же обстояло дело со Шмидовой. Значительно сложнее было опровергнуть намеки Канчера на причастность к делу Новорусского и Ананьиных — людей малознакомых, почти не ведавших об опасном для них характере его химических занятий в Парголове.

Дальнейшую свою тактику он окончательно решил строить так. Во-первых, подтверждать все, что станет известным о его личном участии в подготовке заговора; во-вторых, всячески выгораживать лиц, роль которых выплыла только благодаря показаниям двух сигнальщиков, и, наконец, принципиально обосновать свои поступки в борьбе с самодержавным деспотизмом.

На допросе 4 марта Александр Ильич сразу же признал принадлежность к террористической фракции партии «Народная воля», а затем довольно подробно рассказал о своей работе по изготовлению некоторых частей разрывных метательных снарядов. «Собственно фактическое мое участие в выполнении замысла на жизнь государя императора этим и ограничивалось, но я знал, какие лица должны были совершить покушение, т. е. бросать снаряды. Но сколько лиц должны были это сделать, кто эти лица, кто доставлял ко мне и кому я возвратил снаряды, кто вместе со мной набивал снаряды динамитом, я назвать и объяснить не желаю... Ни о каких лицах, а равно ни о называемых мне теперь Андреюшкине, Генералове, Осипанове и Лукашевиче

никаких объяснений в настоящее время давать не желаю»[1].

У руководителей следствия, а к ним относились и директор департамента полиции, министры юстиции и внутренних дел, да и сам царь, ибо он тоже читал каждую строчку протоколов допроса, начало складываться мнение, что Ульянов есть главный организатор и инициатор дела 1 марта. Александр Ильич решительно не согласился с этим предположением: скромность и правдивость, как потом подчеркивала Анна Ильинична, «не позволили ему приписать себе более крупную, чем в действительности, роль»[2]. И на следующем же допросе, 5 марта, он четко охарактеризовал принципиальные мотивы и степень своего участия:

«Я не был ни инициатором, ни организатором замысла на жизнь государя императора. Мое интеллектуальное участие в этом деле ограничивалось следующим: в течение этого учебного года, приблизительно не ранее второй половины ноября[3], я раза два или три имел разговоры с некоторыми из лиц, принявших впоследствии участие в том деле, по которому я в настоящее время обвиняюсь. Разговоры эти касались ненормальности существующего общественного строя и тех возможных путей, которыми он может быть изменен к лучшему. Мое личное мнение, которого я держался в этих разговорах, было таково, что для того, чтобы достигнуть наших конечных эко-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 369.
[2] Там же.— С. 308.
[3] После подавления добролюбовской демонстрации.— *Ж. Т.*

номических идеалов, что возможно только при достаточной зрелости общества, после продолжительной пропаганды и культурной работы, необходимо достичь предварительно известного minimuma политической свободы, без которого невозможна сколько-нибудь продуктивная пропагаторская и просветительная деятельность. Единственное средство к этому я видел в террористической борьбе, которая, как я надеялся, вынудит правительство к некоторым уступкам в пользу наиболее ясно выраженных требований общества. Я могу сделать предположение, что разговоры эти могли иметь некоторое, хотя во всяком случае очень незначительное, влияние на упомянутых лиц в том смысле, что ускорили, быть может, их решение посвятить себя террористической деятельности. Но если это влияние и было, то оно было очень ничтожно, так как, насколько мне известно, все лица, принимавшие близкое участие в этом деле, действовали вполне сознательно и убежденно, пришедши к этому убеждению самостоятельным путем зрелого и продолжительного размышления»[1].

Значительную часть дальнейших показаний Александр Ильич посвятил доказательству того, что ни Новорусский, ни семья Ананьиных, пригласив его в качестве учителя для занятий с мальчиком, ничего не знали о сущности химических опытов, которыми он занимался на их даче в Парголове. Впрочем, как ни старался Александр Ильич, следствие на этот раз не поверило ему.

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 308—309.

Затем наступил пятидневный перерыв в допросах. Во многом он объясняется тем, что 7 марта из Ялты поступила долгожданная для жандармов телеграмма об аресте там Петра Шевырева, который, судя по показаниям большинства обвиняемых, являлся инициатором заговора. В эти же дни окончательно определялась виновность второстепенных лиц, причастных к заговору лишь косвенно.

11 марта Александра Ильича вызвали на третий допрос. Отвечая на вопросы Лютова и Котляревского о пребывании в Парголове, он вновь подчеркнул неосведомленность семьи Ананьиных о его химических опытах. Он подтвердил свое знакомство с Р. Шмидовой, В. Умовым, В. Водовозовым, но твердо дал понять, что они тоже непричастны к делу. Далее Александр Ильич пояснил: «Найденные у сестры моей Анны Ульяновой, как мне о том заявляют, соли, краски, порошки и стекла с наклеенными на них препаратами принадлежат мне. Они служили мне для зоологических занятий и были оставлены мной в квартире сестры на лето. Найденная у моей сестры земля принадлежит также мне и взята мной из деревни для химического анализа ее»[1].

Но когда вопросы следователей относились к конспиративной деятельности Александра Ильича, то он оставался по-прежнему непреклонным: «Что же касается плана на странице 54 (его записной книжки.— *Ж. Т.*), рисунка и заметок на стр. 55, счета денег на последнем листке книги и других заметок и адресов,— то я отказываюсь

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 372.

от всяких показаний относительно них... Пять листков, с выписками из журнальных статей о крестьянских беспорядках, взяты мною для прочтения от лица, назвать которое я отказываюсь... Кем были писаны эти записки (переданные ему Р. Шмидовой.— *Ж. Т.*), я сообщить отказываюсь»[1].

«Не желаю» и «отказываюсь» так часто встречались в показаниях Александра Ильича, что царь 13 марта с досадой вынужден был сделать пометку на одном из листков с показаниями Ульянова: «От него, я думаю, больше ничего не добьешься»[2].

И все-таки 19 марта Александра Ильича снова вызвали для выяснения некоторых частных вопросов. Сам же Александр Ильич эту неделю между четвертым и пятым допросами занимался воссозданием в памяти текста, программного документа своей фракции — идеи, стоившие стольких жертв, должны знать все!

Попытку Лютова и Котляревского обвинить Анну Ульянову в том, что она знала смысл врученной ей телеграммы за подписью «Петров», условным текстом извещавшей о выезде из Вильно Канчера с азотной кислотой, стрихнином и пистолетом, Александр Ильич решительно отверг: «Я не объяснял сестре действительного значения этой телеграммы и вообще не сообщал ей ничего о нашем деле». «Лица, помогавшие в Вильно достать азотную кислоту, были мне известны, но

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 372.

[2] Поляков А. С. Второе 1-е марта: Покушение на императора Александра III в 1887 г: (Материалы).— М., 1919.— С. 47.

я отказываюсь их назвать. Какое участие принимал Шевырев в выписке азотной кислоты из Вильно, я объяснить отказываюсь. Мне известно, что из Вильно было получено для нашего дела 150 руб., но кто принял и расходовал эти деньги — я не знаю»[1]. Отказался назвать и то лицо, которое должно было перевезти бутыль с кислотой в Парголово.

И только на один-единственный вопрос Александр Ильич согласился ответить более или менее подробно — о своем участии в составлении и печатании Программы фракции. Причем исключительно о своем, о других же — опять ни слова: «Сколько лиц и кто именно помогали мне печатать программу, я объяснить отказываюсь... В составлении этой программы участвовало несколько лиц, которых я назвать отказываюсь»[2].

Шестое по счету и последнее показание Александра Ульянова датировано 20—21 марта. Написано оно в Петропавловской крепости и посвящено исключительно изложению обстоятельств, побудивших Александра Ильича и его единомышленников приступить во второй половине декабря 1886 года к составлению Программы своей фракции, призванной, по его словам, объединить российских революционеров и объяснить обществу «не только ближайшие мотивы» их поступка, но все их политическое «credo». Прилагая текст Программы, Александр Ильич подчеркнул, что он сам «принимал самое близкое участие в ее составлении и вполне солидарен со

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 373.
[2] Там же.— С. 374.

всеми выставленными в ней положениями и с тем объяснением, которое дается в ней террору»[1].

Решив в заключение более точно определить свое участие в деле, Александр Ильич открыто и смело заявил: «Если в одном из прежних показаний я выразился, что я не был инициатором и организатором этого дела, то только потому, что в этом деле не было одного определенного инициатора и руководителя; но мне, одному из первых, принадлежит мысль образовать террористическую группу, и я принимал самое деятельное участие в ее организации, в смысле доставания денег, подыскания людей, квартир и пр.».

Последние же слова явились настоящим вызовом: «Что же касается до моего нравственного и интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, т.-е. все то, которое дозволяли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений»[2].

Последний абзац царь отчеркнул и на полях сделал злобно-ироническую помету: «Эта откровенность даже трогательна!!!»

Первую часть Программы, где Александр Ильич рассматривает отношения общественных сил в современной России, доказывает настоятельную необходимость политической борьбы и историческую неизбежность установления в стране социалистического строя, царь, судя по отсутствию пометок на полях рукописи, прочел сравнительно спокойно.

Когда же он познакомился с конкретными про-

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 373.

[2] Там же.

граммными требованиями, которые Александр Ульянов изложил в 8 пунктах, то не смог уже удержаться и сделал негодующую помету: «Чистейшая коммуна!» Эта «коммуна» заключалась в следующем:

«1. Постоянное народное представительство, выбранное свободно, прямой и всеобщей подачей голосов, без различия пола, вероисповедания и национальности, и имеющее полную власть во всех вопросах общественной жизни;

2. Широкое местное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей;

3. Самостоятельность мира, как экономической и административной единицы;

4. Полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и передвижений;

5. Национализация земли;

6. Национализация фабрик, заводов и всех вообще орудий производства;

7. Замена постоянной армии земским ополчением;

8. Даровое начальное обучение»[1].

Неудовольствие царя вызвали и те места Программы, где говорилось, что революционеры в борьбе за минимум свободы, который необходим для пропагандистской и просветительной деятельности, будут сотрудничать первое время вместе с либералами (помета царя: «К сожалению это уже давно и без того так»), и выражалась надежда, что Программа поможет сплочению лучшей части русского общества в борьбе за заветный идеал (помета царя: «Действительно, это все перлы России!!!»)[2].

[1] Первое марта 1887 г.— С. 376—377.

[2] Там же.— С. 377.

«Эта передовая часть растет, совершенствуется и развивает свои идеалы нормального общественного строя,— говорилось далее в Программе,— но вместе с этим усиливается и правительственное противодействие, выразившееся в целом ряде мер, имевших целью искоренение прогрессивного движения и завершившееся **правительственным террором** (выделено мной.— *Ж. Т.*). Но жизненное движение не может быть уничтожено, и когда у интеллигенции была отнята возможность мирной борьбы за свои идеалы и закрыт доступ ко всякой форме оппозиционной деятельности, то она вынуждена была прибегнуть к форме борьбы, указанной правительством, т. е. к террору»[1].

На искреннее объяснение Александра Ульянова, что именно правительственный террор породил со стороны оппозиции ответный террор, Александру III нечем было ответить по существу и он написал: «Ловко!» Напротив же того места Программы, где утверждалось, что с ростом правительственной реакции «наиболее энергичная часть общества» не прекратит террора, царь с напускным спокойствием начертал: «Самоуверенности много, отнять нельзя!»

Заключительные слова Программы были полны веры в успех революционного террора: «Сама жизнь будет управлять его ходом и ускорять или замедлять его по мере надобности. Сталкиваясь со стихийной силой народного протеста, правительство тем легче поймет всю неизбежность и законность этого явления, тем скорее со-

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 377— 378.

знает оно все свое бессилие и необходимость уступок.

А л е к с а н д р У л ь я н о в.

21 марта 1887 г.»[1]

После этого вывода у Александра III не нашлось слов, чтобы в последний раз блеснуть своим «остроумием», и он в конце не сделал никакой пометы.

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 379.

ГОРЕ И МУЖЕСТВО МАТЕРИ

Даже на третий день после покушения на царя ни одна газета ни единым словом не обмолвилась об этом событии. И не случайно. Александр III хотел своим повелением навечно заточить покушавшихся в каменные мешки Шлиссельбургской крепости и не оповещать о чрезвычайном происшествии.

Однако слухи о волне обысков и арестов широко распространились по городу. То, что эта волна захлестнула Александра и Анну Ульяновых, 2 или 3 марта узнала их двоюродная сестра Екатерина Ивановна и ее муж — известный либеральный публицист Матвей Леонтьевич Песковский. Искренне считая, что произошло какое-то недоразумение, Песковский 3 марта обратился к директору департамента полиции с ходатайством за Александра и Анну, в котором, в частности, писал: «Ульянов — очень дельный, чисто кабинетный, до угрюмости нелюдимый человек, зарекомендовавший себя блестящими успехами

в науке; он имеет по золотой медали — из гимназии и университета. Ульянова — барышня в лучшем смысле слова, совершенно чуждая всего того, что может шокировать девушку». Допуская возможность, что «со стороны Ульяновых есть какое-либо компрометирующее знакомство», проситель подчеркнул, что год тому назад семья потеряла отца — «заслуженного директора народных училищ Симбирской губернии», а мать Ульяновых еще не оправилась от этого горя, и весть об аресте сына и дочери «буквально убьет ее». Эти обстоятельства, а также «чрезвычайно слабое» здоровье Анны, по мнению Песковского, «являются достаточным основанием» для освобождения брата и сестры Ульяновых под его «личное поручительство».

«Пусть за Ульяновыми,— писал он в заключение,— будет учрежден самый строгий надзор; но пусть надзор этот не мешает им окончить курс учения, или — что то же,— не вносит катастрофы не только в личную их жизнь, но и в жизнь целой семьи»[1].

В этот или на другой день Песковского известили, что его прошение оставлено «без последствий». Возможно, что в департаменте полиции ему намекнули на серьезность дела Ульяновых. И только тогда Екатерина Ивановна, конечно, без указания причины ареста своих двоюродных брата и сестры, написала письмо в Симбирск знакомой учительнице В. В. Кашкадамовой с просьбой сообщить о несчастье тетушке Марии Александровне.

---

[1] Итенберг Б. С., Черняк А. Я. Жизнь Александра Ульянова.— М., 1966.— С. 143.

Между тем ближайшему окружению царя удалось убедить недалекого и трусливого монарха о необходимости проведения закрытого судебного процесса по делу о покушении на его жизнь. 4 марта в «Правительственном вестнике», а затем и в других газетах и журналах появилось незаметное с виду, но составленное под руководством самого министра внутренних дел графа Д. А. Толстого правительственное сообщение:

«1-го сего марта, на Невском проспекте, около 11 часов утра, задержано трое студентов С.-Петербургского университета, при коих, по обыску, найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды, по осмотру их экспертом, оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином».

Министр прямо и хлестко ставил тем самым под сомнение «благонадежность» целого учебного заведения, одновременно вызывая ненависть черносотенцев вообще к студенчеству, которое, мол, не гнушается и применением стрихнина...

Это правительственное сообщение было передано по телеграфу во все города империи и 5 марта стало достоянием населения Симбирска. Больше всего, конечно, оно взволновало тех родителей, чьи дети учились в столице. Но только 8-го или 9-го числа, когда В. В. Кашкадамова через Владимира передала письмо Песковской Марии Александровне, та с ужасом поняла, что над Сашей и Аней нависла грозная опасность. Она немедленно выехала на лошадях до Сызрани, оттуда поездом через Москву добралась до Петербурга и уже 14 марта подала в департа-

мент полиции прошение о свидании с детьми. С Аней ей удалось увидеться, а на свидание с Сашей и по прошествии двух томительных недель разрешения все не было. Тогда 28 марта измученная горем мать обратилась с прошением к царю:

«Милости, Государь, прошу! Пощады и милости для детей моих! Старший сын, Александр, окончивший гимназию с золотой медалью, получил золотую медаль в университете. Дочь моя, Анна, успешно училась на Петербургских высших женских курсах. И вот, когда осталось всего лишь месяца два до окончания ими полного курса учения,— у меня вдруг не стало совершенно сына и дочери: оба они заключены по обвинению в прикосновенности к злодейскому делу первого марта.

Слез нет, чтобы выплакать горе. Слов нет, чтобы описать весь ужас моего положения.

Я видела дочь, говорила с нею. Я слишком хорошо знаю детей своих и из личного свидания с дочерью убедилась в полной ее невиновности. Да, наконец, и директор департамента полиции еще 16 марта объявил мне, что дочь моя не скомпрометирована, так что тогда же предполагалось полное освобождение ее. Но затем мне объявили, что для более полного следствия дочь моя не может быть освобождена и отдана мне на поруки, о чем я просила, в виду крайне слабого ее здоровья и убийственно вредного влияния на нее заключения в физическом и моральном отношении.

О сыне я ничего не знаю. Мне объявили, что он содержится в крепости, отказали в свидании с ним и сказали, что я должна считать его совершенно погибшим для себя».

Сердце матери не могло примириться с этим жесточайшим решением, и Мария Александровна, насколько это было возможно в прошении, обрисовывает свое тяжелое положение и крах надежд, которые питала после кончины мужа:

«На моих руках осталось шесть человек детей, в том числе четверо малолетних. Это несчастье, совершенно неожиданно обрушившееся на мою седую голову, могло бы окончательно сразить меня, если бы не та нравственная поддержка, которую я нашла в старшем сыне, обещавшем мне всяческую помощь и понимавшем критическое положение семьи без поддержки с его стороны. Он был увлечен наукой до такой степени, что ради кабинетных занятий пренебрегал всякими развлечениями. В университете он был на лучшем счету. Золотая медаль открывала ему дорогу на профессорскую кафедру, и нынешний учебный год он усиленно работал в зоологическом кабинете университета, подготовляя магистерскую диссертацию, чтобы скорее выйти на самостоятельный путь и быть опорой семьи.

...Я не знаю ни сущности обвинения, ни данных, на которых оно основано. Но сопоставляя самый факт обвинения в тягчайшем государственном преступлении с фактами относительно воззрений моего сына в самом недавнем прошлом, преданности его науке и интересам семьи,— я вижу непримиримую несообразность, представляющуюся чем-то совершенно необъяснимым».

Царь на этом прошении наложил резолюцию со свойственным ему злобным цинизмом: «Мне кажется желательным дать ей свидание, чтобы она убедилась, что за личность ее милейший сынок

и показать ей показания ее сына, чтобы она видела, каких он убеждений»[1].

В тот же день, 30 марта, Д. Толстой, узнав о резолюции царя, обратился к директору департамента полиции П. Н. Дурново с иезуитским советом: «Нельзя ли воспользоваться разрешенным государем Ульяновой свиданием с сыном, чтобы она уговорила его дать откровенное показание, в особенности о том, **кто, кроме студентов,** устроил все это дело. Мне кажется, что могло бы удаться, если бы подействовать поискуснее на мать»[2].

Директор департамента полиции принял Марию Александровну 31 марта — в день, когда Александру исполнился 21 год и он по закону стал совершеннолетним. Документального свидетельства о том, как именно изощрялся Дурново в своих попытках уговорить М. А. Ульянову «воздействовать» на сына, не сохранилось, но нетрудно догадаться, что он запугивал ее страшной судьбой, ожидающей сына.

Когда же Мария Александровна познакомилась с его показаниями на допросах, то убедилась в том, что угрозы властей имеют под собой серьезнейшую почву. Ведь Саша признал свою принадлежность к «Народной воле», подтвердил свое участие в изготовлении разрывных снарядов и составлении Программы своей фракции. Ее не могла не потрясти суть мужественного заявления сына: ему одному из первых принадлежит мысль организовать террористическую группу, и его участие в деле было полным,

---

[1] Поляков А. С. Второе 1-е марта.— С. 55—57.
[2] Там же.— С. 57.

насколько только дозволяли ему его способности, сила знаний и убеждений...

Наконец, долгожданное свидание матери и сына состоялось. Это было 1 апреля, в день именин Марии Александровны, между 10 и 12 часами в Петропавловской крепости, в присутствии представителя тюремной администрации. Анна Ильинична, со слов матери, так передала картину этой трогательной встречи: когда мать пришла к Саше на первое свидание, «он плакал и обнимал ее колени, прося простить причиняемое ей горе; он говорил, что кроме долга перед семьей, у него есть долг и перед родиной. Он рисовал ей бесправное, задавленное положение родины и указывал, что долг каждого честного человека бороться за освобождение ее...

— Да, но эти средства так ужасны,— возразила мать.

— Что же делать, если других нет, мама,— ответил он.

Он очень старался на этом и на следующих свиданиях примирить мать с ожидавшей его участью.

— Надо примириться, мама!— говорил он. Он напоминал ей о меньших детях, о том, что следующие за ним брат и сестра кончают с золотыми медалями и будут утешением ей»[1].

Александр Ильич не скрывал от матери, что на процессе будет отстаивать свои революционные убеждения и что ради этого намерен отказаться от защитника. С последним его решением мать никак не могла согласиться.

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 122—123.

Они знали, что больше свиданий до суда не дадут, а до начала заседаний еще две недели. И Мария Александровна, может быть даже по совету Саши, решает съездить хотя бы на несколько дней в Симбирск, к четверым младшим детям.

Александр Ильич с острой болью представлял себе, сколько тяжких, горьких дум передумает теперь мать за дальнюю и трудную дорогу в поездах до Москвы и Сызрани, а потом на почтовых лошадях, в весеннюю распутицу, до Симбирска; что расскажет она Володе, Оле, Мите и Маняше, как они там...

Мать пробыла дома несколько дней. В присутствии В. В. Кашкадамовой она рассказывала, как хлопочет о смягчении наказания Саше и что сочтет за величайшее счастье, если ему назначат пожизненную каторгу. «Я тогда уехала бы с ним,— мечтала она,— старшие дети уже большие, а младших я возьму с собой»[1].

Чтобы поспеть к началу судебного процесса, мать вынуждена была выехать в Петербург или 10 апреля (в день семнадцатилетия Владимира), или на следующее утро.

Печать по-прежнему ничего не сообщала о ходе следствия по делу о покушении на царя. Поэтому вплоть до приезда Марии Александровны в Симбирск даже местные власти не знали фамилий участников дела 1 марта. Но во время ее пребывания дома расширился круг людей, осведомленных о грозящей Александру Ульянову смертельной опасности, и скорее всего — через письма петербургских студентов-симбирян.

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 275.

В этот период инспектор народных училищ А. А. Красев пишет из города Карсуна Симбирской губернии своему бывшему сослуживцу В. И. Фармаковскому в Одессу:

«...Бедную Марию Александровну Ульянову постигло, говорят, новое несчастье, состоящее в связи с событиями последнего 1 марта. Носятся слухи, что даже с Анной Ильиничной не все благополучно, хотя она, будто, и не имела к делу живого и непосредственного отношения. Увы! Сколько недобрых предчувствий имела Мария Александровна, отправляя своих детей в Петербург, и как она не хотела расставаться с ними»[1].

Владимир теперь в полной мере понимал всю серьезность дела и трагичность судьбы Александра... В. В. Кашкадамовой запомнилось, что в это очень трудное время он «...большею частью был суров и молчалив, сидел у себя в комнате, и только когда приходил к младшим сестрам и брату, по-прежнему шутил и забавлял их, устраивая для них игрушки, играя с ними в лото, давая решать разные ребусы и шарады.

Когда приходилось говорить с ним о брате, он повторял: «Значит, он должен был поступить так,— он не мог поступить иначе»[2].

Да, он был убежден, что Саша решился на эту жестокую борьбу обдуманно, взвесив все «за» и «против». Другое дело — насколько правильным оказался путь, который избрали он и его товарищи в этой борьбе...

Но в эти дни, когда Саша томился в одиночке Петропавловской крепости, лишенный права пе-

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1073, оп. 1, д. 51, л. 20.

[2] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 274.

реписки и свиданий с родными, когда должны были вот-вот начаться заседания верховного суда империи, все помыслы Владимира и Ольги в Симбирске и матери, возвращавшейся в Петербург, сосредоточивались на одном: не пал бы духом Саша, не надломился бы, выдержал бы эти нечеловеческие испытания, сохранил свою прекрасную способность логически мыслить. Продолжал волновать вопрос: откажется ли он от защитника или изменит свое намерение?

ОТКАЗ ОТ АДВОКАТА

Не прошло и двух часов после волнующего свидания с матерью, как Александра Ильича вывели из камеры и отвели в комнату, где вскоре были выстроены в ряд обвиняемые по делу 1 марта. Небольшого роста престарелый сенатор П. А. Дейер вручил им типографски отпечатанные экземпляры «Обвинительного акта» и «Списка лиц, коих предполагалось вызвать на заседания правительствующего сената». При этом он предупредил, что каждый из обвиняемых «в семидневный срок обязан довести до сведения Особого присутствия: избрал ли кого-нибудь себе защитником и не желает ли, чтобы какие-либо другие лица, сверх указанных в предъявленном ему списке, были допущены в качестве свидетелей, и по каким именно обстоятельствам»[1].

Возвратившись в камеру, Александр Ильич стал внимательно изучать пространный обвини-

[1] ЦГАОР, ф. ДП, 1887 г., 3-е д-во, оп. 1, д. 646, л. 30.

тельный акт, составленный прокурором Н. А. Неклюдовым — известнейшим юристом империи.

В акте указывались анкетные данные всех 15 обвиняемых, обстоятельства, при которых они были арестованы, результаты обысков на квартирах, описывалось устройство разрывных снарядов. Наибольшую важность для Александра Ильича представляло изложение существенных моментов из показаний будущих сопроцессников. Метальщики П. Андреюшкин, В. Генералов и В. Осипанов смело признали, что хотели убить царя. От каких-либо дальнейших объяснений по обстоятельствам дела они решительно отказались. С откровенными признаниями сигнальщиков Александр Ильич был уже знаком, и оставалось лишь выяснить, что из них вошло в окончательный текст.

С понятным волнением Александр Ильич вчитывался в показания Б. Пилсудского, на квартире которого он со своими двумя верными помощниками печатал Программу. К счастью, тот никаких подробностей, кроме самого этого факта, в отношении неизвестных ему лиц не привел. Но досаду и горечь вызывала та часть показаний, где Пилсудский без особой на то надобности назвал фамилии нескольких виленских товарищей, в частности помощника аптекаря Тита Пашковского, у которого при обыске обнаружили революционные сочинения, в том числе «К молодежи» П. Кропоткина и «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Пашковский на допросе признал, что это он отправил из Вильно телеграмму Анне Ульяновой за подписью Петрова: «Сестра опасно больна»[1]. Для Алек-

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 402.

сандра Ильича это имело особое значение: в его записной книжке имелся вильненский адрес Т. Пашковского, и надо было быть готовым к объяснению того, откуда он узнал этот адрес.

А вот и показания Лукашевича. Признав, что уже с января 1887 года участвовал в заговоре, он объяснил это так, что следователи могли понять, будто его вовлекли Шевырев или Ульянов. Свою роль в подготовке покушения Лукашевич свел к наполнению динамитом, но вместе с Ульяновым, двух снарядов цилиндрической формы, заявив при этом, что «о существовании... третьего снаряда, в форме книги, ничего не знает». «Наконец, когда Ульянов, торопясь печатанием составленной в последнее время Программы террористической фракции партии «Народной воли», просил указать ему для этого квартиру, то он, Лукашевич, указал квартиру Бронислава Пилсудского...»[1]

Было о чем задуматься Александру Ильичу. Лукашевич, который на деле был главным химиком, пиротехником и конструктором, подавал себя лишь помощником Ульянова в изготовлении снарядов-цилиндров. Более того, отказываясь от причастности к изготовлению снаряда-книги, который в действительности сделал сам, Лукашевич вольно или невольно наталкивал следователей на мысль, что создателем третьего снаряда был Ульянов. А косвенным подтверждением этого для следствия служил кусок зеленой мраморной бумаги, найденный жандармами при обыске квартиры Ананьиной и Новорусского, тождественный с бумагой, которой оклеена крышка

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. — С. 403.

снаряда-книги: ведь это Ульянов занимался химией в Парголове...

По-иному теперь воспринимались Александром Ильичом те страницы обвинительного акта, где излагалась суть его собственных показаний, особенно это место: «Относительно технических работ по приготовлению снарядов Ульянов объяснил, что вся азотная кислота, при помощи которой был изготовлен динамит, была приготовлена в Петербурге, в квартире Андреюшкина, по его, обвиняемого, указаниям и отчасти под его руководством, а белый динамит он приготовил в первой половине февраля в Парголове в квартире Марии Ананьиной»[1]. Теперь выходит, что главный специалист по динамиту — Ульянов...

В заключительной части акта досаду вызывали утверждения Канчера, что Р. Шмидова якобы была в таких близких отношениях с О. Говорухиным и П. Шевыревым, что не могла не знать об их участии в каком-то опасном предприятии; и как возмутительна беспечность П. Андреюшкина, сообщившего 14 февраля письмом своей невесте народной учительнице А. Сердюковой о готовящемся покушении на царя и своей роли метальщика в нем... В результате и эти две девушки попали в состав «преступного сообщества», посягнувшего «на жизнь священной особы Государя Императора»[2].

Ознакомление с обвинительным актом еще раз подтвердило ранее сложившееся у Александра Ильича мнение, что на предстоящем процессе только он один сможет достойным образом из-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 407.
[2] Там же.— С. 410.

ложить идейные мотивы, побудившие его самого и его единомышленников к созданию террористической фракции партии «Народная воля». Для этого следовало отказаться от адвоката, чтобы самому защищать свои убеждения и поступки, а также тех обвиняемых, которые на самом деле не входили во фракцию. И Александр Ильич за отведенные семь дней даже не пытался избрать себе защитника.

Об этом уже знали и мать, и семья его двоюродной сестры. Стремясь, чем только можно, помочь Александру, Песковский 11 апреля обращается с прошением на имя министра юстиции: «Мать Александра Ульянова, одного из подсудимых по делу 1-го марта нынешнего года, уезжая из Петербурга, по причине крайнего расстройства здоровья, в Симбирск, т. е. домой к себе, поручила мне, как ближайшему и единственному в Петербурге родственнику, помочь сыну ее в отношении защитника.

Письмом на имя Ульянова (от 3-го апреля через жандармское управление) я рекомендовал ему воспользоваться услугами присяжного поверенного г. Пассовера Александра Яковлевича (Гагаринская набережная, 30). Между тем от Ульянова не поступило до сих пор просьбы о назначении защиты. Причины этого неизвестны, так как не только не разрешены свидания с Ульяновым (матери его было дано лишь одно свидание, с Высочайшего соизволения), но даже неизвестно почему, и письма не доходят до него.

10 апреля я подал прошение г. Первоприсутствующему Особого присутствия правительствующего Сената о назначении А. Я. Пассовера защитником Ульянова. На просьбу мою последовал

отказ, мотивированный совершеннолетием Ульянова (оно исполнилось лишь на днях, 31 марта). Хотя отказ этот совершенно согласен с буквою закона, но есть обстоятельство, ввиду которого я смею почтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство о назначении Александру Ульянову защитником А. Я. Пассовера.

Мать Ульянова, из личного свидания с сыном в крепости, вынесла убеждение в психическом его расстройстве, о чем и заявила г. директору Департамента полиции. Назначение защитника, являющегося, между прочим, в данном случае и единственно возможным посредником между подсудимым и его родными, должно рассеять убеждение, запавшее в душу матери, или оформить его легальным путем.

Действительно,— продолжал Песковский,— зная, каким был Ульянов, трудно не заподозрить ненормальность его умственных способностей,— так резка несообразность в том, чем был Ульянов и чем оказался по делу 1 марта. Человек может скрытничать, притворяться, но быть окончательно не самим собою — это уже слишком непонятно.

Не в интересах правосудия оставлять мать и других близких родственников Ульянова в тягостном убеждении относительно душевной болезни подсудимого. Исходя, главным образом, из этого обстоятельства, осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим Высокопревосходительством о назначении указанного выше защитника Ульянову.

Закон не будет обойден или нарушен в данном случае, потому что Ульянов, после личного свидания с защитником, будет иметь полную

возможность сам отстранить защиту, если он действительно не желает ее и если это не есть результат душевного расстройства.

Вопрос о защитнике для Ульянова представляется очень спешным, так как, насколько известно, дело должно начаться слушанием 15-го апреля»[1].

Неизвестно, дошло ли до Александра Ильича письмо Песковского от 3 апреля. Но именно в этот день ему, как и другим обвиняемым, дали в камеру чернила, ручку и несколько листов бумаги для того, чтобы он имел возможность написать прошение о назначении адвоката или вызове на суд свидетелей. В отличие от Лукашевича, Шевырева, Генералова, Осипанова и большинства других обвиняемых Ульянов этим правом не воспользовался...

14 апреля сенатор Дейер сообщил Песковскому, что его ходатайство о назначении А. Я. Пассовера защитником Ульянова «оставлено без последствий». Отвергнув кандидатуру А. Я. Пассовера — одного из известнейших в стране либеральных адвокатов, прославившегося защитой политических обвиняемых, Дейер одновременно уведомил присяжного поверенного В. И. Леонтьева 1-го о назначении его защитником «подсудимого Александра Ульянова в случае, если означенный подсудимый заявит пред открытием заседания просьбу о назначении такового...»[2].

Конечно, если бы Александр Ильич думал лишь о собственном спасении, то непременно воспользовался бы услугами адвоката. Опытный

---

[1] ЦГАОР, ф. ОППС, 1887 г., д. 646, л. 97, 98.

[2] Там же, л. 102.

профессионал, используя весь арсенал средств защиты, сослался бы и на молодость со свойственными ей горячностью и необдуманными увлечениями, и противозаконные действия подзащитного мог приписать пагубному влиянию на него других «злоумышленников» и так далее и так далее. И просил бы снисхождения — естественно, взамен за раскаяние подсудимого... Александр Ильич понимал, что такая защита может облегчить его участь, но подорвет саму идею, ради которой он решился на участие в заговоре. А это противоречило его принципам. Он без колебаний раз и навсегда сделал свой выбор: защищать не себя, а революционные убеждения, как это сделал в свое время и Андрей Желябов. А чтобы отстаивать право добиваться свободы и социальной справедливости революционными методами, адвокаты не требуются. Александр Ильич готовился к защите сам.

С 10 апреля он имел на руках типографски отпечатанные «Именные списки судей и прокурорского надзора» по делу 1 марта и знал, кто именно будет вершить расправу над ним и его товарищами. Председателем Особого присутствия правительствующего сената значился сенатор П. А. Дейер, стяжавший себе славу палача на процессах 70—80-х годов над революционными народниками. В состав присутствия вошли сенаторы Ф. П. Лего, В. И. Бартенев, Н. И. Ягн, Н. М. Окулов, а также так называемые сословные представители: тамбовский губернский предводитель дворянства Г. В. Кондоиди, петербургский уездный предводитель дворянства Н. К. Зейфарт, московский городской голова Н. А. Алексеев и волостной старшина Е. В. Васильев из

Ямбургского уезда столичной губернии. Обвинение поручено обер-прокурору общего собрания кассационных департаментов правительствующего сената Н. А. Неклюдову и товарищу обер-прокурора уголовного кассационного департамента того же сената А. Д. Смирнову. А экспертом будет выступать профессор Михайловской артиллерийской академии генерал-майор Н. П. Федоров.

Из отчетов о политических процессах, которые время от времени появлялись в печати, было видно, что фактическими хозяевами судилищ являлись председательствующий и прокурор. Но Александру Ильичу, помимо Дейера и Неклюдова, предстояло на суде внимательно следить и за генералом Федоровым, который вольно или невольно мог дать неверное заключение, особенно о методике приготовления динамита.

14 апреля Александра Ильича перевезли в закрытой карете из Петропавловской крепости в знакомый уже дом предварительного заключения, где всех обвиняемых поместили на нижнем этаже. «Тут порядки гораздо лучше,— вспоминал И. Д. Лукашевич,— чувствуется жизнь, и нет такой удручающей тишины, изолированности и одиночества, как в Петропавловке. По ночам у нас были открыты дверные форточки, газ горел всю ночь непрерывно, и за нами усердно присматривали»[1]. А другой обвиняемый, Б. Пилсудский, просидевший в Петропавловке около полутора месяцев, после перевода в дом предварительного заключения скажет 18 апреля 1887 года: «За последнее время я мог познакомиться с оди-

[1] Былое.— 1917 .— № 2 (24).— С. 124.

ночным заключением; действительно, это — страшное наказание, которое молодого человека может привести к сумасшествию или сделать из него машину, годную только для отправления известных физических потребностей»[1].

В таком подавленном состоянии находились перед началом процесса люди, не собиравшиеся твердо отстаивать свои антиправительственные убеждения, имевшие защитников-юристов, сожалевшие об участии в заговоре и втайне надеявшиеся, что останутся в живых. Александр Ильич сам отрезал все пути для отступления и знал, что его ждет смертная казнь. Но он попрежнему твердо сохранял самообладание, поражавшее даже его тюремщиков.

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 336.

ПЕРЕД ЛИЦОМ СУДА

Настало утро среды 15 апреля. Под усиленным конвоем Александра Ульянова и его товарищей из дома предварительного заключения доставили в первое отделение окружного суда, размещенного на Литейном проспекте.

Около одиннадцати часов всех 15 подсудимых, вперемешку с вооруженными солдатами, выстроили в коридоре, а затем ввели в зал заседаний. На процесс «при закрытых дверях» были допущены лишь высшие сановники — министры, их заместители, члены Государственного совета, директор департамента полиции и его ближайшее окружение, высокопоставленные юристы и жандармы, главный редактор «Правительственного вестника», а из прочих — только близкие родственники подсудимых.

Когда председательствующий Дейер убедился, что все — члены присутствия, прокуроры, секретари, защитники, свидетели и священники — имеются налицо, он скомандовал подсудимым

встать со своих мест и начал чтение обвинительного акта. Оно продолжалось около полутора часов и для большинства присутствующих имело формальный характер: подсудимые и многие из правительственных чиновников уже ознакомились с этим документом. Наконец, изрядно уставший Дейер произнес последнюю фразу и отдал распоряжение полицейскому приставу вывести всех подсудимых. Затем в зал был введен Канчер. Какие вопросы ему задавали председательствующий и прокурор и как именно он отвечал в течение часа, другие обвиняемые не знали. После 20-минутного перерыва в зал ввели Горкуна. Допрос его продолжался почти вдвое меньше, еще быстрее допросили Волохова. Несколько больше времени уделили Генералову, после чего был объявлен обеденный перерыв.

На вечернем заседании, начавшемся в 19 часов, первым, причем довольно долго, допрашивали Андреюшкина. После него увели Осипанова, но не прошло и получаса, как он вернулся, и наступил черед Ульянова.

Находилась ли в зале возвратившаяся из Симбирска мать? Наверное, да. И ее присутствие не могло не волновать Александра Ильича, но он держал себя в руках. На первый десяток вопросов, касающихся семейного положения и средств существования во время учения в университете, Александр Ильич отвечал спокойно и предельно лаконично. Тогда сенатор в полуутвердительной форме задал провокационный вопрос:

— Что же, вы все четыре года старались навербовать себе сообщников или первые годы провели в учении?

Александр Ильич с достоинством ответил, что все четыре года занимался теми науками, для которых поступил в университет. Что же касается вербовки сообщников, то не делал этого и в последнее время.

Дейер понял, что Ульянов сумеет должным образом парировать любые выпады и лучше уж вести с ним спокойный диалог в надежде, что он где-нибудь сам проговорится о том, что не удалось выведать на следствии.

В частности, Дейер задал несколько вопросов о Шмидовой, но таким образом, будто ни у кого нет сомнений в близких отношениях между нею и Говорухиным. Но Александр Ильич разгадал этот маневр и твердо заявил, что Говорухин не доверял Шмидовой никаких своих дел. Сенатор был вынужден перейти к другому вопросу.

Зная о том, что Александр Ильич помог Говорухину скрыться из Петербурга, Дейер с деланным недоумением стал интересоваться, почему Говорухин, будучи участником дела, оставил Ульянова, других, более молодых товарищей, а сам спасался. Александр Ильич решительно отмел все грязные подозрения Дейера о подобном характере взаимоотношений между революционерами: «Он нас не оставлял, мы оставались сами. Я даже советовал ему уехать... Уехать мог всякий, кто хотел»[1].

Этим заявлением Александр Ильич ясно показал, что сам-то он делал все, чтобы довести заговор до логического конца. Еще более смело он отвечал по поводу рассылки прокламаций «17 ноября в Петербурге» из квартиры Канчера.

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 90.

На вопросы Дейера, кто принес их туда и кто их гектографировал, Александр Ильич отвечал: «Я», «тоже я». Когда же сенатор попытался уточнить, кто же помогал, то получил уже ставший традиционным ответ: «Я отказываюсь назвать»[1].

Такая откровенность в отношении себя и твердость не могли не вызывать доверия к показаниям Ульянова. И когда он заявил, что совершил ошибку, дав адрес сестры Анны — «человека, не принимавшего участия» — для отправления условной телеграммы из Вильно, то это объяснение не вызвало возражений ни Дейера, ни прокурора.

Александр Ильич довольно подробно рассказал о своем участии в приготовлении динамита и снарядов, упомянув, что взялся за это после того, как узнал, что «то лицо, которое приготовляло снаряды, не может более продолжать работы, так как уезжает из Петербурга, и снаряды остаются неготовыми». Но он не назвал это «лицо». Зная из показаний сигнальщиков, что они видели, как в его квартире Лукашевич тоже участвовал в набивке снарядов, Александр Ильич, не дожидаясь вопросов, сам объяснил характер этого сотрудничества: «На Невском я встретил Лукашевича. Так как я торопился приготовлением снарядов и не мог поспеть один, то просил его придти помочь мне. При этом я просил его сообщить кому-нибудь, хотя бы Канчеру, чтобы он пришел часов в 8—9 веч. взять снаряды и отнести. Все это и было так сделано. **Кроме этого, Лукашевич мне ни в чем не помогал**»[2] (выделено мной.— *Ж. Т.)*.

Выделенная фраза — правда. Александр

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 91.

[2] Там же.— С. 94.

Ильич и на этот раз не поступился своей честностью. Но эта правда скрывала другую, так и оставшуюся неведомой для следствия и суда, благодаря чему Лукашевич и останется в живых: главным технологом-динамитчиком вначале был он, а Александр Ильич был его помощником и преемником.

Правду, но не в ущерб своим товарищам, Александр Ильич говорил нередко и тогда, когда о ней можно было умолчать. Только по своей воле, например, он сказал, что, провожая скрывавшегося от полиции Говорухина, дал ему 100 рублей, полученные в ломбарде в качестве залога за свою университетскую золотую медаль. Никто не узнал бы и о том, что только нехватка времени не позволила ему сделать снаряд-книгу еще более совершенным. Он сказал об этом, когда присяжный поверенный Турчанинов захотел лишь уточнить степень готовности снаряда-книги к действию.

Последние вопросы Дейера, обращенные к Ульянову, касались печатания Программы террористической фракции партии «Народная воля» на квартире Пилсудского. Но ничего нового, по сравнению с тем, что было записано в показаниях во время следствия, Александр Ильич не сказал. Так, осталось тайной для всех, даже для товарищей, какие «два лица» помогали ему 1 марта в печатании этого важного документа.

Последним в этот день допрашивали Шевырева, но Александр Ильич не слышал, как тот полчаса отрицал почти все, даже твердо установленные следствием факты его участия в подготовке покушения на жизнь царя.

Заседание 16 апреля началось в 12 часов дня. Первым допрашивали Лукашевича. За ним —

Пилсудского, Пашковского, Новорусского, Ананьину, Шмидову и Сердюкову. После перерыва, продолжавшегося до 7 часов вечера, в зал ввели всех свидетелей — семью Ананьиной, в том числе и сына, которому Александр Ильич давал урок в Парголове, Н. И. Чеботарева, брата Новорусского, шестерых околоточных надзирателей-сыщиков, квартирных хозяев подсудимых.

Осипанов и Лукашевич, используя подтверждаемый свидетелями факт, что веревочка у снаряда-книги оборвалась во время попытки взорвать его, заявили, что это говорит о непригодности всех трех снарядов к действию. А коль так, то, по мнению Лукашевича, было, значит, не злоумышление, **«не покушение, а только замысел»** (выделено мной.— *Ж. Т.*)[1]. Эксперт генерал Федоров согласился с тем, что конструкция снарядов была «несовершенной», «не могущей действовать».

Дело начинало принимать неожиданный оборот, и тут на помощь Дейеру пришел обер-прокурор Неклюдов. Он забросал генерала-эксперта чисто техническими вопросами: о разнице конструкций «книги» и цилиндрических снарядов, об изготовлении запалов, гремучей ртути, нитроглицерина. Генерал не только объяснял, но и приводил различные формулы приготовления гремучей ртути и нитроглицерина, обосновывал преимущество одного способа перед другим.

Неожиданно Александр Ильич вступил в спор с Федоровым, перечислив несколько иных формул приготовления нитроглицерина.

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 151.

Стенографы, сидевшие в зале за отдельным столом, стали записывать:

«**Ульянов.** Вы говорите, что приготовление нитроглицерина сопровождается сильным, удушливым запахом. Но это относится лишь к некоторым способам, а не ко всем; при том способе, каким я приготовлял, запаха вовсе не было. **Федоров.** Все-таки запах будет. Есть, впрочем, способ, при котором не бывает запаха, но им очень долго делать, и все-таки запах незначительный будет.— **Вопрос.** Возможно ли приготовить этим способом в сутки каких-нибудь (не слышно)? — **Ответ.** Все зависит от размера сосудов, посредством которых делается приготовление.— **Вопрос.** По тем бумажкам (лакмусовым.— *Ж. Т.)*, которые были найдены, нельзя утверждать, что они пробовались в последние дни? — **Ответ.** Конечно, этого нельзя сказать. По-моему, они употреблялись при приготовлении, а не в последние дни»[1].

Александр Ильич этому теоретическому спору придавал практическое значение, ибо только так можно было доказать, что семья Ананьиных, в парголовской квартире которых он приготовлял нитроглицерин, не замечала подозрительного сильного удушливого запаха.

Во время допроса Чеботарева (с ним Александр Ильич вместе проживал до января 1887 г.) были заданы лишь вопросы относительно Новорусского и Ананьиной. Чеботарев категорически заявил, что никогда не видел их у Ульянова. Когда же допрашивали квартирную хозяйку и дворника дома, где жила Шмидова, Александр

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 152—153.

Ильич задал свидетелям такие вопросы, которые помогли ослабить обвинение Шмидовой в знании ею некоторых подробностей перевозки снарядов и химической посуды из комнаты Говорухина.

В самом начале заседаний 17 апреля в присутствии всех подсудимых присяжный поверенный А. А. Герке сделал заявление, касающееся следствия. Суть его сводилась к тому, что по закону председатель суда имеет право допрашивать каждого подсудимого порознь, но по возвращении кого-либо из них в зал заседаний «обязан сообщить ему с точностью все, что происходило в его отсутствие», особенно те факты, которые не вошли в обвинительный акт.

Дейер не нашел ничего лучшего, как с издевкой пообещать: «Я в свое время, по окончании судебного следствия, сообщу подсудимым то, что каждый из них в отсутствие другого прибавил или убавил против того, что изложено в обвинительном акте, разумеется, только то, что будет признано мною существенным»[1].

Затем начался допрос младшего брата Б. Пилсудского — Иосифа, доставленного на суд в качестве свидетеля из Вильно. Александра Ильича интересовали подробности, связанные с посылкой телеграммы, в условленной форме извещавшей о благополучном отъезде Говорухина за границу, и с разрешения Дейера он завязал диалог с И. Пилсудским:

— По какому адресу велел вам Гнатовский послать телеграмму?

— По адресу брата.

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 161.

— Он так вам сказал? Это было в присутствии Говорухина?

— Да.

— И просил послать тотчас же?

— Просил послать на следующий день.

И невдомек было суду, что этими расспросами Ульянов выяснил, что у Говорухина все благополучно, если свидетель видел его своими глазами.

С пристальным вниманием следил Александр Ильич за показаниями тех свидетелей, которые явно по подсказке охранки старались доказать причастность Ананьиных и Новорусского к заговору. Следил и при каждом удобном случае вмешивался. Так, дворник Ананьиных сказал, что акушерка якобы угрожала ему за показания против нее, когда он вез ее из Парголова в Петербург. Защитник Ананьиной выясняет вопросами, что рядом с нею в санях сидел жандарм, который должен был слышать, как она угрожала. Но он об этом ведь не донес. Чтобы подорвать доверие к свидетелю-дворнику, который сам проговорился, что служит полиции, Александр Ильич рядом вопросов показал, что у дворника либо слабая память, либо он лжет[1].

Следствие придавало большое значение обнаруженным полицией в парголовской квартире Ананьиных лакмусовым бумажкам, использованным при химических опытах. Александр Ильич побудил свидетеля — полицейского пристава, руководившего обыском, признать, что лакмусовые бумажки он видел только в комнате,

---

[1] См.: Первое марта 1887 г.— С. 177.

где находилась лаборатория. Таким образом, доказывая, что Ананьины были в стороне от химических работ, он старался отвести беду от людей. Александр Ильич вмешался и в допрос экспертов, сличавших маленький кусочек зеленой мраморной бумаги, найденный в книге Новорусского, с такой же по виду бумагой, которой оклеивался снаряд-книга. На предварительном следствии эксперт считал, что и та и другая бумага одного сорта и даже от одного листа. Теперь же под присягой он отказался подтвердить это. Воспользовавшись этим, Александр Ильич сказал:

«Бумага эта настолько обычна в переплетном деле и настолько однообразна, что я не знаю, на каком основании утверждается в обвинительном акте, что та и другая бумага с одного и того же листа. Свидетель этого не утверждает»[1]. Так была отведена от Новорусского улика, что он принимал участие в подготовке покушения.

Но прокурора Неклюдова не устраивал такой оборот дела, и после перерыва, уже на вечернем заседании, начавшемся в 20 часов, он предложил Дейеру зачитать письменные показания 14-летнего сына акушерки Ананьиной и 10-летнего брата Новорусского, которые на суде отказались выступать в качестве свидетелей. Присяжный поверенный Н. И. Соколов 1-й, защитник акушерки, запротестовал: «Каким образом мы можем, при отсутствии всякой возможности, проверить факты, добытые дознанием, не выслушав показания самого свидетеля?» Однако Дейер удовлетворил

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 217.

желание прокурора, и показания малолетних были тут же зачитаны. Из них следовало, что сын акушерки никогда не видел Александра Ульянова и мать даже «не говорила», что к нему «приезжал на дачу учитель». Брат же Новорусского высказал предположение, что Андреюшкин привозил к ним на квартиру бутыль с серной кислотой[1]. Вот таким в общем-то противозаконным образом снова серьезные подозрения пали на Ананьиных и Новорусского.

После этого, по предложению Неклюдова, была зачитана «Справка о движении дел по обвинению разных лиц в государственных преступлениях, начиная с 1881 года», составленная в Петербургской судебной палате 15 апреля этого года. Сюда были включены процессы 20-ти 1882 года (А. Михайлова, Н. Колоткевича и др.), 17-ти 1883 года (Ю. Богдановича, М. Грачевского и др.), 14-ти 1883 года (В. Фигнер и др.), 12-ти 1884 года (К. Мартынова и др.) и сообщества «Пролетариат» 1885 года, по которому привлекалось 29 человек. Закончилось дознание о «Молодой партии «Народной воли», по которому суду подлежали Герман Лопатин и еще 20 человек.

Прокурору эта справка была нужна прежде всего для подтверждения «принадлежности многих лиц к террористической фракции партии «Народная воля». А для Александра Ильича это говорило больше о другом: несмотря ни на какие репрессии, революционные традиции живут...

Дейер перешел к последней части судебного следствия — сообщению подсудимым тех объясне-

---

[1] См.: Первое марта 1887 г.— С. 222.—225.

ний, которые не содержались в обвинительном акте. Обратившись к Канчеру, сенатор предложил подтвердить, что это Шевырев сообщил ему о предстоящей добролюбовской демонстрации, познакомил с Генераловым, просил никому не говорить о готовящемся покушении и втянул в дело. Канчер отвечал утвердительно и, кроме того, показал следующее: когда он пытался отказаться от участия в покушении, то Шевырев якобы напомнил ему о высылке Рудевича, и этот намек он понял как угрозу убить его.

Шевырев резко запротестовал против последнего утверждения Канчера и объяснил истинные обстоятельства отъезда Рудевича: «Он просил, чтобы его выслали, а здесь говорят, что будто его насильно выслали».

Александр Ильич не мог не высказать своего отношения к этой истории. Ведь если не опровергнуть злого вымысла предателя Канчера, то получится, будто в их фракции бытовала осужденная всеми революционерами нечаевщина[1]. И с разрешения Дейера Александр Ильич пояснил: «Рудевич просил достать ему денег. Я обратился к другому лицу, которое достало ему деньги,— так что это была жертва [2], и показание Канчера во всяком случае неверно».

---

[1] Нечаевщина — символ псевдореволюционности, методы мистификации и провокации, применяющиеся организатором тайного общества «Народная расправа» С. Г. Нечаевым.

[2] Стенографистка передала мысль неточно. Слово «жертва» надо понимать так: фракция пожертвовала средства, пойдя навстречу желанию Рудевича. Так полагала Анна Ильинична Ульянова.

Дейер тут же пытается поймать Ульянова:

— Вы говорили, что Шевырев говорил, что нужно три снаряда?

— Я сказал «одно лицо», не называя фамилии Шевырева.

Александру Ильичу не нравилось голое отрицание Шевыревым даже точно установленных следствием фактов, но он и при таких обстоятельствах старался как-нибудь облегчить его положение.

Дейер спросил Генералова, получал ли он деньги на террористические действия от Шевырева. Тот подтвердил, что получал раз или два. Шевырев, оправдываясь, сказал, что это делал по просьбе других. Тогда Александр Ильич с поразительной прямотой заявляет: «Я бы хотел спросить, не получал ли Генералов также и от меня денег и не передавал ли Шевыреву, что получил деньги от меня? Деньги все передавал я, и если когда передавал Шевырев, то делал это по поручению от меня»[1].

Зато Лукашевич не только подтвердил все, что вошло в обвинительный акт с его слов о Шевыреве, но и вступил в спор с ним на суде, усугубляя его вину. Когда Шевырев хотел объяснить то место обвинительного акта, где указывалось, что это он уверял Лукашевича, что деньги, 150 руб., пойдут на подготовку покушения, Лукашевич перебил: «Я об этом заключил из сопоставления того факта, который вытекал из пересылки денег»[2].

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 230.
[2] Там же.— С. 231.

Безрезультатным остались и попытки Андреюшкина доказать, что его невеста Сердюкова привлекается к суду без достаточных оснований, а также просьбы Новорусского приобщить к делу его рукописи, доказывающие его увлечение наукой. Дейер, явно стремясь ускорить дело, объявил судебное следствие оконченным.

После перерыва начал свою большую обвинительную речь прокурор Неклюдов.

БЕЗ СТРАХА И СОМНЕНЬЯ

Тайный советник Николай Адрианович Неклюдов занимал с 1885 года должность обер-прокурора Общего собрания кассационных департаментов правительствующего сената. Карьера у него была сложной. Сын мелкого чиновника, он в 1857 году окончил Пензенский дворянский институт, где физику и математику, кстати, преподавал Илья Николаевич Ульянов.

Во время учения в Петербурге Неклюдов принимал участие в студенческих волнениях, а в 1862 году попал на заметку жандармам как вероятный соавтор прокламации в защиту профессора П. В. Павлова — инициатора создания воскресных народных школ в России[1]. Однако он быстро «поправел» и после заграничной командировки, уже в 1865 году стал магистром. Безусловно одаренный от природы, выдающийся эру-

[1] См.: Процесс Чернышевского: Сб. документов.— Саратов, 1968.— С. 660.

дит, настойчивый и энергичный, Неклюдов быстро прошел все ступени служебной лестницы и с 1871 года стал консультантом министерства юстиции, «отпевалой» многих громких процессов, одним из жестоких судебных карателей. Либеральную адвокатуру Неклюдов ненавидел и публично предлагал меры по ограничению ее прав.

К выступлению на процессе он подготовился очень тщательно: ведь текст прочтут царь, министр юстиции и другие высшие сановники. Состав присутствия был подобран так, что не было никаких сомнений в его безоговорочном согласии с высшей мерой наказания, которую он предложит для всех обвиняемых. И все-таки, начиная свою речь, Неклюдов нервничал. Почему? Наверное, где-то в глубине души настойчиво возникало чувство, что эти студенты-революционеры не столь уж закоренелые преступники, а Ульянов своей честностью во многом напоминал своего отца, которого он, Неклюдов, хорошо помнил и которого благодарные ученики называли светлой личностью.

Но карьера для Неклюдова всегда была превыше всего, и свою обвинительную речь он начал с соблюдением канонов ораторского искусства: уверенно, отчетливо, умело вводя в нее заранее подготовленные наглядные сравнения, эпитеты, эмоциональные отступления, округляя каждую мысль и совершая плавные логические переходы от одной к другой.

Заявив, что нет особой необходимости доказывать тяжесть злодеяний «второго 1 марта», которое вызвало смущение и слезы у всей России, Неклюдов предупредил, что в своем слове рассмотрит лишь вопрос «о том, с кем и с чем мы

имеем дело, какие были побудительные причины или мотивы настоящего преступления, как оно возникло и каков был поступательный ход его развития»[1].

Логику действия обвиняемых Неклюдов объясняет так: «Каждый человек имеет свои убеждения, свои идеалы; он может их не только пропагандировать, но и осуществлять; если же ему не внемлют или же препятствуют силою его деятельности, то и он вправе прибегнуть к насилию. ...Мне не нравится, что Петербург построен на берегу Финского залива; я высказываю это убеждение другим, пропагандируя необходимость переноса столицы в иную местность России, но так как меня никто не слушает, то я вправе прибегнуть к динамиту, обратить столицу в груды развалин и затем предоставить обществу высказать свободно свое мнение о том, следует ли вновь возвести столицу на том же самом месте или же перенести ее в центр России»[2].

Столь же тенденциозно, игнорируя объективные предпосылки борьбы «Народной воли», «Пролетариата», «Молодой партии «Народной воли» и террористической фракции партии «Народная воля», Неклюдов разделался с их программами и без тени смущения подытожил: «Единственным мотивом подлежащего ныне вашему суду злоумышления мог быть только один слепой террор,— террор едва видимой под сильным микроскопом, среди остального населения России, кучки людей, пытающейся насильно навязать обществу излюбленные ею, но чуждые ему форму, правила и законы общежития и разрушающей

[1] Первое марта 1887 г.— С. 233.
[2] Там же.— С. 234.

словом и делом сам общественный и государственный строй»[1].

Что касается «хода развития настоящего злоумышления», то Неклюдов осветил его довольно верно. Однако и здесь не удержался от явной фальсификации. Так, вырвав из контекста прокламации «17 ноября в Петербурге» заявление ее авторов о том, что они «грубой силе, на которую опирается правительство» противопоставят тоже силу, но силу объединенную и организованную, Неклюдов расценил ее как угрозу террором. В действительности же в прокламации указывалось на необходимость противопоставить «тоже силу, но силу организованную и **объединенную сознанием своей духовной солидарности»** (выделено мной.— *Ж. Т.*). Здесь, как видим, о терроре ничего не говорится.

В заключительной части своего выступления прокурор напоминает суду, что статья 241 Уложения о наказаниях карает одинаково сурово «за всякое злоумышление против жизни, здравия и чести государя императора, за всякий умысел свергнуть его с престола, лишить свободы или власти верховной, или учинить его особе какое-либо насилие...». А затем разделил подсудимых на две группы: тех, кто вполне сознает свое преступление, и тех, вину которых надо изобличить уликами. На этом, уже поздно ночью, заседание суда окончилось.

Утром 18 апреля Неклюдов перешел к рассмотрению вопроса о виновности каждого из подсудимых. Начал он с Осипанова, принадлежность которого к террористической фракции до-

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 239.

казывается прежде всего его собственным признанием. Оценивая его роль в заговоре, Неклюдов назвал его главным физическим виновником, прибывшим в Петербург с целью цареубийства. Обратил внимание и на то, «что Осипанов... старше всех остальных подсудимых мужчин, вследствие чего он не может быть извинен ни увлечением, ни дурным примером»[1].

Причастность Андреюшкина видна также из его собственного признания. При этом прокурор подчеркнул и его настойчивость в заговоре, ибо он написал в письме к Сердюковой: «...если не удастся до 3 марта, то или отложим, или поедем за ним».

Характеризуя Генералова, который «предложил себя в распоряжение этой партии на какой угодно террористический акт», Неклюдов тоже напомнил о его вполне обдуманном намерении принять на себя роль метальщика[2].

О сигнальщиках Неклюдов говорит уже другим, местами явно пренебрежительным тоном. Он уличает фактами их участие в подготовке покушения и выражает недоверие объяснению Канчера, что тот действовал под давлением Шевырева, угрожавшего поступить с ним так же, как с Рудевичем. «Во всем том, что касается до Рудевича,— заявил Неклюдов,— **я даю полную веру показаниям подсудимого Ульянова, сознание которого если и грешит, то разве в том отношении, что он принимает на себя даже то, чего он не делал в действительности** (выделено мной.— *Ж. Т.*). Из показаний же Ульянова видно, что Рудевич не только не

[1] Первое марта 1887 г.— С. 250.
[2] Там же.— С. 251.

раскаялся в своем преступлении, но, выполнив все то, что выпало на его долю, и, оставаясь попрежнему другом злоумышленников, скрылся при их посредстве, подобно Говорухину, за границу, дабы избегнуть скамьи подсудимых»[1].

Если бы Неклюдов и далее действовал в соответствии с им же составленным обвинительным актом, то после обвинения метальщиков и сигнальщиков должен был перейти к Шевыреву, но он стал говорить об Ульянове. Почему? Неклюдов этого не поясняет, но, видимо, потому, что, наряду с членами боевой группы, тот принимал активное участие в таких важных делах, как «приобретение средств для выделки снарядов», «изготовление материалов для метательных снарядов и составных частей самых снарядов». Ему ставилось в вину содействие побегу за границу Говорухина, а также присутствие 24—25 февраля на сходке, где был принят план покушения на Невском проспекте. «Если припомнить,— продолжал Неклюдов,— что в это время не было уже в Петербурге ни Шевырева, ни Говорухина, то невольно приходишь к заключению, что Ульянов заменял собою на сходке обоих этих подсудимых — зачинщиков-руководителей». В лице Ульянова прокурор видел не только «физического деятеля, но и участника интеллектуального», который принимал активное участие в составлении, а потом и печатании Программы террористической фракции партии «Народная воля», оправдывающей образование фракции, а также своей пропагандой ускорил «решимость дру-

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 252.

гих на злоумышление» — дело, в которое «он вложил все свои силы и всю свою душу»[1].

Перейдя к Лукашевичу, прокурор напомнил, что это он по просьбе Ульянова указал ему квартиру Пилсудского для печатания Программы фракции, что он, как и Ульянов, содействовал в изыскании средств, необходимых для изготовления снарядов, вместе с Ульяновым набивал динамитом снаряды-цилиндры и, наконец, содействовал побегу Говорухина за границу. «Обращаясь к роли Лукашевича,— заявил Неклюдов,— я должен сказать, что роль его — роль пособника, хотя и значительно менее деятельного, чем подсудимый Ульянов, но тем не менее все-таки пособника необходимого»[2].

Следующим прокурор рассматривал дело Шевырева. Отметив, что до вручения ему обвинительного акта подсудимый отрицал свою принадлежность к фракции и даже объявлял себя врагом террора, Неклюдов высмеял все его дальнейшие показания и стал на фактах доказывать, что «из числа сидящих на скамье обвиняемых Шевырев есть именно то лицо, на которого должна пасть ответственность, как на зачинщика-руководителя», так как Шевырев — «душа и руководитель этого преступления»[3].

Затем, опираясь на явно недостоверные показания полицейских, дворников и квартирных хозяев, Неклюдов строит обвинение против Новорусского, Ананьиной и Шмидовой, оспаривая

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 254—255.
[2] Там же.— С. 255.
[3] Там же.— С. 256.

все заявления Ульянова в защиту этих подсудимых. И уж совсем неубедительно доказывалась виновность Сердюковой, все преступление которой состояло в том, что она не сообщила властям об опасном содержании письма Андреюшкина. Неклюдов и сам, конечно, понимал, что влюбленный молодой человек мог что-то и преувеличить в своем послании и никакая девушка, находящаяся от него на расстоянии в полторы тысячи верст, получив такое письмо, ничего точно не зная, не побежала бы с доносом к жандармам. На этом Неклюдов закончил свою речь, занявшую в стенографическом отчете 80 страниц...

Обвинение в отношении Пилсудского и Пашковского продолжил помощник Неклюдова товарищ обер-прокурора кассационного департамента Александр Дмитриевич Смирнов. Это было заурядное выступление, мало что добавлявшее к содержанию обвинительного акта.

После 20-минутного перерыва выступил защитник Осипанова А. Н. Турчанинов, уже не раз выступавший защитником на политических процессах: каракозовском в 1866 году, 193-х в 1878 году, А. Соловьева в 1879 году, а в 1882-м — по делу двадцати народовольцев. Это был один из немногих в России честных адвокатов, но в условиях наступившей в 80-х годах реакции возможности смелого защитника были очень ограниченными. И все же Турчанинов решился выступить против одного из основных тезисов Неклюдова, а именно: против его утверждения, что вся деятельность подсудимых, якобы «есть последствие слепого терроризма». Если это так, рассуждал адвокат, то надо признать, что подсудимые — это «люди, действовавшие под влиянием ослепления

умственного и нравственного, под влиянием существенного недостатка в их природе. Откуда произошло это ослепление, и где его источник? Судебное следствие вопроса этого не касалось...».

А насколько глубоко было это ослепление, видно из того, что подсудимые сроднились с задуманным и не останавливались «даже перед тем, чтобы самих себя отдать в жертву этих мыслей»[1]. Суд не может не принять во внимание и того обстоятельства, полагал Турчанинов, что хотя Осипанов и принял все меры, чтобы снаряд взорвался, тот, в силу несовершенства конструкции, все-таки не сработал. Все это говорит о необходимости проявить к Осипанову милосердие.

Защитительное слово Генералова было коротким — около минуты. Он обратил внимание суда только на то, что в обвинительном акте и в речи прокурора его взгляд на террор передан куце и искаженно, ибо еще в своих показаниях на дознании указывал: «Террор считаю только необходимым, в виду существующей у нас реакции, для достижения ближайшей цели партии — свободы слова, сходок и некоторого участия общественных сил в управлении»[2].

Андреюшкин выступал еще меньше. Он тоже имел всего одну претензию и тоже к прокурору, который умышленно исказил смысл его высказывания о взаимоотношениях народовольцев с социал-демократами. «Если я выразился об антагонизме социал-демократов,— пояснил Андреюшкин,— то относится этот антагонизм не к существующему направлению, а только к нескольким

[1] Первое марта 1887 г.— С. 282.
[2] Там же.— С. 283.

известным лицам... В качестве члена партии «Народной воли», делу которой я служил, я должен сказать, что я заранее отказываюсь от всяких просьб о снисхождении, потому что такую просьбу считаю позором тому знамени, которому я служил»[1].

После этих смелых слов слишком тускло прозвучало выступление присяжного поверенного К. Ф. Хартулари в защиту Канчера, Горкуна и Волохова. Он долго и нудно доказывал, что в пользу неопытных, молодых обвиняемых свидетельствует их чистосердечное раскаяние и содействие «правосудию к обнаружению остальных виновников по делу»[2].

Вот в такой обстановке, когда по-настоящему никем не были раскрыты глубокие и благородные истоки, приведшие ко «второму 1 марта», наступил черед Александра Ульянова выступить с защитительной речью, причем не только перед судьями и прокурорами, но и перед матерью, которая на этот раз находилась в зале заседаний.

Подтвердив, что фактическая сторона дела установлена вполне верно, Александр Ильич свел свою защиту исключительно к праву изложить мотивы, то есть к рассказу об умственном процессе, который привел его к необходимости вступить в заговор: «Я могу отнести к своей ранней молодости то смутное чувство недовольства общим строем, которое, все более и более проникая в сознание, привело меня к убеждениям, которые руководили мною в настоящем случае. Но только после изучения общественных и экономических

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 384.
[2] Там же.— С. 288.

наук это убеждение в ненормальности существующего строя вполне во мне укоренилось, и смутные мечтания о свободе, равенстве и братстве вылились для меня в строго научные и именно социалистические формы. Я понял, что изменение общественного строя не только возможно, но даже неизбежно»[1].

Уже в этом вступлении Александр Ильич сказал то, чего не сказали ни до, ни после него другие обвиняемые: о глубоких и прочных корнях своей революционности и непоколебимой вере в победу социалистических идеалов. Тем самым на нет сводились побасенки Неклюдова о «слепом терроризме» и «губительном влиянии» каких-то «злонамеренных людей» на подсудимых. Этим вступлением Александр Ильич решительно отметал любые поводы для снисхождения к своей личной судьбе.

«Каждая страна развивается стихийно по определенным законам, проходит через строго определенные фазы и неизбежно должна придти к общественной организации. Это есть неизбежный результат существующего строя и тех противоречий, которые в нем заключаются. Но если развитие народной жизни совершается стихийно, то, следовательно, отдельные личности ничего не могут изменить в ней и только умственными силами они могут служить идеалу, внося свет в сознание того общества, которому суждено иметь влияние на изменение общественной жизни. Есть только один правильный путь развития — это путь слова и печати, научной печатной пропаганды, потому что всякое изменение общественного строя явля-

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 289.

ется, как результат изменения сознания в обществе. Это положение вполне ясно формулировано в программе террористической фракции партии «Народной воли», как раз совершенно обратно тому, что говорил г. обвинитель»[1].

Каким самообладанием и какой силой знаний наполнена каждая фраза этой речи! И какая нужна смелость, чтобы публично обвинить высокопоставленного прокурора либо в полном непонимании, либо в бессовестной фальсификации основного программного документа, которым руководствовались обвиняемые им люди. Чтобы это обвинение было более убедительным, Александр Ильич методично, словно на заседании научного кружка, продолжал атаковать речь Неклюдова:

«Объясняя перед судом тот ход мыслей, которыми приводятся люди к необходимости действовать террором, он говорит, что умозаключение это следующее: всякий имеет право высказывать свои убеждения, следовательно, имеет право добиваться осуществления их насильственно. Между этими двумя посылками нет никакой связи. и силлогизм этот так нелогичен, что едва ли можно на нем основываться. Из того, что я имею право высказывать свои убеждения, следует только то, что я имею право доказывать правильность их, т. е. сделать истинами для других то, что истина для меня. Если эти истины воплотятся в них через силу, то это будет тогда, когда на стороне ее будет стоять большинство, и в таком случае это не будет навязывание, а будет тот обычный процесс, которым идеи обращаются в право. От-

[1] Первое марта 1887 г.— С. 289.

дельные личности не только не могут насильственным образом добиваться изменения в общественном и политическом строе государства, но даже такое естественное право, как право свободы слова и мысли, может быть приобретено только тогда, когда существует известная определенная группа, в лице которой может вестись эта борьба. В таком случае это опять-таки не будет навязывание обществу, а будет приобретено по праву потому, что всякая общественная группа имеет право на удовлетворение потребностей постольку, поскольку это не противоречит праву»[1].

Читая эти лаконичные, но очень емкие строки, невольно припоминаешь, что Ф. М. Керенский — типичный представитель схоластики — тоже не понял в свое время силы диалектического мышления лучшего ученика гимназии и выставил в аттестате зрелости Александра Ульянова четверку по логике. А может быть, снизил ему оценку по этому предмету только потому, что почувствовал опасно проницательную силу его ума.

Александр Ильич сумел бы еще привести курьезные примеры из обвинительной речи прокурора, но в любую минуту его мог прервать Дейер, а ведь ему хотелось сказать о многом. И он вернулся к объяснению того хода мыслей, который неумолимо подвел его к участию в революционной борьбе: «Таким образом, я убедился, что единственный правильный путь воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом. Но по мере того, как теоретические размышления приводили меня все к этому выводу, жизнь показывала самым наглядным образом, что при

[1] Первое марта 1887 г.— С. 290.

существующих условиях таким путем идти невозможно. При отношении правительства к умственной жизни, которое у нас существует, невозможна не только социалистическая пропаганда, но даже общекультурная; даже научная разработка вопросов в высшей степени затруднительна. Правительство настолько могущественно, а интеллигенция настолько слаба и сгруппирована только в некоторых центрах, что правительство может отнять у нее единственную возможность — последний остаток свободного слова. Те попытки, которые я видел вокруг себя, идти по этому пути еще более убедили меня в том, что жертвы совершенно не окупят достигнутого результата»[1].

И хотя он не иллюстрировал свою речь примерами, но всем присутствовавшим на суде было ясно, что из общекультурной области имелись в виду гонения на земскую школу, гимназии и университеты, враждебное отношение правительства к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина и других писателей «обличительного направления», запрещение чествования Н. А. Добролюбова и многое другое. Что касается затруднений в разработке даже научных вопросов, то Александра Ильича как молодого ученого не могли не возмущать и низкопоклонство правящих кругов перед иностранщиной, и нападки реакции на дарвинизм, и изъятие из общественных библиотек произведений прогрессивных ученых, и увольнение из университета В. И. Семевского, других свободомыслящих профессоров.

Продолжая свою речь, Александр Ильич перешел от рассмотрения субъективных причин станов-

[1] Первое марта 1887 г.— С. 290.

ления своих революционных взглядов к анализу объективных возможностей борьбы против существующего общественного строя. С сожалением он констатировал, что в России нет еще «сильно сплоченных классов, которые могли бы сдерживать правительство», и защитницей свободы мысли и свободы слова пока что выступает слабая интеллигенция. «Для интеллигентного человека право свободно мыслить и делиться мыслями с теми, которые ниже его по развитию, есть не только неотъемлемое право, но даже потребность и обязанность»,— с вдохновением стал развивать свою мысль Александр Ильич, но Дейер прервал его и потребовал излагать не общие теории, а субъективные мотивы, если же таковых нет, то «тогда нечего и возражать против обвинительной речи».

Но Александра Ильича было не просто сбить с толку, и он живо ответил: «Я имел целью возразить против той части речи г. прокурора, где он, объясняя происхождение террора, говорил, что это отдельная кучка лиц, которая хочет навязать что-то обществу; я же хочу доказать, что это не отдельные кружки, а вполне естественная группа, созданная историею, которая предъявляет требования на свои естественные и насущные права...»

Дейер снова прервал: «Под влиянием этих мыслей вы и приняли участие в злоумышлении?» Александр Ильич: «Я хотел бы это пояснить...» Но Дейер вышел из себя и не дал возможности закончить фразу, нетерпеливо предложив: «Будьте по возможности кратки в этом случае».

Казалось, что за частоколом этих реплик и требований можно было потерять главную нить доказательств, но Александр Ильич сохранил ее

и вновь настойчиво повторил ту мысль, на которой был прерван председателем:

«Я говорю, что эта потребность делиться мыслями с лицами, которые ниже по развитию, настолько насущна, что он[1] не может отказаться. Поэтому борьба, существенным требованием которой является свободное обсуждение общественных идеалов, т. е. предоставление обществу права свободно обсуждать свою судьбу коллективно,— такая борьба не может быть ведена отдельными лицами, а всегда будет борьбой правительства со всею интеллигенцией»[2]. Эта борьба и в других классах, «везде, где есть сколько-нибудь сознательная жизнь», тоже находит сочувствие. В России это столкновение приняло форму террористических поединков с правительством. «Конечно, террор не есть организованное орудие борьбы интеллигенции. Это есть лишь стихийная форма, происходящая от того, что недовольство в отдельных личностях доходит до крайнего проявления». Но это недовольство порождено жизнью, и до тех пор, пока правительство будет бороться со следствием, а не с причиной, отнимая у меньшинства интеллигенции последнюю возможность легальной деятельности, террор будет продолжаться. «Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданы своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь» — так вдохновенно закончил Александр Ильич свои

---

[1] В стенограмме, вероятно, ошибка. Имеется в виду группа.

[2] Первое марта 1887 г.— С. 291.

доводы. «Если мне удалось доказать,— продолжал он,— что террор есть естественный продукт существующего строя, то он будет продолжаться, а следовательно, правительство будет вынуждено отнестись к нему более спокойно и более внимательно. Тогда оно поймет легко...»[1]

Пораженный безупречной логикой мышления и беспредельной смелостью обличающей царизм речи Ульянова, Дейер оборвал ее в самом ответственном месте, когда Александр Ильич собирался сказать о том, к чему может привести схватка интеллигенции с правительством. Поняв, что у него осталась какая-нибудь минута, Александр Ильич подвел резюме, причем опять-таки с нескрываемым презрением к Неклюдову и ему подобным: «Я убедился, что террор может достигнуть цели, так как это не есть дело только личности. Все это я говорил не с целью оправдать свой поступок с нравственной точки зрения и доказать политическую его целесообразность. Я хотел доказать, что это неизбежный результат существующих условий, существующих противоречий жизни. Известно, что у нас дается возможность развивать умственные силы, но не дается возможности употреблять их на служение родине. Такое объективно-научное рассмотрение причин, как оно ни кажется странным г. прокурору, будет гораздо полезнее, даже при отрицательном отношении к террору, чем одно только негодование. Вот все, что я хотел сказать»[2].

Вспоминая через много лет эту памятную речь, М. В. Новорусский отметил, что Александр Иль-

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 292.
[2] Там же.— С. 293.

ич говорил тем же тоном спокойной убедительности и скромности, какой они слышали и на своих маленьких собраниях[1]. Но за этим внешним спокойствием скрывались напряженная работа мысли и глубочайшее волнение, которые, лучше чем кому-либо другому из сидящих в зале, передались матери. Потом она рассказывала: «Я удивилась, как хорошо говорил Саша: так убедительно, так красноречиво. Я не думала, что он может говорить так. Но мне было так безумно тяжело слушать его, что я не могла досидеть до конца его речи и должна была выйти из зала»[2].

Выступление Александра Ильича стало самым ярким событием процесса. Его защитительная речь была речью обвинителя.

Потом произносили свои речи защитники Лукашевича, Пилсудского, Шевырева, Шмидовой, Пашковского, Ананьиной и Сердюковой. В большинстве своем это были бледные выступления с примитивной аргументацией. Так, по мнению адвоката, это Говорухин «увлек Лукашевича на ложный путь», а до этого он был «благовоспитанным юношей», который «с отличием переходил из курса в курс». Защитник Шевырева упирал на то, что его подзащитный — «больной уже два года, не вполне понимал, что делал, и действительно не верил в серьезность и возможность покушения»[3].

Быть очевидцем такой защиты и уже почти наверняка знать, что ни Лукашевич, ни Шевырев

---

[1] См.: Новорусский М. Записки шлиссельбуржца.— М., 1933.— С. 365.

[2] Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об А. И. Ульянове.— С. 168.

[3] Первое марта 1887 г.— С. 296—297.

не будут протестовать против подобной постыдной аргументации, Александру Ильичу было очень тяжело. Это Новорусскому, согласившемуся оказать только одноразовую услугу товарищам по землячествам, еще в какой-то мере можно было простить малодушие, когда в защитительной речи он заявил, что разделяет «те чувства негодования и ужаса относительно замысла на жизнь государя императора и те убеждения относительно развития гражданской жизни России и преданности русского народа монарху, которые вчера были высказаны г. прокурором...».

А вот металыщики, когда настало время их последнего слова, вновь показали себя неустрашимыми борцами. Осипанов хотел осветить свой взгляд на принципиальную сторону дела, но Дейер сказал, что этого уже касаться нельзя. Тогда Осипанов пояснил: «По крайней мере, в тех пределах, в каких касался Ульянов...» На что Дейер опять возразил: «Ульянов говорил об этом в защитительной речи, а у вас был свой защитник». Наверное, это была та минута, когда бесстрашный революционер горько пожалел, что согласился иметь защитника... «В таком случае я могу коснуться только одного места речи защитника,— заявил Осипанов.— Он указал на тот факт, что я бросил снаряд, но что он не взорвался. Он на этом основании просит от суда снисхождения, так как я кидал снаряд, который не мог взорваться. Я на снисхождение не признаю за собой никакого права...»[1]

Генералов и Андреюшкин вообще отказались от последнего слова, а Канчер омерзительно, по-

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 333.

предательски стал канючить: «Я на первом же допросе, на предложение г. прокурора рассказать обо всем деле, я сейчас же рассказал и не только, что происходило в Петербурге, но и когда мне приказано было ехать в Вильну, и я там показал то же самое. Я думаю, это послужит к тому, что суд признает, что я в этом деле действовал не по своему убеждению, а попал совершенно случайно в это дело»[1]. Горкун, Волохов и Сердюкова отказались от последнего слова. Пилсудский же воспользовался этим правом, но только для того, чтобы подчеркнуть, что он увлекался «революционными идеями и в то же время был противником террористических убеждений».

На вопрос Дейера к Ульянову, что он может сказать, Александр Ильич ответил: «Ничего не имею». Раскаяния и просьб о снисхождении они от него не услышат...

Выступавший же за ним Лукашевич говорил кратко, но явно раскаиваясь и оправдываясь: «...Если подвести итог всей моей деятельности, если сложить все то время, которое было употреблено на пособничество мое этому делу, то соберется каких-нибудь два часа, которые уничтожили все мои планы, мои намерения и искренние желания. Я чувствовал много сил в себе и не могу не пожалеть, что все мои силы, все мои ближайшие намерения послужить для народа погибают без всякой пользы»[2]. Новорусский повторил, что он совершенно невиновен, но если придется нести какое-нибудь наказание, то чтобы при этом его не разлучали с невестой и ее матерью. Шевырев заявил,

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 334.
[2] Там же.— С. 337.

что все обвинения против него сильно преувеличены и ни в каком сообществе он не состоял. Пашковский полагал, что его оправдают. Шмидова и Ананьина вообще отказались что-либо сказать. После этого Дейер объявил прения прекращенными, а после перерыва зачитал 29 вопросов, которые Особое присутствие ставит на свое разрешение.

Первый из них гласил: «Виновен ли подсудимый, сын купца, Петр Яковлев **Шевырев**, 23 лет, в том, что вступил в тайное сообщество, члены которого, с целью ниспровержения существующего в империи государственного и общественного строя, проявили в предшествовавшие настоящему времени годы свою преступную деятельность в словесной и печатной в народных массах пропаганде, в вооруженном сопротивлении властям, в убийствах и покушениях на убийства должностных лиц и в ряде посягательств на жизнь в бозе почившего императора Александра II, а в настоящее время продолжают свою преступную деятельность в том же преступном направлении и такими же преступными средствами?»[1]

Точно такие же вопросы были поставлены в отношении Александра Ульянова, метальщиков, сигнальщиков и остальных подсудимых, кроме Сердюковой. Затем последовали вопросы о виновности каждого из метальщиков и сигнальщиков в деле 1 марта 1887 года, а за ними — Ульянова, Лукашевича, Шевырева и всех остальных, включая Сердюкову.

На вопрос Дейера к представителям сторон о замечаниях или возражениях Неклюдов и его

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 338.

помощник по обвинению Смирнов ответили отрицательно. А вот присяжный поверенный Турчанинов заявил, что первый вопрос «не соответствует заключительному пункту обвинительного акта, в котором такого точного определения и ссылки на прежние существовавшие преступные сообщества, на цели их и задачи, сделано не было. Поэтому первый вопрос подлежит исключению». Его поддержал Генералов: «Мне кажется, что вопрос, который предлагается о том, участвовал ли я прежде в революционных делах, не вытекает из дела». К мнению Турчанинова присоединились еще пятеро адвокатов.

Дейер обратился к Неклюдову за заключением, и тот стал отстаивать состряпанный им же первый вопрос: «В обвинительном акте упоминается о принадлежности подсудимых к террористической партии, понятие о которой с большою подробностью развито в первом вопросе, и никакого существенного влияния на участь подсудимых иметь не может»[1].

Посовещавшись на месте, присутствие согласилось с Неклюдовым, и тут же Дейер прервал заседание до 11 часов следующего утра 19 апреля.

Для подсудимых продолжение судилища началось во втором часу, когда их ввели в зал заседаний. Дейер снова провозгласил все 29 вопросов и одинаковые на них ответы: «Да, виновен» и предоставил Неклюдову высказать свое заключение. Тот, основываясь на законе, высказался за смертный приговор всем 15 подсудимым.

Присяжный поверенный Турчанинов смело повторил те же соображения, которые он пред-

---

[1] Первое марта 1887 г.— С. 342.

ставил еще в 1879 году по делу о покушении А. Соловьева: «Против идей есть только одна сила — это тоже такая идея, и в таких случаях уголовным судом едва ли возможно применение смертной казни». Трое его коллег присоединились к этому заявлению, а остальные либо просили о смягчении наказания, либо, как и подсудимые, вообще «ничего нового не добавили».

После перерыва, уже в пятом часу дня, был оглашен приговор, согласно которому все подсудимые подлежали «смертной казни через повешение»...

Вместе с тем в приговоре указывалось, что суд ходатайствует перед царем о замене высшей меры наказания: сигнальщикам и Ананьиной каторжными работами на 20 лет, Пилсудскому — на 15, Пашковскому — на 10, Шмидовой — ссылкой на поселение, а Сердюковой — заключением на 2 года.

НА РАССВЕТЕ

Мария Александровна была потрясена ужасной мерой наказания сыну и его товарищам. Но она верила, что еще не все потеряно. В оставшиеся дни до утверждения приговора она добилась двух свиданий с Сашей в доме предварительного заключения и как только могла убеждала и страстно умоляла его подать прошение о помиловании. После Анна Ильинична описывала, со слов матери, как рушилась последняя надежда: «Не могу я сделать этого после всего, что я признал на суде,— ответил Саша,— ведь это было бы неискренно»... Он говорил о Шлиссельбурге, единственно возможной для него замене смертной казни, об ужасе вечного заключения.

— Ведь там и книги дают только духовные; ведь эдак до полного идиотизма дойдешь. Неужели ты бы этого желала для меня, мама?»[1].

---

[1] Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об А. И. Ульянове.— С. 169.

Руки опускались у матери после таких доводов, но она снова и снова говорила, что он еще молод и многое с годами может измениться...

Молодой помощник прокурора Князев, стоявший у открытой двери одиночной камеры Ульянова, навсегда запомнил эту потрясающую картину свидания несчастной матери и приговоренного к смерти сына, трогательно старавшегося ее успокоить.

В эти полные глубокого драматизма минуты Ульяновы оказались достойными друг друга. Видя, как тяжело сыну слушать ее доводы и мольбы о прошении, Мария Александровна не стала больше настаивать.

Александр Ильич сознавал, что ему осталось жить несколько дней. Подводя роковую черту, он с горьким сожалением думал о несвершившихся мечтах, о том, чего не успел сделать в своей жизни, оказавшейся такой короткой... И в это непомерно тяжкое время силы придавало сознание того, что его короткая жизнь была до краев наполнена большим и интересным трудом и борьбой за прекрасные идеалы, что прожита она честно. Никогда не поступаясь своей совестью, он и теперь должен выдержать самое трудное испытание зрелости до конца. Ему было безумно жаль мать, братьев и сестер, и он мог утешаться лишь тем, что они знают, ради чего он покидает их навсегда, поймут и простят...

Будучи на редкость чутким и обязательным человеком, Александр Ильич и теперь, когда в ушах продолжали звучать слова смертного приговора, беспокоился, как бы не остаться навеки должником перед товарищами, находившимися на воле: он попросил мать выкупить из ломбарда

его золотую медаль, заложенную за 100 рублей, продать ее — она стоила 130 — и вырученные таким образом 30 рублей вручить некоему Тулинову, у которого занял эту сумму; просил также разыскать у букинистов «Немецко-французский ежегодник» 1844 года и еще одну редкую книгу, взятые у В. В. Водовозова, и вернуть их ему. На вопрос матери о каком-нибудь личном желании, «которое она могла бы исполнить, Саша сказал, что хотел бы почитать Гейне»[1].

Когда она вернулась в квартиру Песковских, то Матвей Леонтьевич, боясь за ее силы и рассудок, решил добиться свидания с Александром Ильичом, чтобы во что бы то ни стало все-таки побудить его подать прошение о помиловании. С трудом получив разрешение, Песковский не взял Марию Александровну, заявив, что она ему все дело испортит. Анне Ильиничне потом стал известен их разговор, и она написала в воспоминаниях: «Мать просила его все же не говорить брату чего-нибудь очень сильного, не расстраивать его, на что Песковский с досадой сказал: «Что же, вы не хотите, чтобы ваш сын был спасен?»

Он сообщил брату, как рассказал мне потом, о болезни матери, вследствие которой она не могла прийти и на свидание, о том, что она так потрясена, что он боится либо за ее жизнь, либо за рассудок. Он сказал, что долг брата, как старшего, подумать, в каком положении останутся при этом новом несчастье лишь за год назад потерявшие отца четверо младших братьев и сестер; что долг его как виновника всех вновь обрушившихся на его семью

---

[1] Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об А. И. Ульянове.— С. 171.

несчастий сделать все от него зависящее,— даже с точки зрения личной и тягостное,— чтобы отвратить от семьи хотя бы это худшее несчастье»[1].

Песковский был незаурядным литератором, и Анна Ильинична не сомневалась, что он не пожалел красок для того, чтобы ярко изобразить угрожающее состояние матери и убедить, что казни она не перенесет. Вот так, представляя, что новое несчастье почти неотвратимо нависло над всей семьей, усиленно налегая на самую слабую струну Александра Ильича — на то, что «он должен сделать нечто,— хотя бы и очень трудное для себя,— для других, Песковский убедил его подать прошение»[2].

Оно должно было адресоваться царю и быть написано по строго установленной форме. Вот как, например, начинал свое прошение Канчер: «Всепресветлейший, Державнейший Государь, Самодержец», а заканчивал так: «Недостойный верноподданный». Александру Ильичу всегда претило холопство, и даже в решающую минуту жизни он «мог говорить только языком вполне честного, ни от чего не отрекающегося, сознающего свое достоинство человека»[3]. Поэтому у него получилось не официальное прошение, пронизанное раскаянием, а, скорее, просто вынужденное письменное обращение к царю:

«Я вполне сознаю, что характер и свойства совершенного мною деяния и мое отношение к нему не дают мне ни права, ни нравственного основания обращаться к вашему величеству с

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 348—349.

[2] Там же.— С. 349.

[3] Там же.

просьбой о снисхождении в видах облегчения моей участи. Но у меня есть мать, здоровье которой сильно пошатнулось в последние дни, и исполнение надо мною смертного приговора подвергнет ее жизнь самой серьезной опасности. Во имя моей матери и малолетних братьев и сестер, которые, не имея отца, находят в ней свою единственную опору, я решаюсь просить ваше величество о замене мне смертной казни каким-либо иным наказанием.

Это снисхождение возвратит силы и здоровье моей матери и вернет ее семье, для которой ее жизнь так драгоценна, а меня избавит от мучительного сознания, что я буду причиной смерти моей матери и несчастья всей моей семьи.

Александр Ульянов»[1].

В субботу 25 апреля приговор сената вступил в законную силу, и Александра Ильича, как и всех других осужденных мужчин, за исключением заболевшего Новорусского, снова перевели в одиночную камеру Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Здесь ему дали письменные принадлежности, и 26 числа он наконец-то смог ответить сестре Анне, продолжавшей томиться в доме предварительного заключения:

«Дорогая Анечка!

Большое спасибо тебе за твое письмо. Я получил его на днях и очень был рад ему. А немного замедлил с ответом, надеясь увидеться с тобой лично, но не знаю, удастся ли нам это.

Я перед тобою бесконечно виноват, дорогая моя Анечка; это первое, что я должен сказать тебе и просить у тебя прощения. Не буду пере-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 346.

числять всего, что я причинил тебе, а через тебя и маме: все это так очевидно для вас обеих. Прости меня, если можно.

Я помещаюсь хорошо, пользуюсь хорошею пищею и вообще ни в чем не нуждаюсь. Денег у меня достаточно, книги также есть. Чувствую себя хорошо, как физически, так и психически.

Будь здорова и спокойнее, насколько это только возможно; от всей души желаю тебе всякого счастия. Прощай, дорогая моя, крепко обнимаю и целую тебя.

Твой **А. Ульянов.**

Напиши мне, пожалуйста, еще; я буду очень рад получить от тебя хоть маленькую весточку. Я также буду писать тебе, если узнаю, что имею на это возможность. Еще раз прощай.

Твой **Ал. Ульянов»**[1].

Не знал Александр Ильич, что он отвечал уже на второе письмо Анны Ильиничны. А первое, которое, по ее словам, было «воплем души», жандармы утаили от него. А в нем было такое теплое, глубоко искреннее признание: «Лучше тебя, благороднее тебя нет человека на свете. Это не я одна скажу, не как сестра; это скажут все, кто знал тебя, солнышко мое ненаглядное!»[2] Не мог Александр Ильич предположить, что и его ответное послание департамент полиции передаст Анне уже после его смерти, когда она выйдет из тюрьмы. Да и этой «милости» Ульяновы, очевидно, удостоились лишь потому, что Мария

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 133—134.

[2] Там же.— С. 121.

Александровна во время свидания 28 апреля с Сашей узнала от него о письме, которое он написал два дня назад.

Это была последняя встреча Александра Ильича с матерью — больше им не суждено было увидеться. Анна Ильинична, со слов Марии Александровны, описывает ее так:

«Последнее свидание с братом мать имела в Петропавловской крепости. Она рассказывала мне о тягостной обстановке этого свидания за двумя решетками, с расхаживающими между ними жандармами. Но она говорила также, что в этот раз она явилась повидать брата, окрыленная надеждой. Распространились слухи, что казни не будет, и материнское сердце, конечно, легко поверило им. Передать об этом при суровых условиях свидания она не могла, но, желая перелить в брата часть своей надежды и бодрости на все предстоящие ему испытания, она раза два повторила ему на прощание:

— Мужайся!

Так как надежды ее не сбылись, то вышло, что этим словом она простилась с ним, она проводила его на казнь...»[1]

О последующих днях жизни Александра Ильича нам ничего неизвестно. Из официальных же документов видно, что 30 апреля министр юстиции представил царю на утверждение приговор Особого присутствия правительствующего сената, а также просьбы одиннадцати осужденных о помиловании или облегчении участи.

Впоследствии выяснилось, что в число один-

---

[1] Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об А. И. Ульянове.— С. 171—172.

надцати обращение Александра Ильича не попало. Анна Ильинична писала в связи с этим: «Ничего не вышло, потому что он написал совсем не так, как я говорил ему,— передавал потом Песковский мне.— Никакого раскаяния и подпись даже не «верноподданный», а просто «Александр Ульянов». Александру III пишет Александр Ульянов! Конечно, на это прошение и внимания не обратили, и оно не было даже показано царю». И тут же, вспоминая проявленную братом железную волю и преданность идее, Песковский прибавил: «Но надо сказать, что умер он как герой»[1].

Царь согласился с мнением Особого присутствия о смягчении участи А. Ананьиной, Б. Пилсудского, Т. Пашковского, Р. Шмидовой и А. Сердюковой. И. Лукашевичу и М. Новорусскому смертную казнь он заменил бессрочными каторжными работами, сигнальщикам снизил срок каторги с 20 до 10 лет. А решение присутствия о метальщиках, П. Шевыреве и А. Ульянове оставил жесточайшим.

Александр III, сидевший почти безвыездно в Гатчине, боялся обнародования столь бессердечного приговора: он был объявлен только остающимся в живых, причем вечером 4 мая, после того, как царская семья выехала поездом из столицы на юг России.

В полночь с 4 на 5 мая специально вызванные тюремные кузнецы заковали Пахомия Андреюшкина, Василия Генералова, Василия Осипанова, Петра Шевырева и Александра Ульянова в наручные и ножные кандалы и под усиленной жандармской охраной в обстановке строжайшей секретно-

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 349.

сти повезли в карете через Невские ворота к крепостной пристани и посадили на небольшой арестантский пароходик. В это же время на стоявший рядом пароходик поместили И. Лукашевича и М. Новорусского[1]. В третий погрузился конвой. Осужденные уезжали из Петропавловки в своей штатской одежде, со своими небогатыми пожитками и книгами.

После шестичасового плавания по широкой глади Невы, ранним утром 5 мая пароходики причалили к Шлиссельбургу. Приговоренных ссадили и повели к Государевым воротам. Значит, эта крепость будет их последним пристанищем...

Разместили их в одиночных камерах одноэтажного белого здания «старой тюрьмы». Навсегда останется тайной, как прожили последние три дня своей жизни Александр Ильич и его товарищи. Но точно известно, что все пятеро не пали духом, сохранили высочайшее чувство человеческого достоинства.

А во дворе крепости за это время были сооружены три виселицы. В половине четвертого утра 8 мая осужденным объявили о предстоящем приведении приговора в исполнение. Как видно из донесения министра внутренних дел Д. А. Толстого царю, «все они сохранили полное спокойствие и отказались от исповеди и принятия святых тайн». Далее в нем говорится:

«...Первоначально выведены для совершения казни Генералов, Андреюшкин и Осипанов, которые, выслушав приговор, простились друг с другом, приложились к кресту и бодро вошли на эша-

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 1280, оп. 1, д. 643, л. 34.

фот, после чего Генералов и Андрюшкин громким голосом произнесли: «Да здравствует «Народная воля»!» То же самое намеревался сделать и Осипанов, но не успел, так как на него был накинут мешок. По снятии трупов вышеозначенных казненных преступников были выведены Шевырев и Ульянов, которые так же бодро и спокойно вошли на эшафот, причем Ульянов приложился к кресту, а Шевырев оттолкнул руку священника»[1].

В донесение министра, очевидно, вошли не все подробности о героическом поведении осужденных накануне казни. Во всяком случае, когда в штаб корпуса жандармов попал рапорт одного из карателей, жандармский генерал с раздражением пометил на полях: «Зачем нам это донесение?»

А достоверность последних строк донесения министра относительно «приложения к кресту» весьма и весьма сомнительна. Многое — откровенно ложные показания Шевырева на следствии и на суде, нескрываемое желание остаться в живых и малодушие, проявленное после объявления смертного приговора, свидетельствует о том, что он и в последнюю минуту мог дрогнуть и все-таки приложиться к кресту. И как это не вяжется с именем Александра Ульянова! Александр Ильич доказал это всей своей прежней, волевой жизнью, доказал, порвав с религией еще в ранней юности, доказал исключительной последовательностью, принципиальностью, стойкостью и смелостью поведения как в течение всего судебного процесса, так и после вынесения смертного приговора. Чи-

---

[1] Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.— С. 350—351.

новник же, наблюдавший за казнью и впервые видевший этих осужденных, либо ошибся, приняв Ульянова за Шевырева, либо, выполняя указания начальства, сознательно извратил картину последних мгновений жизни Александра Ульянова — безусловно, самой яркой политической фигуры.

...Это был последний рассвет, который встретил Александр Ильич Ульянов. Но, прощаясь с жизнью, он твердо знал, что только благодаря самоотверженной борьбе его и его товарищей, а за ними — других революционеров, которые еще более активно и умело продолжат ее, наступит рассвет над их угнетенной родиной.

ПАЛИ НЕ НАПРАСНО

Владимир Ильич даже с близкими людьми избегал говорить о драматической весне 1887 года, о тех днях, в течение которых он и его семья пережили арест, суд, а затем гибель Александра. Надежда Константиновна вспоминала в связи с этим: «Я никогда не спрашивала, а он никогда не рассказывал о том, что он пережил и передумал в то время. Он рассказывал только, как мужественно пережила этот удар его мать, а в тоне его, когда он рассказывал, звучало глубокое чувство любви и к матери и к брату»[1].

Трагическая судьба родного и любимого человека поразила 17-летнего Владимира Ильича, но в то же время обострила работу мысли. Прежде всего он пытался представить все обстоятельства, побудившие Александра так неожиданно быстро вступить в смертельную схватку с правительством.

---

[1] Волин Б. Студент Владимир Ульянов.— М., 1959.— С. 52.

Главное для него было ясно: это был глубоко осознанный шаг. Что касается конкретных причин, обостривших недовольство старшего брата самодержавным строем до предела, то о них Владимир Ильич слышал во время бесед с ним прошлым летом, из уст старшей сестры, И. Н. Чеботарева, наконец, из рассказов матери, читавшей показания Александра на следствии и слушавшей его защитительную речь на суде.

Были и другие источники информации. Известно, например, что прокламация «17 ноября в Петербурге», написанная Александром Ильичом по поводу добролюбовской демонстрации, была распространена и в Симбирске. Кроме того, по свидетельству Анны Ильиничны, «кое-что из речи Александра Ильича, из его поведения и выступлений на суде просочилось еще и тогда, окружив его личность ореолом, и передавалось устно, служа примером для молодежи»[1].

Не случайно уже в апрельские и майские дни 1887 года современники особо выделяли и защитительную речь Александра Ульянова, сравнивая ее с речью Андрея Желябова, и его беззаветную преданность революции, и изумительную смелость. Честь и мужество, которые проявили на суде, а затем и во время казни Александр Ильич и его самые верные товарищи, произвели огромное впечатление на всех, кому были дороги судьбы Отчизны. Студенты Петербургского университета в листовке, выпущенной вскоре после гибели «вторых первомартовцев», писали: «Мы скажем всей России: смотри, как умеют бороться и умирать

---

[1] Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об А. И. Ульянове.— С. 21.

твои революционеры! Мы глубоко запечатлели их славные имена в своих сердцах и будем воспитывать на их примере себя и лучших детей своей земли. Мир вашему праху, дорогие братья! Вы честно исполнили свой долг, вы твердой рукой поддержали знамя борьбы за свободу и правду! Глубокое спасибо вам и вечная память!»[1]

Политические события в России весной 1887 года вызвали оживленные отклики и в Европе. Фридрих Энгельс, имея в виду и выступление Александра Ульянова, в письме от 21 марта к дочери К. Маркса Лауре Лафарг высказал мысль, что народовольцы «в конечном счете достигли своей цели», так как царь «ползает на коленях перед революцией»[2]. Предвидя наступление в России скорого кризиса, Ф. Энгельс в письме к Ф. А. Зорге вновь указывает на «последние покушения», которые, «кажется, переполнили чашу...»[3]. Эти выводы были сделаны вскоре после появления в печати трусливого заявления царского правительства о том, что в России еще, дескать, не «настало время введения конституционного правления»; что правительство даже «тщательно изучает государственный социализм, успешно осуществляемый в Германии князем Бисмарком», а народовольцы-де не понимают этого и вынуждают русского императора предпринимать «дорогостоящие меры предосторожности для обеспечения его личной безопасности».

Примечательно, что в сочувственных отзывах европейской печати о деле 1 марта 1887 года, как

---

1 Красный архив.— 1927.— № 1.— С. 228.
2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 36.— С. 536.
3 Там же.— С. 538.

правило, особо выделяется личность Александра Ильича Ульянова. «Мужество людей вроде Ульянова и его товарищей,— указывал Г. В. Плеханов в своем очередном «Обозрении» в «Социал-демократе»,— напоминает нам мужество древних стоиков: вы видите, что при данных взглядах на вещи, при данных обстоятельствах и при данной высоте своего нравственного развития эти люди не могли действовать иначе»[1].

Французская рабочая газета «Кри дю пёпль», рассказывая 13 июня 1887 года своим читателям о мужественном поведении А. Ульянова и П. Шевырева перед казнью, подчеркивала, что они «оказались достойными того великого дела, за которое умирали»[2].

Консервативная лондонская «Таймс» в сообщении от 4 мая того же года выделила только одного революционера: «Все подсудимые вели себя на суде благоразумно и спокойно, за исключением Ульянова, который произнес очень смелую и дерзкую речь, выразив в ней сожаление по поводу того, что заговор не удался». Яркая речь А. Ульянова на суде привлекла внимание и английской «Дейли ньюс», и швейцарской «Социал-демократ», и некоторых других газет.

Но самым ярким и эмоциональным публичным откликом на подвиг Александра Ильича стала поэма «Ульянов», появившаяся 15 октября 1887 года в журнале «Пшедшвит» — органе польской социалистической партии «Пролетариат», выходившем в Женеве и Париже.

---

[1] Плеханов Г. В. Соч.— 3-е изд.— Т. III — М.; Л., 1928.— С. 259.

[2] Красный архив.— 1926.— № 2.— С. 222—223.

Ее автор — предположительно одна из виднейших деятельниц польского социалистического движения Цезарына Ванда Войнаровская — живо воссоздала сцены бесстрашного поведения своего героя, показала непоколебимую уверенность Александра Ильича в победе борцов за народное счастье. Рисуя картину казни, поэтесса пишет: «Спокойствием его чело сияло... Студент Ульянов умирал мужественно, уверенный, что придет час мщения»[1].

После выступления «вторых первомартовцев», как и раньше, появлялись сообщения о покушениях на жизнь губернаторов, чинов прокуратуры, жандармерии, полиции, сыскной службы. Но реакционные правящие круги тем не менее не думали выполнять требования революционеров о предоставлении народу земли и настоящей воли. Напротив, после «второго 1 марта» реакция в стране еще более усилилась. Действительность убеждала в малоэффективности террора как метода политической борьбы.

Не каждый молодой революционер 80-х годов мог идейно высвободиться из-под влияния народовольцев и пойти по другому пути. Семнадцатилетнему Владимиру Ульянову это удалось — весной 1887 года он отверг терроризм. И какой же нравственной силой, какой железной волей, каким огромным запасом знаний обладал этот юноша, если, воздержавшись от стремления отомстить за трагическую гибель любимого брата, сумел критически переосмыслить метод его революционной борьбы, мобилизовать весь свой умственный потен-

---

[1] Трофимов Ж. Ульянов//Волга.— 1967.— № 4.— С. 115—116.

циал на творческое овладение марксистской теорией и ее широкую пропаганду, направить всю энергию сильнейшего революционного пламени на создание партии нового типа, сплочение вокруг нее пролетариата в мощную силу и повести за собой многомиллионные массы трудящихся по единственно правильному пути — к победе социалистической революции! Тем не менее Владимир Ильич высоко оценил героизм народовольцев: «Они,— подчеркивал он в 1917 году,— проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа»[1].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 30.— С. 315.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?//Полн. собр. соч.— Т. 1.
Ленин В. И. От какого наследия мы отказываемся?//Полн. собр. соч.— Т. 2.
Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма// Полн. собр. соч.— Т. 5.
Ульянов Д. И. Очерки разных лет: Воспоминания, переписка, статьи.— М., 1984.
Ленин — Крупская — Ульяновы: Переписка (1883—1900).— М., 1981.
Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.: Сборник/Сост. А. И. Ульянова-Елизарова.— М.; Л., 1927.
Первое марта 1887 г.: Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др.— М.; Л., 1927.
Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове.— М.; Л., 1930.
Ульянова А. И. Детские и школьные годы Ильича.— М., 1981.
Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых.— М., 1978.
Крупская Н. К. О Ленине: Сб. статей и выступлений.— М., 1981.
Волин Б. Студент Владимир Ульянов.— М., 1959.
Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т.— М., 1969.— Т. 1.
Галерея шлиссельбургских узников/Под ред. Н. Ф. Анненского и др.— Ч. 1.— Спб., 1907.
Жизнь как факел: Сборник/Сост. А. И. Иванский.— М., 1966.
Итенберг Б. С., Черняк А. Я. Жизнь Александра Ульянова.— М., 1966.
Казакевич Р. А., Мандель С. З. Научная и культурно-просветительская деятельность прогрессивного студенчества 80-х годов XIX века.— Л., 1967.
Канивец В. Александр Ульянов.— М., 1961.
Крикунов В. П. А. И. Ульянов и революционные разночинцы Дона и Северного Кавказа.— Нальчик, 1963.
Осипов В. Апрель.— М., 1972.
Поляков А. С. Второе 1-е марта: Покушение на императора Александра III в 1887 г.: (Материалы).— М., 1919.

Семанов С. Н. А. И. Ульянов.— М., 1965.
Сутырин В. А. Александр Ульянов.— М., 1975.
Трофимов Ж. Ульяновы: Поиски, находки, исследования.— Саратов, 1978.
Трофимов Ж. Великое начало.— М., 1979.
Трофимов Ж. Отец Ильича.— Саратов, 1981.
Трофимов Ж. Дух революции витал в доме Ульяновых.— М., 1985.
Трофимов Ж. Мать Ильича.— М., 1985.
Яковенко Е. И. Александр Ильич Ульянов.— М., 1930.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Трофимов Ж. А.

Т76 Старший брат Ильича: Докум. повествование об Александре Ульянове.— М.: Сов. Россия, 1988.— 256 с.: ил.

А. И. Ульянов прожил короткую, но яркую жизнь, оставив неизгладимый след в истории русского освободительного движения.

Предлагаемая книга с достоверностью восстанавливает события столетней давности, когда студент Ульянов стал членом террористической фракции партии «Народная воля», вместе с товарищами готовил покушение на Александра III.

Несомненный интерес для читателя представят документальные материалы о ходе процесса над «вторыми первомартовцами», заключительная речь А. И. Ульянова.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Т $\frac{0102030000-010}{М-105(03)88}$ 1—88 9(с)16

ISBN 5—268—00313—5

Жорес Александрович Трофимов
СТАРШИЙ БРАТ ИЛЬИЧА

Редактор
Е. В. Галеева
Художественный редактор
Л. Е. Безрученков
Технический редактор
В. А. Преображенская
Корректор
Л. М. Логунова

ИБ № 7345
Сдано в набор 24.07.87. Подп. в печать 11.03.88. Формат $70\times100/_{32}$. Бумага на текст офсетная № 2, на вкл.— мелов. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,7 (в т. ч. вкл. 1,3). Усл. кр.-отт. 13,48. Уч.-изд. л. 10,18 (в т. ч. вкл. 1,03). Тираж 50 000 экз. Заказ № 251. Цена 60 к. Изд. инд. МПЛ-102.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия».

60 к.

«Советская Россия»

СТАРШИЙ БРАТ ИЛЬИЧА

★

Жорес Трофимов